

ГРАБЁЖ

РОБЕРТ КАЗАНОВАС

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

РЕЗЮМЕ

Этот исторический роман, вдохновлённый реальными событиями, рассказывает о франко-британской экспедиции 1860 года в Китай и разграблении Летнего дворца в Пекине. После военных побед при Дагу и Паликао союзные армии обнаруживают Летний дворец (Юаньминъюань), императорскую резиденцию с тысячелетними сокровищами. Перед лицом этих богатств дисциплина рушится: в течение трёх дней солдаты систематически грабят фарфор, нефрит и бронзу. Затем британцы поджигают дворец. Доставленные во Францию украденные предметы преподносятся императрице Евгении, которая создаёт китайский музей в Фонтенбло. Виктор Гюго публично осуждает это разграбление, называя Францию и Англию «бандитами». Китайский дипломат Пинь Чунь требует возвращения сокровищ, пророчествуя, что Китай никогда не забудет это унижение. Роман исследует мучительные сознания персонажей перед лицом лицемерного превращения грабежа в «сохранение культуры».

АВТОР

Роберт Казановас, который уже опубликовал «Похищенная комната» и «Завещание было подделкой», является почётным профессором с агрегацией и членом Общества Литераторов. Юрист, увлечённый историей художественных коллекций, он посвятил долгие годы изучению присвоения произведений искусства государствами. Президент НПО International Restitutions, он опубликовал многочисленные академические труды по этой теме.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Этот роман основан на глубоких исторических исследованиях, включая редкие китайские свидетельства, которые сохранились, британские и французские военные рапорты, статьи журналистов того времени и архивы европейских музеев. Хотя некоторые персонажи вымышлены как личности, их переживания и действия основаны на реальных свидетельствах выживших. Детали об объектах, зданиях и событиях настолько исторически точны, насколько позволяют доступные источники. Летний дворец действительно был одним из архитектурных чудес мира, и его разрушение представляет собой одну из величайших культурных потерь XIX века.

Оригинальная версия, написанная на французском языке, была переведена на несколько иностранных языков. Переведенные версии могут содержать лингвистические ошибки, искажения смысла или неточности.

русская версия

Грабёж

Робер Казановас

casanovas@hotmail.com

Юридический депозит декабрь 2025 – Электронная книга и бумажная версия

© 2025 Casanovas. Все права защищены - ISBN: 9791098073175

www.international-restitutions.org

Обложка: Восстановленный старый Летний дворец – Chine Informations 2025

Другие произведения автора:

Украденная комната (роман)

Завещание было подделкой (роман)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

Глава 1: Дорога позора

Глава 2: Сокровище Сына Неба

Глава 3: Безмолчные свидетели

Глава 4: Путешествие

Эпилог

ГРАБЁЖ

ПРОЛОГ

Париж, 4 ноября 1859 года

Булыжники улицы Сен-Доминик блестели под мелким дождём, превращавшим Париж в серую картину. Генерал Шарль Гийом Кузен де Монтобан стоял у окна, заложив руки за спину, наблюдая за прохожими, спешившими под зонтиками.

За его спиной маршал Рандон, военный министр, машинально перелистывал документы. Типшина тянулась между ними, прерываемая лишь скрипом паркета и редким шелестом страниц. Рандон поднял голову, его густые брови нахмурились.

— Монтобан, — произнёс он глубоким голосом, — Император доверяет вам миссию, которая далеко выходит за рамки обычной военной экспедиции.

Генерал повернулся к нему. Его изрубленное лицо, отмеченное африканскими кампаниями, оставалось бесстрастным. Его голубые глаза тревожной ясности остановились на министре.

— Я готов служить Империи, где бы то ни было, господин маршал. Китай меня не пугает больше, чем алжирские пустыни.

Рандон слегка улыбнулся. Он поднялся из кресла — его полнота делала каждое движение затруднительным — и подошёл к обширной карте, развёрнутой на соседнем столе. На ней была изображена Китайская империя во всей её протяжённости, огромная территория, отмеченная странными иероглифами и приблизительными линиями.

— Дело не только в храбрости, Монтобан. Англичане в прошлом году потерпели неудачу, пытаясь прорваться в устье Пэйхо. Их корабли были отброшены, их погибшие исчисляются десятками. Потерянное лицо разъедает их, как гнойная рана. Лорд Элгин жаждет мести.

Генерал тоже подошёл к карте, изучая её с вниманием охотника, исследующего местность. Его палец провёл линию от побережья вглубь страны.

— Они совершили ошибку, атаковав в лоб. Если я правильно понял донесения, китайцы успели укрепить устье. Нужно будет обойти, ударить там, где нас не ждут.

— Вот чего Его Величество от вас ожидает, — ответил Рандон, положив руку на плечо генерала. Фамильярность жеста контрастировала с его обычной сдержанностью. — Вам будет выделено десять тысяч солдат. Две бригады под командованием генералов Жамена и Коллино. Закалённые люди, которые последуют за вами хоть в ад, если потребуется.

Монтобан кивнул. Он отвернулся от карты и прошёлся по комнате. Его разум рассчитывал расстояния, сроки, бесчисленные переменные кампании на другом конце света.

— А англичане? Каковы будут масштабы их участия?

— Генерал Грант будет располагать двенадцатью тысячами человек. Численно больше, разумеется, но менее дисциплинированы, чем наши. Вам придётся иметь дело с колониальными войсками, индийцами, разнородными контингентами. Координация сама по себе будет вызовом.

Генерал издал глухое ворчание. Он знал репутацию британских армий, их эффективность, умеряемую склонностью к грабежу, которую офицерам с трудом удавалось сдерживать. Мысль о совместной кампании его беспокоила, но он ничего не показал.

— Когда я должен выехать?

— Как можно скорее. Корабли готовы в Бресте и Тулоне. Вы должны прибыть в Гонконг в феврале.

Рандон вернулся к своему столу и достал конверт с императорской печатью.

— Вот ваши официальные инструкции. Император прилагает личное письмо. Не разочаруйте его.

Генерал взял конверт с почти религиозным уважением. Вес бумаги, блеск красного сургуча — всё воплощало волю Империи. Он спрятал конверт в мундир, к сердцу.

— Ваше доверие будет оправдано, господин маршал.

Рандон проводил его до двери. Прежде чем уйти, Монтобан обернулся в последний раз.

— Могу я позволить себе один вопрос, господин маршал?

— Я вас слушаю.

— Что мы на самом деле знаем об этом китайском императоре? Об этом дворце, о котором так много говорят?

Лицо Рандона стало жёстче. Он колебался, словно взвешивая целесообразность поделиться доверительной информацией.

— Иезуиты, которые там побывали, говорят об архитектурном чуде. Огромные сады, десятки дворцов. Император Сяньфэн проживает там охотнее, чем в Запретном городе. Говорят, что это место хранит сокровища, накопленные за столетия. Но это всего лишь слухи, Монтобан. Ваша миссия военная. Добиться ратификации Тяньцзиньского договора. Остальное... остальное будет зависеть от обстоятельств.

Монтобан вышел в слабо освещённый коридор. Его шаги отдавались эхом по мрамору в военном ритме. Одна мысль не давала ему покоя: в далёких войнах обстоятельства имели скверную склонность выходить из-под всякого контроля.

ГЛАВА 1 — ПУТЬ БЕСЧЕСТЬЯ

Прощание с Парижем

Париж, 10 ноября 1859 года

Через неделю после встречи с Рандоном, в салоне особняка Монтобанов на улице Варенн царила совсем иная атмосфера. Тяжелые гранатовые бархатные портьеры глушили уличный шум. Бронзовые канделябры отбрасывали золотистый свет на собравшиеся лица. Луиза де Монтобан, жена генерала, председательствовала в этом скромном кругу с элегантностью, которая плохо скрывала её беспокойство.

Сидя у камина, она держала в пальцах чашку севрского фарфора, к которой не притронулась. Её две дочери, Матильда и Клеманс, сидели рядом с ней в необычном молчании. Напротив них капитан Арман Дельма, молодой артиллерийский офицер, недавно повышенный в штабе генерала, старался успокоить этих дам с оптимизмом, который он чувствовал лишь наполовину.

— Мадам, — начал он, тщательно подбирая слова, — генерал, ваш супруг, человек несравненного опыта. Его кампании в Алжире создали ему репутацию, которую признаёт вся армия.

Луиза подняла взгляд. Её зрачки, обычно нежные и доброжелательные, несли тревожную интенсивность.

— Капитан, я вышла замуж за Шарля двадцать три года назад. Я научилась читать в его молчании то, что он никогда не говорит. Эта экспедиция беспокоит его больше, чем он хочет признать. Китай — это не Алжир.

Капитан наклонился вперёд, сложив руки между коленями. В свои двадцать восемь лет он сохранял юношеский пыл, который заставляет людей верить в воинскую славу. Однако

перед этой женщиной, пережившей столько отъездов и ожиданий, его уверенность колебалась.

— Именно по этой причине Император выбрал вашего супруга, мадам. Потому что он умеет приспосабливаться, предвидеть. Мы не будем одни. Англичане...

— Англичане, — перебила Матильда, старшая дочь, с нотой язвительности в голосе. В двадцать один год она обладала самообладанием хорошо образованных молодых женщин, которые читают газеты и следят за мировыми делами. — Те самые англичане, которых отбросили в прошлом году? Отец говорит, что их адмирал Хоуп потерял четыре корабля и сотни людей.

Офицер искал слова, но именно Клеманс, младшая, разрядила неловкость с обезоруживающей прямоотой своих семнадцати лет.

— Я слышала, что китайский император живёт в чудесном дворце, с садами, которые тянутся без конца. Это правда, капитан?

— Действительно рассказывают необычайные вещи, мадемуазель. Миссионеры видели этот дворец, который называют Юаньмингюань, Сад Совершенной Ясности. Говорят, что это город в городе, с искусственными озёрами, мраморными мостами, сотнями павильонов. Император приказал построить там копии знаменитых пейзажей со всей Империи.

— А сокровища? — спросила Матильда с менее невинным любопытством. — Говорят о нефрите, старинном фарфоре, драгоценных предметах, накопленных за династии.

Луиза поставила чашку на круглый столик с резким звуком, который вернул внимание к ней.

— Матильда, Клеманс, эти вопросы неуместны. Ваш отец отправляется с военной миссией, а не грабить дворцы как какой-то вульгарный авантюрист.

Упрёк, хотя и высказанный мягко, заставил обеих девушек покраснеть. Дельма, смущённый, попытался исправить ситуацию.

— Разумеется, мадам. Генерал очень ясно высказывается по этому поводу. Наша цель — заставить китайцев соблюдать договор, подписанный в Тяньцзине. Открытие новых портов для торговли, свобода передвижения для наших миссионеров. Не более того.

— Не более того, — повторила Луиза, глядя на него. — И вы действительно в это верите, капитан?

Вопрос застал его врасплох. В этих пристальных глазах он читал мудрость, пришедшую от лет ожидания, надежды, страха перед новостями с фронта. Она видела, как люди уезжали с цветами на ружьях и возвращались сломленными, или вовсе не возвращались. Она знала, что конфликты всегда выходят из-под контроля, что непредвиденное диктует свой закон.

— Я верю, мадам, что генерал выполнит свой долг с честью, которая его характеризует. Что произойдёт там... никто не может предсказать. Но я даю вам слово, что буду заботиться о нём изо всех сил.

Луиза изобразила грустную улыбку.

— Вы искренний человек, капитан. Надеюсь, эта искренность переживёт то, что вы увидите в Китае.

В тот же вечер в кабинетах штаба на улице Сен-Доминик кипела работа, несмотря на поздний час. Генерал Жамен, командующий первой бригадой, и генерал Коллино, возглавлявший вторую, склонились над бесконечными списками вместе с Монтобаном. Запах табака и холодного кофе пропитывал замкнутую атмосферу.

Жамен очерчивал границы на карте карандашом.

— Численность укомплектована. Пять тысяч человек на бригаду. Пехота, артиллерия, инженерные войска. Я

позаботился о том, чтобы у нас были горные пушки, они будут незаменимы, если нам придётся удаляться от водных путей.

Коллино, более массивный и весёлый, вмешался.

— Меня беспокоят не пушки. Меня беспокоят желудки. Десять тысяч человек кормить месяцами во враждебной стране. У англичан будут свои линии снабжения, у нас свои. Если мы окажемся разделёнными...

— Мы не разделимся, — отрезал Монтобан с властью, не допускающей возражений. — Я предупредил Гранта. Наши войска будут наступать согласованно. Англичане дорого заплатили за свою изоляцию в прошлом году. Они не повторят этой ошибки.

Жамен положил карандаш и потянулся.

— А если китайцы откажутся вести переговоры? Если нам придётся идти на Пекин?

Молчание, последовавшее за этим, несло все последствия этого вопроса. Монтобан подошёл к окну и созерцал парижскую ночь. Несколько газовых фонарей мерцали в темноте. Он думал о жене, о дочерях, об этой комфортной жизни, которую он собирался оставить на месяцы.

— Тогда мы пойдём на Пекин. И сделаем то, что нужно сделать.

Коллино обменялся взглядом с Жаменом. Оба знали эту решимость Монтобана. Раз он принял решение, ничто не могло его поколебать. Это качество делало его грозным командующим. Оно также беспокоило тех, кто хорошо его знал.

— Люди готовы, — заявил Жамен. — Они сядут на корабли в Бресте через два месяца.

— Хорошо.

Монтобан повернулся к своим генералам.

— Передайте слово: абсолютная дисциплина. Никакого грабежа, никаких эксцессов. Мы армия Французской Империи, а не банда наёмников. Если нам придётся противостоять китайцам, мы сделаем это, соблюдая законы войны.

Коллино одобрительно кивнул.

— А англичане? Их колониальные войска не славятся сдержанностью.

— Англичане делают, что хотят, со своими людьми. Мы будем поддерживать нашу дисциплину. Однако я не питаю иллюзий. Как только армия вкусит крови и добычи, сдерживать её становится вызовом. Нам придётся быть бдительными.

Он вернулся к своему столу и достал чистый лист. При колеблющемся свете масляной лампы он начал писать свои предварительные приказы. Его перо скрипело по бумаге с регулярностью, выводя эти слова, которые должны были решить судьбу тысяч людей.

Жамен и Коллино наблюдали, как он работает. Они присутствовали при историческом моменте. Через несколько месяцев они окажутся на другом конце света, лицом к лицу с тысячелетней империей, которая отказывалась склониться перед Западом. То, что произойдёт там, несомненно ускользнёт от самых детальных планов, самых строгих приказов.

У войн своя логика. И эта логика, думал Коллино, наблюдая за теньями, танцующими на стенах, никогда не уважает благородные намерения.

На следующее утро в одном из залов дворца Тюильри императрица Евгения принимала барона Гро, полномочного представителя, назначенного сопровождать экспедицию. Позолота рококо, шёлковые портьеры,

картины мастеров создавали декор роскоши, резко контрастирующий с аскетизмом военных кабинетов.

Евгения в платье из бледно-голубого атласа, подчёркивающим её фарфоровый цвет лица, стояла у окна, выходящего на сады. В тридцать три года она воплощала имперскую элегантность с естественной грацией, которая очаровывала двор. Но под этой хрупкой внешностью скрывались острый политический ум и железная воля.

— Барон Гро, Император попросил меня патронировать эту экспедицию. Я согласилась, разумеется. Но я хотела бы понять, чего ожидают от этого предприятия.

Барон Гро, опытный дипломат с изможденным лицом и изысканными манерами, почтительно поклонился.

— Ваше Величество, цель прежде всего дипломатическая. Заставить китайского императора ратифицировать Тяньцзиньский договор, гарантировать безопасность наших католических миссий, открыть новые порты для французской торговли.

— А англичане? Каковы их истинные цели?

Проблеск веселья промелькнул во взгляде дипломата. Императрица своей обычной проницательностью коснулась сути проблемы.

— Лорд Элгин — человек... сложный, Ваше Величество. Сын знаменитого лорда Элгина, вывезшего мраморы Парфенона в Лондон, он носит престижное имя и безмерные амбиции. Провал прошлого года унизил его. Он будет искать реванша блестящей победой.

Евгения грациозно заняла место на диване и знаком пригласила Гро сесть напротив.

— Что это означает?

— Это означает, Ваше Величество, что нам придётся умело лавировать. У англичан свои интересы, которые не всегда совпадают с нашими. Торговля опиумом, например...

— Опиум, — повторила Евгения с едва скрытым отвращением. — Эта позорная торговля, которую англичане защищают с таким жаром.

— Увы, Ваше Величество. Одна из причин этой войны связана с этим. Китайцы хотят запретить эту торговлю, англичане хотят её легализовать. Мы, французы, оказались между двух огней.

Императрица встала и сделала несколько шагов по салону, её юбки шуршали по натёртому паркету. Она остановилась перед глобусом из маркетри и повернула сферу, пока не нашла Китай.

— Я слышала об этом дворце. Юаньминъюань. Говорят, что он хранит чудеса.

Гро напрягся. Разговор принимал неожиданный оборот.

— Действительно, Ваше Величество. Миссионеры-незульты, работавшие на императора, сообщают необычайные описания.

— А если эти чудеса попадут в наши руки? Если ход войны приведёт нас к этому дворцу?

Барон тщательно подбирал слова. Каждое слово, произнесённое перед императрицей, имело вес.

— Законы войны ясны, Ваше Величество. То, что принадлежит побеждённому врагу... становится собственностью победителя. Но существует разница между захватом имущества в рамках военных операций и допущением дикого грабежа.

— Разумеется.

Евгения вернулась на место, устремив на дипломата задумчивый взгляд.

— Генерал де Монтобан — человек чести. Я рассчитываю на него, чтобы он поддержал достоинство нашей армии.

— Он это сделает, Ваше Величество. Я в этом убеждён.

Евгения созерцала через окно ухоженные сады, эти французские партеры, воплощавшие порядок и господство над природой. Она думала об этих китайских садах, о которых говорили, таких непохожих, где природа праздновалась в её кажущейся свободе.

— Барон Гро, я снабдила экспедицию медицинским оборудованием, материалами для лечения наших раненых. Мой долг крёстной матери этого требует. Но я также ожидаю чего-то взамен.

— Ваше Величество?

— Если предметы искусства окажутся в наших руках, я хотела бы, чтобы мне была доставлена подборка лучших произведений. Для создания коллекции. Свидетельства этой эпохи, этой встречи двух цивилизаций.

Гро поклонился, скрывая таким образом смущение, охватившее его. Слова императрицы означали дать имперское благословение на захват китайских сокровищ. Он понимал, что эта экспедиция далеко выходит за рамки простого военного конфликта. Она несла в зародыше моральные вопросы, которые будут преследовать его годами.

— Будет исполнено по вашей воле, Ваше Величество.

Когда он покинул дворец часом позже, Гро шёл размеренным шагом, погружённый в свои мысли. Парижское небо было тяжёлого серого цвета, предвещавшего снег. Через несколько недель он будет на корабле, направляющемся на другой конец света. Он увозил с собой дипломатические инструкции, официальные приказы и это скрытое желание императрицы.

Он спрашивал себя, как всё это развернётся, как благородные намерения преобразятся перед лицом реальности на месте. История научила его, что далёкие

войны всегда выходят из-под контроля тех, кто приказывает их из удобных дворцов.

В тот же вечер, когда фонари зажигались на улицах Парижа, генерал де Монтобан возвращался домой. Луиза ждала его в частном салоне, рукоделие на коленях осталось нетронутым. Когда он вошёл, она подняла глаза и улыбнулась ему с покорной грустью.

— Решено? Ты уезжаешь?

— Через пятнадцать дней.

Он сел рядом с ней и взял её руку в свою. На мгновение они остались так, не говоря ни слова, соединённые в молчании, которое говорило больше, чем любые слова. Снаружи Париж продолжал свою беззаботную жизнь, не подозревая, что готовятся события, которые войдут в историю и навсегда запятнают честь тех, кто в них участвует.

Приготовления ускорились. Корабли были загружены, люди собраны, последние приказы отданы. И туманным утром конца января 1860 года первые транспорты покинули Брест, унося на Восток французскую армию, которая не знала, что её ждёт.

Переход

В море, январь—июнь 1860 года

Фрегат «Императрица Евгения» качался на атлантической волне. На борту генерал де Монтобан стоял на юте, держась за поручни, созерцая серую бескрайность, простиравшуюся до горизонта. Солёный ветер хлестал его лицо, неся с собой запахи йода и брызг, напоминавший ему о других переходах, других кампаниях. Но никогда он не уезжал так далеко. Никогда расстояние между ним и Парижем не было таким головокружительным.

Позади него капитан судна Дюперре приблизился с покачивающейся походкой моряков, проводивших больше

времени в море, чем на суше. Мужчина лет пятидесяти, лицо обветренное солнцем и солью, веки прищурены от слишком долгого всматривания в горизонты.

— Мой генерал, мы идём хорошим курсом. Если погода сохранится, мы должны обогнуть мыс Доброй Надежды через три недели.

Монтобан одобрительно кивнул, не отводя взгляда от океана. Волны следовали с гипнотической регулярностью, каждая похожа на предыдущую и всё же уникальна. Он думал о Луизе, о дочерях, о Париже, который удалялся всё больше с каждым ударом его сердца.

— Три недели до Мыса. А сколько до Гонконга?

— Два с половиной месяца, может быть три, если нам придётся заходить в Аден или Сингапур.

Дюперре подождал мгновение.

— Знаете, мой генерал, я ходил этим маршрутом дюжину раз. Индийский океан может быть коварен. Штормы приходят без предупреждения, и когда они приходят...

— Когда они приходят, капитан, мы встретим их, как всё остальное. Солдаты, которыми я команду, не боятся стихий.

Мимолётная улыбка промелькнула на губах Дюперре. Он уже перевозил войска, видел закалённых на суше людей, становящихся бледными и дрожащими, как только корабль сильнее качнёт. Но он воздержался от комментариев.

— Ваши люди пока держатся хорошо. Несколько случаев морской болезни в нижних батареях, но ничего тревожного. Главный врач раздаёт свои микстуры и советы.

Монтобан повернулся к капитану. Его голубой взгляд пристально изучал моряка.

— Говорите откровенно, Дюперре. Вы, кто знает эти моря, эти далёкие края. Что вы думаете об экспедиции? О наших шансах?

Капитан заколебался. Вопрос был прямым, почти грубым. Он не привык, чтобы генерал спрашивал его мнения о стратегических вопросах. Но голос Монтобана с его едва уловимой трещиной располагал к откровенности.

— Я думаю, мой генерал, что мы не противостояим племенам Магриба. Китайцы многочисленны, организованны. Их империя существует тысячелетия. Мы собираемся ударить их в сердце, а раненая империя может отреагировать непредсказуемо.

— Вы говорите, как моя жена. Она тоже меня предупреждала. У неё женская интуиция, которая видит то, что упускают военные стратеги.

— Женщины часто мудрее нас, мой генерал. У них нет нашего мужского тщеславия, нашей потребности в славе.

Вдали другие транспорты флотилии продвигались в плотном строю, их паруса надуты попутным ветром.

— Сколько человек мы перевозим на нашем фрегате?

— Триста пятьдесят солдат, мой генерал. Плюс экипаж и ваш штаб. Мы загружены под завязку. Трюмы полны боеприпасов, провианта, материалов. Если нам придётся встретить серьёзный шторм...

— Мы не потонем, капитан. Империя нуждается в нас в Китае.

— Океан не знает ни империй, ни королей, мой генерал. Он берёт то, что хочет, когда хочет.

В трюмах атмосфера была совсем иной. Втиснутые в тесные помещения, где воздух едва циркулировал, солдаты пытались приспособиться к морской жизни, которая была им чужда. Запах пота, дёгтя, рвоты смешивался в зловонии,

перехватывающем горло. Гамаки висели плотными рядами, качаясь в ритме корабля.

Сержант Бомон, сорокалетний ветеран, отмеченный шрамом, пересекающим щеку, пытался поддерживать моральный дух своей секции. Сидя на своём вещмешке, он раздавал советы и шутки с грубоватым добродушием, делавшим его уважаемым начальником.

— Давайте, ребята, — бросал он группе позеленевших новобранцев, — это как прогулка на лодке по Сене. Только длится дольше, и вода солёная.

— Сержант, — простонал мальчик, которому не должно было быть двадцати, — я думаю, что умру. Мой желудок...

— Твой желудок выживет, Дюбуа. Через три дня ты привыкнешь. Через неделю ты поднимешься на палубу и будешь требовать свою порцию рома, как настоящий моряк.

— А если я никогда не привыкну? Если меня будет тошнить всё время перехода?

Бомон наклонился к нему с отеческим взглядом.

— Тебя будет тошнить. Но ты всё равно доберёшься до Китая. И там, поверь мне, у тебя будет кое-что другое на уме, кроме морской болезни.

Другой солдат постарше вмешался. Капрал Леру, человек с широкими плечами и толстыми руками крестьянина.

— Сержант, правда ли то, что говорят? Что у китайцев есть секретное оружие? Порошки, которые сводят с ума, яды, убивающие за несколько секунд?

— Чепуха, Леру. Пропаганда, чтобы нас напугать. Китайцы — такие же люди, как мы. Они истекают кровью, как мы, они умирают, как мы.

— Но их много. Говорят, они могут выставить сотни тысяч солдат.

Бомон встал, захрустев суставами. Он пережил три кампании в Алжире, видел вещи, которые эти молодые не могли себе представить.

— Послушайте меня хорошенько, все. Да, китайцев много. Да, мы будем сражаться далеко от дома, в стране, о которой мы ничего не знаем. Но у нас есть два преимущества: наша дисциплина и наше оружие. Винтовки Минье, которые мы носим, могут убивать на триста метров. Наши нарезные пушки — лучшие в мире. И главное, у нас есть генерал де Монтобан. Человек, который никогда не проигрывал битву.

— Всегда бывает первый раз, — пробормотал кто-то.

— Кто это сказал?

Бомон загремел.

— Кто смеет говорить, как трус?

Бомон оглядел напряжённые лица, освещённые слабым светом масляных ламп.

— Мы не трусы. Мы солдаты Французской Империи. Через несколько месяцев мы войдём в Историю. Наши имена будут высечены в военных анналах. Наши дети будут с гордостью рассказывать, что их отец участвовал в китайской кампании. Держите голову высоко, а ружьё чистым. Остальное придёт в своё время.

Ропот одобрения прошёл по трюму. Бомон кивнул и вернулся в свой угол. Но он не был так уверен, как казалось. Он видел слишком много, потерял слишком много товарищей, чтобы слепо верить красивым словам. Война — это лотерея, и никто не мог предсказать, кто вернётся, а кто останется там, на чужой земле, под безымянным крестом.

На верхней палубе, в каюте генерала, проходило совещание штаба вокруг стола, заваленного картами и документами. Монтобан председательствовал, рядом с капитаном Дельма и командиром Фавье, его начальником артиллерии. Лампа,

качающаяся под потолком, отбрасывала движущиеся тени на сосредоточенные лица.

— Последние доклады, которые мы получили перед отправлением, вызывают беспокойство, — объяснял Фавье. — Китайцы усилили форты Дагу. Они установили новые пушки, вырыли траншеи, поставили препятствия в реке.

Монтобан внимательно изучал карту. Его пальцы отмечали воображаемые точки, вычисляли расстояния, оценивали углы огня.

— Если мы атакуем в лоб, как англичане, мы понесём те же потери. Нужно найти другую точку высадки. Севернее, возможно. Обойти эту оборону.

— Мой генерал, — вмешался офицер, — англичане никогда не согласятся. Лорд Элгин хочет смыть оскорбление прошлого года. Он захочет взять эти форты силой.

— Он сделает это без нас. Я не буду жертвовать своими людьми, чтобы удовлетворить тщеславие английского лорда.

Взгляды Фавье и капитана встретились. Оба осознавали, что эта позиция поставит Монтобана в сложное положение с британцами.

— Нужно будет быть дипломатичным, мой генерал. Нам нужны англичане. Их военные корабли, их морская артиллерия, их колониальные войска, знающие местность.

— Я буду дипломатичным. Но я не буду самоубийцей. Мы высадимся в Бэйтане, к северу от фортов. Мы возьмём оборону с тыла. Единственная разумная стратегия.

Он склонился над картой, следуя пальцем по линии побережья.

— Бэйтан находится в двадцати километрах к северу. Придётся маршировать по враждебной территории, не зная, что мы найдём. Китайцы не могут быть везде. И даже если они нас там ждут, у нас будет преимущество мобильности.

Оказавшись на земле, мы сможем маневрировать, выбирать нашу местность.

Обсуждение продолжалось более часа, рассматривая каждую деталь, каждую возможность. Монтобан задавал точные вопросы, требовал ясных ответов. Его строгость делала его грозным стратегом. Он не оставлял ничего на волю случая, предвидел проблемы до их возникновения.

Когда совещание закончилось и Фавье ушёл, Дельма остался наедине с генералом. Он колебался задать вопрос, который его мучил.

— Мой генерал, могу я поговорить с вами по секрету?

Монтобан поднял глаза с карты, которую продолжал изучать.

— Слушаю вас, капитан.

— Я вспоминаю о моём визите к вашей супруге перед отъездом. Она сказала мне что-то, что меня преследует. Она спросила, действительно ли я верю, что наша миссия только военная.

Генерал выпрямился.

— И что вы ей ответили?

— Что я верю, что вы исполните свой долг с честью. Но она увидела что-то, что я не хотел видеть. Эта экспедиция... она не только военная операция, не так ли?

Монтобан подошёл к иллюминатору и созерцал чёрный океан, простиравшийся под луной. Волны блестели серебром в ночи. Где-то, очень далеко, Китай ждал их со своими тайнами и опасностями.

— У войн несколько лиц, мой друг. Официальное лицо, лицо договоров и стратегических целей. А потом есть другое лицо, то, которое никто не хочет видеть, но которое все знают. Добыча, грабёж, богатства, меняющие хозяев.

— Но вы сказали своим генералам...

— Я сказал то, что должен сказать командир для поддержания дисциплины. Но я не наивен. Барон Гро говорил с Императрицей перед нашим отъездом. Она дала ему понять, что ожидает определённых вещей от экспедиции. Предметов искусства, свидетельств этой далёкой цивилизации.

Капитан почувствовал, как холод пробирается в его вены. Идеализм, который им владел, столкнулся с реальностью власти.

— Мы пойдём захватывать это место? Юаньминъюань, о котором так много говорят?

— Мы сделаем то, что потребуют обстоятельства. Если война приведёт нас к этому дворцу, если китайский император откажется вести переговоры, если его войска нападут на нас... тогда да, мы возьмём то, что можно взять. Но мы сделаем это упорядоченно, контролируемо. Не как варвары, а как представители цивилизованной нации.

— И вы думаете, что можно грабить цивилизованно?

Вопрос был прямым, даже дерзким. Монтобан обернулся, и в его зрачках сверкнул блеск, которого он у него никогда не видел.

— Вы молоды, капитан. У вас есть иллюзии о природе войны. Вы верите, что существует чистый способ сражаться, что воинская честь может сохранить нашу душу от мрака боя. Я вам завидую. У меня тоже были эти иллюзии когда-то, годы назад, до Алжира. До того, как я увидел, во что превращаются люди, когда они боятся, когда они голодны, когда они видели смерть своих товарищей.

— Но вы другой, мой генерал. Вы человек принципов.

— Принципы — как паруса этого корабля. Они движут нас вперёд, когда ветер благоприятен. Но когда приходит шторм, имеют значение приказы Императора. А Император хочет полной победы. Он хочет, чтобы Китай открылся для

французской торговли, чтобы наши миссионеры могли свободно передвигаться. Он также хочет показать Англии, что Франция её равна. У всего этого есть цена.

Корабль качался, издавая знакомые скрипы дерева. Где-то в трюмах гармоника играла мотив, говоривший о далёких домах и потерянных любовях.

— Я не уверен, что смогу принять это.

— Вам не нужно принимать, капитан. Вы должны подчиняться. Единственная добродетель, требуемая от солдата. Однако я обещаю вам одно: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы мы остались людьми чести.

Он вышел из каюты. На палубе он вдохнул солёный ночной воздух. Над ним звёзды сияли с интенсивностью, которую он никогда не видел в Париже. Неизвестные созвездия рисовались в небе.

Слова Луизы де Монтобан отдавались эхом в его голове. Она была права. Эта экспедиция не была тем, чем она притворялась. Под благородными дипломатическими целями скрывались более тёмные амбиции, менее признаваемые желания. И он, Арман Дельма, капитан, полный идеалов, станет соучастником чего-то, что он глубоко осуждал.

Недели проходили с изнуряющей медлительностью. Корабль продвигался к югу, огибая побережье Африки, пересекая то спокойные, то беспокойные воды. Солдаты понемногу привыкали к морской жизни, их лица приобретали загорелые оттенки, их тела адаптировались к постоянной качке.

Однажды утром, когда солнце вставало в оранжевой вспышке красок, вахтенный закричал со своего места.

— Земля! Земля по правому борту!

Все взгляды обратились к горизонту. Тёмная масса вырисовывалась в утреннем тумане. Мыс Доброй Надежды.

Край известного мира для многих из этих людей, никогда не покидавших Францию.

Монтобан стоял на юте, наблюдая за приближением африканской земли. Рядом с ним генерал Жамен, командовавший другим транспортом флотилии и перешедший на корабль «Императрица Евгения» для консультации, созерцал зрелище с неразгадываемым выражением.

— Мы на полпути. Ещё два месяца, и мы будем в Китае.

— Если всё пройдет хорошо. Индийский океан непредсказуем. И мы не знаем, что найдём в Гонконге. Последние новости датируются несколькими неделями.

— Думаете, англичане там?

— Грант должен был отправиться одновременно с нами. С небольшой удачей мы прибудем вместе. Это облегчит координацию.

Жамен повернулся к своему командующему. Прагматичный человек, мало склонный к душевным терзаниям, но взволнованный с начала перехода.

— Монтобан, вы думали о том, что произойдёт, если нам придётся идти на Пекин? Если нам придётся войти в этот запретный город, о котором говорят миссионеры?

— Я думаю об этом каждый день.

— И?

— И я не знаю. Впервые в моей карьере я отправляюсь на войну без ясного представления об исходе. Алжир был другим. Мы знали, с чем сталкиваемся. Кочевые племена, храбрые, но неорганизованные. Здесь... мы собираемся ударить империю, старую несколько тысячелетий. Империю, пережившую больше завоевателей, чем мы можем сосчитать.

— Вы сомневаетесь?

— Я размышляю. Это не одно и то же.

Моряк прошёл мимо них, тяня за канат, напевая мелодию своей родной Бретани.

— У людей моральный дух?

— Они скучают. Хороший знак. Люди, которые скучают, не боятся. Но нужно будет занять их, как только окажемся на земле. После трёх месяцев на море им захочется броситься в бой.

— Они бросятся в бой достаточно скоро. Я предпочитаю солдат, которые скучают, солдатам, слишком нетерпеливым сражаться. Последние совершают ошибки.

Разговор перешёл на тактические вопросы, на организацию бригад, на потребности в боеприпасах и провизанте. Но оба разделяли одну и ту же невысказанную тревогу: они входили в неизвестность, и никакой прошлый опыт не мог понастоящему подготовить их к тому, что их ждало.

Мыс Доброй Надежды был обогнут без серьёзных инцидентов, хотя шторм потрепал их два дня, сорвав парус и выбросив за борт две бочки провизии. Затем началась бескрайность Индийского океана, эта водная пустота, отмеченная несколькими потерянными островами, где они делали остановки для пополнения запасов пресной воды.

В Адене, британском порту с адским климатом, они оставались пять дней. Люди смогли сойти на берег, пить тёплое пиво в прокуренных тавернах, где смешивались моряки всех национальностей. Монтобан воспользовался возможностью встретиться с британским губернатором, тучным и надменным полковником, который подтвердил ему, что английский флот направляется в Китай.

— Генерал Грант — решительный человек. Он не позволит китайцам выкрутиться на этот раз. Мы покажем им, из какого теста сделана Британская империя.

Монтобан слушал вежливо, но британское высокомерие его раздражало. Англичане считали себя хозяевами мира, а их манера говорить о других народах со смесью снисходительности и презрения выявляла колониальную ментальность, которая его выводила из себя.

— Мы надеемся, полковник, что эта кампания будет вестись с соблюдением законов войны. Франция не желает быть связанной с эксцессами.

Полковник разразился жирным смехом, заставившим дрожать его тройной подбородок.

— Законы войны! Мой генерал, вы быстро узнаете, что ориенталы не знают этих законов. Они вероломны, жестоки, непредсказуемы. Нужно говорить с ними на единственном языке, который они понимают: языке силы.

Монтобан сдержался от ответа. Он холодно поклонился и покинул резиденцию губернатора с предчувствием. Координация с англичанами будет трудной. Их цели не были одинаковыми, их видение мира радикально отличалось.

Вернувшись на корабль, он созвал свой штаб и поделился своими опасениями.

— Нам придётся быть бдительными. У англичан своя повестка дня. Торговля опиумом, территориальная экспансия, унижение Китая. Мы, французы, должны оставаться верными нашим целям: защита наших католических миссий, торговое открытие, достоинство в победе.

— Если будет победа, — пробормотал Фавье.

— Будет победа. Потому что у нас нет другого выбора.

Сингапур был их последней остановкой перед Гонконгом. Порт кипел активностью, смесью китайских джонок, британских пароходов, арабских ботов. Воздух был насыщен влажностью и экзотическими запахами: специи,

благовония, сушёная рыба, тропические фрукты. Для большинства французских солдат это был их первый контакт с Востоком, и они бродили по узким улицам с изумлёнными глазами детей, открывающих Новый Мир.

Монтобан воспользовался возможностью встретиться с французскими торговцами, обосновавшимися в регионе. Эти люди, жившие в Азии, обладали глубоким знанием китайской ситуации.

В частном салоне колониального отеля он беседовал с неким господином Дюфреном, торговцем шёлком, ведущим дела с Кантоном.

— Мой генерал, вы не можете представить состояние хаоса, царящего в Китае сейчас. Цинская империя разъедается изнутри. Восстание тайпинов унесло сотни тысяч жизней. Южные провинции находятся в гражданской войне. Император Сяньфэн слаб, им манипулируют некомпетентные советники.

— Что должно облегчить нашу задачу, не так ли?

Дюфрен энергично покачал головой.

— Не обманывайтесь. Разваливающаяся империя опаснее сильной империи. Потому что ей нечего терять. Потому что обычные правила больше не действуют. Я видел ужасные вещи в последние годы. Целые деревни уничтожены, семьи истреблены. Насилие достигло немыслимых уровней.

— Китайцы будут сражаться?

— О да, они будут сражаться. Не обычным способом, может быть. Но они будут сражаться. И если вы дойдёте до Пекина, если вы угрожаете сердцу империи...

— Говорите откровенно, господин Дюфрен. Чего вы опасаетесь?

Торговец погасил сигару в пепельнице.

— Я опасюсь, что вы развяжете силу, которую никто не сможет контролировать. У китайцев цепкая память. Если вы унизите их императора, если вы оскверните их священные места, если вы разграбите их сокровища... они никогда этого не забудут. И мы, французы, живущие здесь, ведущие с ними дела, будем расплачиваться за это поколениями.

Монтобан покинул эту встречу взволнованным. Слова Дюффрена отдавались эхом в его сознании, присоединяясь к опасениям жены, сомнениям Дельма, его собственным вопросам. Но было слишком поздно отступать. Кости были брошены, войска в пути. Ему оставалось только сделать всё возможное, чтобы эта кампания завершилась наиболее достойным образом.

В середине февраля, после более двух месяцев перехода, на горизонте появились берега Гонконга. Зелёные холмы вырисовывались на фоне прозрачно-голубого неба. Порт кишел британскими кораблями, их флаги развевались на ветру. Флот генерала Гранта был там, внушительный, угрожающий.

Когда «Императрица Евгения» бросила якорь на рейде, приблизилась британская шлюпка. На борту находился офицер в алом мундире, представившийся майором Уортингтоном, адъютантом генерала Гранта.

— Генерал де Монтобан, генерал Грант передаёт вам свои приветствия и приглашает на совещание по планированию завтра утром на борту HMS Furious. Лорд Элгин также будет присутствовать.

Монтобан жёстко кивнул. Наступил момент, которого он опасался. Ему предстояло тесно сотрудничать с этими англичанами, которых он не знал, разделять с ними опасности, а может быть, и ответственность за решения, которые он не одобрял.

В ту ночь, не в силах заснуть, он написал Луизе:

«Моя дорогая Луиза,

Мы прибыли в Гонконг после перехода, который показался мне бесконечным. Люди в порядке, моральный дух хороший. Завтра я встречусь с англичанами, чтобы составить наш план кампании.

Я часто думаю о тебе, о наших дочерях. О Париже, который так далёк, так отличается от этого Востока, где мы находимся. Иногда я спрашиваю себя, что я здесь делаю, почему я принял эту миссию. А потом я вспоминаю, что я солдат, что мой долг — служить Императору.

Ты сказала мне перед моим отъездом, что боишься, что я потеряю что-то от себя в этой кампании. Я рассмеялся с той мужской особенностью, которая отказывается слушать женскую интуицию. Но, возможно, ты была права. Я чувствую, что во мне происходит что-то, что я не могу полностью понять.

Молись за нас, моя милая. Молись, чтобы мы остались людьми чести, что бы ни случилось.

Твой муж, который любит тебя,

Шарль»

Он запечатал письмо, зная, что оно будет идти месяцы до Парижа, что Луиза прочтёт его, когда, возможно, всё будет уже кончено. Но писать ему было хорошо, это создавало тонкую связь с тем миром, который он оставил позади.

Первые сражения

Встреча на следующий день оказалась всем, чего опасался Монтобан. В просторной каюте HMS Furious, флагманского британского корабля, около двадцати английских и французских офицеров теснились вокруг большого стола, где была развёрнута карта района Тяньцзиня.

Генерал Грант был человеком высокого роста и резких манер. Лорд Элгин, британский полномочный представитель, был ниже, круглее, но его пронзительный взгляд и отрывистый голос выдавали властную личность.

— Господа, — начал Элгин по-английски, прежде чем повторить на приблизительном французском, — мы здесь, чтобы отомстить за оскорбление, которое нанесли нам китайцы в прошлом году. На этот раз не будет провала. Мы возьмём форты Дагу, поднимемся по Байхэ до Тяньцзиня, и если необходимо, пойдём на Пекин. Китайский император подпишет договор, или мы заставим его подписать силой.

Монтобан вежливо дождался конца речи, затем вмешался.

— Лорд Элгин, я считаю, что лобовая атака на форты Дагу была бы стратегической ошибкой. Китайцы усилили свою оборону. Они нас ждут. Я предлагаю высадиться севернее, в Бэйтане, и взять форты с тыла.

Британские офицеры обменялись взглядами, в которых читалось их мнение об этих французах, претендующих давать им уроки стратегии.

Грант склонился над картой, изучил позицию Бэйтана, затем поднял голову.

— Генерал де Монтобан, ваше предложение имеет смысл. Но оно также представляет риски. Бэйтан находится в двадцати километрах к северу. Это означает марш через враждебную территорию без морского прикрытия.

— Я знаю. Но это предпочтительнее лобового штурма, который будет стоить сотен жизней.

Элгин вмешался, его голос был полон нетерпения.

— Генерал, мы не боимся боя. Британская честь требует, чтобы мы встретили врага там, где он нас вызывает.

— Честь не требует самоубийства. Я не буду жертвовать своими людьми, чтобы удовлетворить абстрактный принцип.

Французы и англичане мерились взглядами, каждый стоял на своих позициях. Именно барон Гро смягчил ситуацию.

— Господа, мы союзники в этом предприятии. Наши цели одни и те же: заставить Китай уважать договоры. Средства для достижения этого могут быть предметом разумного обсуждения. Я предлагаю изучить оба варианта детально, оценить их преимущества и риски, и принять общее решение, основанное на военной логике, а не на национальной гордости.

Умы успокоились. Обсуждение возобновилось, более техническое, менее страстное. Карты были развёрнуты, расчёты произведены, сценарии рассмотрены.

После трёх часов дебатов был найден компромисс. Союзные силы высадятся в Бэйтане, как желал Монтобан, но часть британского флота проведёт демонстрацию перед фортами Дагу, чтобы привлечь внимание китайских защитников.

Когда совещание закончилось, Монтобан вышел на палубу со смешанным чувством. Он добился своего по существенному пункту, но ценой длительной напряжённости с британцами. Грант смотрел на него с новой холодностью, а Элгин даже не соизволил пожать ему руку на прощание.

Барон Гро нашёл его несколько мгновений спустя, загадочная улыбка на губах.

— Вы нажили себе врагов сегодня, мой генерал.

— Мне всё равно. Что имеет значение — это мои люди. Их жизнь стоит больше, чем дружба лорда Элгина.

— Благородное чувство. Но нам придётся жить с этими людьми месяцами. Эта холодность может усложнить многое.

Монтобан пожал плечами и устремил взгляд на гонконгский порт, простиравшийся перед ними, человеческий

муравейник, где смешивались китайцы, европейцы, малайцы в непрерывном коммерческом балете.

— Англичане в конце концов поймут, что я был прав. Когда мы возьмём форты без чрезмерных потерь, они забудут свою обиду.

— Может быть. Или, может быть, они попытаются отыграться позже, отомстить за нашу осторожность чрезмерной смелостью. Британцы иногда реагируют непредсказуемо, когда задета их гордость.

Эти пророческие слова долго будут преследовать Монтобана. Но пока у него были другие заботы. Подготовка к высадке, логистическая организация, координация с различными корпусами. Время размышлений закончилось. Приближалось время действий.

Интенсивная подготовка началась быстро. Французские войска тренировались на пляжах Гонконга, имитируя высадки, испытывая свою экипировку в удушающей жаре и давящей влажности. Многие солдаты заболели, поражённые тропическими лихорадками или дизентерией, косившей ряды так же уверенно, как битва.

Сержант Бомон со своей секцией участвовал в этих ежедневных учениях. Новобранцы повзрослели за время перехода, их черты потеряли подростковую округлость. Они стали мужчинами или, по крайней мере, тем, что больше всего к этому приближалось.

Однажды вечером, когда они располагались лагерем на пляже, Бомон собрал свою секцию.

— Послушайте меня хорошенько, ребята. Через несколько дней мы отправимся по-настоящему. Мы поднимемся на север, и там мы будем сражаться. Это будет не как учения. Будет кровь, страх, хаос. Некоторые из вас умрут. Это реальность войны, и я не буду вам лгать, говоря обратное.

Воцарилась полная тишина. Даже насекомые, казалось, ждали. Дюбуа, солдат, так страдавший от морской болезни, спросил дрожащим голосом:

— Сержант, как сделать, чтобы не бояться?

Бомон внимательно посмотрел на него, прежде чем ответить.

— Это не получится. Страх всегда есть. Даже у меня после двадцати лет службы. Даже у генерала. Что имеет значение — это не отсутствие страха. Это исполнение своего долга несмотря на страх. Оставаться на своём посту. Защищать товарища рядом с тобой. Вот что значит быть солдатом.

— А если мы окажемся лицом к лицу с китайцем? Если нам придётся... убить его?

— Ты убьёшь его. Потому что иначе он убьёт тебя. В бою нет урызаний совести. Есть только выживание.

Капрал Леру, слушавший молча, вмешался.

— Говорят, что китайцы калечат своих пленных. Что они отрезают им голову и насаживают на пики.

— Чушь из уборной. Китайцы — такие же люди, как мы. Они боятся, как мы, страдают, как мы, умирают, как мы. Не дегуманизируйте их, воображая ужасы. Это служит только для оправдания наших собственных зверств.

Разговор перешёл на другие темы, более лёгкие. Солдаты говорили о своих семьях, своих деревнях, о том, что они будут делать, когда вернутся во Францию. Бомон позволял им мечтать, зная, что эти мечты иногда были единственным, что поддерживало человека в самые мрачные моменты.

Но не все вернутся. Некоторые из этих лиц, которые он видел, скоро исчезнут, унесённые пулей, болезнью или жестокой случайностью войны.

Отплытие состоялось в начале июля. Внушительный флот французских и британских кораблей покинул Гонконг,

направляясь на север. Транспорты сопровождались фрегатами, их пушки были направлены к горизонту, как множество обещаний насилия.

На палубе «Императрицы Евгении» Монтобан смотрел, как удаляется порт. Дельма стоял рядом с ним, молчаливый. Между ними развилась новая близость, рождённая этими ночными разговорами, где они делились своими сомнениями и надеждами.

— Вы готовы, капитан?

— Насколько это возможно, мой генерал. Я думал о том, что вы мне сказали. О природе экспедиции, о том, что нас ждёт. Я пытался подготовиться мысленно.

— И?

— Я не знаю, возможно ли подготовиться к некоторым вещам. Бывают ситуации, когда все наши принципы, все наши убеждения подвергаются испытанию. Я молюсь о силе остаться верным тому, во что верю.

— Мы все молимся об этом. Но иногда война меняет нас вопреки нам. Я видел, как хорошие люди становились жестокими, как достойные люди совершали бесчестье. Не по выбору, а потому что обстоятельства толкали их к этому. Будьте бдительны, Дельма. Оставайтесь осознающим свои действия. Это единственное, что я могу вам посоветовать.

Флот продвигался на север, следуя вдоль китайского побережья. Дни следовали один за другим в нарастающем напряжении. Солдаты проверяли своё оружие, точили птыки, писали, возможно, своё последнее письмо. Атмосфера была наэлектризованной, заряженной этим ожиданием, которое предшествует крупным событиям.

1 августа 1860 года на горизонте показались берега Бэйтана. Безлюдный пляж, окаймлённый дюнами и болотами. Никаких видимых укреплений, никаких признаков

китайского военного присутствия. План Монтобана, казалось, работал.

Высадка началась на рассвете. Шлюпки курсировали между кораблями и пляжем, перевозя людей, лошадей, пушки, боеприпасы, провиант. Сложный балет, управляемый с точностью морскими офицерами. Французы высаживались на севере, британцы на юге, каждый контингент отмечал свою территорию.

Монтобан был среди первых, ступивших на берег. Его сапоги погрузились во влажный песок, и впервые за месяцы он почувствовал под ногами твёрдость земли, которая не двигалась. Это ощущение, забытое, напомнило ему, что он снова стал сухопутным солдатом, что его естественная стихия — командовать людьми на поле боя, а не жить в замкнутом пространстве корабля.

— Установите периметр безопасности. Отправьте разведчиков вглубь территории. Я хочу знать, ждут ли нас китайцы где-то.

Последующие часы стали вихрем активности. Войска развёртывались, устанавливали лагерь, рыли траншеи. Пушки были установлены на позициях, направленные вглубь территории. Оборонительная линия принимала форму, превращая этот безлюдный пляж в укреплённую позицию.

Вечер наступил, когда вернулись первые разведчики. Их доклад подтвердил то, на что надеялся Монтобан: китайцы не предвидели высадку в этом месте. Форты Дагу, в двадцати километрах к югу, сосредоточивали все их силы.

— Мы получили наше первое преимущество. Завтра мы начнём наш марш к фортам. Мы возьмём их с тыла и сделаем наш первый шаг к победе.

Рассвет 2 августа вознёс в густом тумане, окутывавшем лагерь. Солдаты вышли из своих палаток, оцепеневшие

после беспокойной ночи. Жара уже была удушающей, несмотря на ранний час, и влажность прилипала к мундирам, как вторая кожа.

Генерал осмотрел войска критическим взглядом. Черты были напряжёнными, но решительными. Эти люди, пересёкшие полмира, были готовы сражаться.

Грант прибыл верхом, окружённый своими офицерами. Его встреча с Монтобаном была вежливой, но холодной. Два человека отсалютовали с жёсткостью, обменялись несколькими словами о погоде и логистике, затем разошлись, чтобы присоединиться к своим войскам.

— Он всё ещё нас недолюбливает, — заметил Дельма, присутствовавший при сцене.

— Неважно, любит он меня или нет. Что имеет значение — это то, что он выполнит свою работу.

Колонна двинулась в путь около девяти часов. Десять тысяч французов на севере, двенадцать тысяч британцев на юге, продвигающихся параллельно через ландшафт рисовых полей и опустевших деревень. Китайские крестьяне бежали при приближении иностранной армии, оставляя свои дома, урожай, иногда даже скот.

Опустошение сельской местности создавало тревожную, призрачную атмосферу. Солдаты шли в относительной тишине, нарушаемой только топотом сапог, лязгом оружия, приказами офицеров. В небе вороны кружили, чёрные стражи, возможно, предвещающие резню.

Сержант Бомон шёл во главе своей секции, бдительно всматриваясь в горизонт. Его годы кампаний в Алжире научили его читать признаки опасности: движение в высокой траве, подозрительный отблеск, слишком глубокую тишину. Пока ничто не указывало на присутствие врага, но он оставался настороже.

— Сержант, почему все эти деревни пусты? Куда делись люди?

— Они бежали. Это то, что делают гражданские, когда две армии готовятся столкнуться. Они знают, что ничего хорошего не выйдет из нашего присутствия.

— Но мы им зла не желаем. Мы здесь из-за их императора, не из-за них.

— Думаешь, крестьяне делают это различие? Для них мы иноземные захватчики. Дьяволы с круглыми глазами, пришедшие с другого конца света сеять хаос. И знаешь что? Они не неправы.

Разговор прекратился, когда офицер проскакал вдоль колонны галопом, крича приказы. Марш ускорился. Разведчики заметили движения китайских войск в нескольких километрах. Враг знал, что они здесь.

Первый контакт произошёл в середине дня. Французская колонна вышла из рощи и оказалась перед равниной, где была развёрнута китайская армия. Тысячи солдат в цветных мундирах, знамёна развевались на ветру, барабаны били угрожающий ритм.

Монтобан поднял руку, и вся колонна остановилась. Он внимательно изучал расположение противника. Китайцев было много, может быть, пятнадцать-двадцать тысяч человек, но их строй казался неорганизованным. Плотные массы пехоты, несколько артиллерийских орудий старой конструкции, татарская кавалерия на флангах.

— Они хотят помешать нам достичь фортов. Тщетная попытка. Они знают, что проиграют.

— Может быть. Но отчаявшиеся люди могут быть грозными.

Монтобан повернулся к Фавье.

— Расположите артиллерию на этом хребте. Я хочу, чтобы вы начали их поливать, как только мы займём позицию.

Пехота будет наступать волнами, поддерживая сплочённость. Никакого ненужного героизма.

Приказы были переданы. Французская армия развернулась с точностью парада. Пушки были установлены на позициях, пехотные батальоны сформировали идеальные линии, стрелки заняли позиции в авангарде.

Со своей стороны, китайцы оставались неподвижными, как окаменевшие этой демонстрацией военной дисциплины. Их барабаны продолжали бить, их знамёна развеваются, но чувствовалось колебание, неуверенность перед этой военной машиной, разворачивающейся перед ними.

Барон Гро, оставшийся с небоевыми элементами, присоединился к Монтобану.

— Мой генерал, может быть, нам следует попытаться договориться? Избежать ненужного кровопролития?

— Они выбрали преградить нам путь. Они знают последствия.

— Но подумайте о дипломатических последствиях. Если мы сможем добиться их капитуляции без боя, это облегчит будущие переговоры.

Монтобан заколебался. Предложение имело смысл. Но он также знал риски медлительности. Китайцы могли истолковать это открытие как признак слабости, усилиться, пока идут переговоры, начать внезапную атаку.

— Хорошо. Отправьте эмиссара под белым флагом. Пусть скажет им, что мы не ищем боя, но что мы пройдем, так или иначе.

Гро поклонился и удалился, чтобы организовать эту процедуру. Французский офицер в сопровождении китайского переводчика, нанятого в Гонконге, приблизился к вражеским линиям, неся белый флаг. Все следили за этой фигурой.

Диалог длился около десяти минут. Затем офицер вернулся галопом, его лошадь была в пене.

— Мой генерал, китайцы отказываются отступить. Их командир говорит, что получил приказ остановить нас, и что он предпочитает умереть, чем послушаться своего императора.

— Он умрёт. Фавье, можете начинать.

Начальник артиллерии поднял руку, затем опустил её. Французские пушки загремели в унисон, извергая огонь и дым. Снаряды пронеслись по воздуху со смертельным свистом и обрушились на китайские ряды.

Результат был разрушительным. Плотные строи вражеской пехоты представляли идеальные цели. Снаряды прокладывали кровавые борозды, скапливая десятки людей при каждом попадании. Крики раненых поднимались в жаркий воздух, смешиваясь с громом артиллерии.

Бомон, наблюдавший со своей позиции со своей секцией, смотрел. Он видел битвы, знал ужас войны. Но в этом зрелище его охватывал дискомфорт. Эти китайцы, умиравшие сотнями, даже не имели возможности сражаться. Казнь, а не битва.

— Сержант, — прошептал Дюбуа с широко раскрытыми глазами, — посмотрите, что мы с ними делаем. Это... это резня.

— Современная война. Наши пушки против их копий. Наша технология против их храбрости. Добро пожаловать в цивилизованный мир.

Французская артиллерия обстреливала китайские позиции. После пятнадцати минут этого железного ливня вражеская армия начала разваливаться. Группы солдат бежали в беспорядке, оставляя своё оружие и раненых. Татарская кавалерия попыталась атаковать левый фланг французов, но

была встречена плотным огнём егерей. Люди и лошади рухнули в месиве тел и криков.

— Прекратите огонь. Жамен, начинайте преследование, но умеренно. Я не хочу, чтобы мы рассеялись.

Французская пехота двинулась бегом, штыки наготове. Но преследовать уже было особо нечего. Китайская армия испарилась, оставив за собой поле, усеянное мёртвыми и умирающими.

Монтобан спешил и прошёл среди трупов. Застывшие в смерти лица смотрели на него с различными выражениями: удивление, боль, покорность. Молодые люди в основном, крестьяне, вырванные из своих деревень и брошенные в эту битву, которую они, вероятно, не понимали.

Капитан нашёл его, бледный.

— Наши потери минимальны, мой генерал. Три убитых, десяток раненых. Китайцев... их должно быть более тысячи.

— Эвакуируйте наших раненых. Что касается китайцев...

Монтобан заколебался.

— Сделайте, что можете, для раненых. Тех, кого можно спасти. Остальные...

Не всех можно было спасти.

Ночь опустилась на импровизированное поле боя. Французские врачи сутились вокруг раненых, вводя опиум от боли, ампутируя раздробленные конечности, зашивая зияющие раны. Их белые фартуки были испачканы кровью, их черты отмечены усталостью и отвращением.

Главный хирург Рено работал с механической эффективностью, рождённой привычкой. Он видел столько ран, столько страданий, что выковал себе эмоциональную броню.

— Капитан, подойдите посмотрите кое-что.

Дельма вошёл в палатку, слабо освещённую фонарями. Сладковатый запах крови и жжёной плоти схватил его за горло. На импровизированных носилках лежали с десятков раненых китайских солдат.

— Посмотрите на этого. Нога раздроблена, левая рука оторвана. Несколько часов жизни, не более. Но посмотрите на его лицо. Он улыбается.

Капитан с изумлением убедился, что врач говорит правду. Молодой китаец, несмотря на агонию, показывал безмятежную улыбку. Его губы шевелились, бормоча непонятные слова.

— Что он говорит?

— Переводчик перевёл мне. Он читает буддийскую молитву. Он готовится умереть с достоинством.

Он почувствовал давление в груди. Этот молодой человек, умиравший вдали от дома, искалеченный оружием, которого он никогда не видел, встречал свою судьбу с большим мужеством, чем многие люди, которых он знал.

— Можно ли что-то для него сделать?

— Облегчить его страдания. Это всё.

Рено подождал мгновение.

— Знаете, капитан, я всю жизнь лечил солдат. Французов, арабов, и теперь китайцев. И я иногда спрашиваю себя, не все ли мы безумны. Если вся эта жестокость, все эти страдания имеют смысл.

— Война всегда существовала. Она всегда будет существовать.

— Что не означает, что она справедлива. Или необходима.

У молодого человека не было ответа на это. Он покинул палатку и пошёл по лагерю, ища тихое место, где собрать свои мысли. В конце концов он сел на камень, в стороне от костров и разговоров. Звёздное небо простиралось над ним,

огромное и равнодушное к человеческим трагедиям, разыгрывающимся внизу.

Он думал об этом умирающем молодом китайце, о Луизе де Монтобан и её пророческих словах, о своей собственной наивности в вере, что война может быть чистой и почётной. Он ничего не видел, он это знал. Эта перестрелка была лишь прелюдией. То, что их ждало дальше, в фортах Дагу, в Тяньцзине, и, возможно, в Пекине, будет гораздо хуже.

Союзная армия продолжила своё продвижение. Китайцы попытались ещё несколько раз остановить их, начиная атаки, которые все были отбиты с тяжёлыми потерями. Французы и британцы продвигались неумолимо, их техническое превосходство сметало всякое сопротивление.

21 августа они подошли к фортам. Массивные сооружения из земли и камня, вооружённые пушками всех калибров, защищаемые тысячами солдат. Но французы брали их с тыла, как предвидел Монтобан, в то время как британский флот бомбардировал их с фронта.

Битва была короткой, но жестокой. Французская артиллерия открыла брешии в стенах, пехота ворвалась туда. Рукопашные бои были ожесточёнными. Китайцы защищались с яростной храбростью, зная, что они сражаются за свою честь и честь своего императора.

Сержант Бомон оказался в центре схватки, его ружьё стало бесполезным, он сражался штыком и прикладом. Вокруг него его люди кричали, били, убивали. Цивилизация и её правила исчезали в ярости боя. Оставалось только выживание, первобытный инстинкт, который толкает человека убить другого, прежде чем быть убитым.

Дюбуа, солдат, так страдавший от морской болезни, сражался с яростью, которой у него никто бы не подозревал. Его лицо было испачкано кровью, его глаза блеснули диким

блеском. Он потерял всю невинность за несколько секунд боя.

Когда форты пали, к концу дня, баланс был тяжёлым. У французов около пятидесяти убитых и более двухсот раненых. У китайцев несколько тысяч мёртвых. Выжившие бежали в направлении Тяньцзиня, оставив свои позиции, оружие, честь.

Монтобан стоял на завоёванных валах, глядя на поле боя, простиравшееся внизу. Трупы усеивали землю, дым поднимался от сожжённых зданий. Победа с горьким вкусом.

Генерал Грант нашёл его, удовлетворённая улыбка на губах.
— Прекрасная победа, Монтобан. Ваша стратегия была правильной. Я охотно это признаю.

— Спасибо, генерал.

— Теперь мы можем подняться по Байхэ до Тяньцзиня. Дорога на Пекин открыта.

Два человека пожали руки, скрепляя эту общую победу. Но во взгляде Монтобана Грант мог бы прочесть нечто иное, чем удовлетворение исполненного долга. Он мог бы увидеть смятение, сомнение, может быть, даже начало раскаяния.

Но Грант не стремился читать в глазах людей. Простой солдат, видевший мир в терминах побед и поражений, врагов и союзников. Моральные нюансы его не интересовали.

Пока победоносный лагерь праздновал взятие фортов дополнительными порциями рома, Монтобан удалился в свою палатку и написал:

«Моя дорогая Луиза,

Мы одержали нашу первую крупную победу. Форты Дагу пали, дорога вглубь страны открыта. Люди горды, британцы снова нас уважают.

И всё же я не могу не думать обо всех этих китайцах, которые умерли сегодня. Они сражались за свою страну, за своего императора. Они знали, что проиграют, но всё равно сражались.

Каждая победа давит на меня всё больше. Каждая смерть напоминает мне, что за нашими благородными целями скрываются реальности, которые я предпочёл бы игнорировать.

Но я солдат. Мой долг — подчиняться, побеждать, вести моих людей к успеху. Сомнениям нет места в военной кампании.

Молись за меня, моя милая. Молись, чтобы я сохранил свою душу нетронутой во всём этом хаосе.

Твой муж, который любит тебя и думает о тебе каждый день, Шарль»

Он запечатал письмо, которое отправится только через несколько дней, когда корабль вернётся в Гонконг. К тому времени могло произойти много вещей. Другие битвы, другие смерти, другие победы...

Марш на Пекин

На следующий день союзный флот начал подниматься по Байхэ. Транспорты продвигались медленно, сопровождаемые канонерскими лодками. Берега реки были безлюдны, деревни оставлены. Земля опустошения простиралась с обеих сторон, свидетельствуя о жестокости, охватившей этот регион.

24 августа союзные силы вошли в Тяньцзинь без сопротивления. Город был пуст, его жители бежали при приближении иностранных варваров. Только несколько стариков, слишком слабых, чтобы уйти, и бродячие собаки населяли улицы.

Монтобан установил свой штаб в заброшенной пагоде. Стены были покрыты фресками, изображающими сцены китайской мифологии, драконов и фениксов в ярких красках. Он созерцал эти изображения мира, столь отличного от его собственного, пытаясь понять менталитет этого народа, с которым он воевал.

Барон Гро присоединился к нему вечером с новостями.

— Мой генерал, китайские эмиссары предстали перед нами. Они просят переговоров. Император готов обсуждать ратификацию договора.

— Правда? После всего этого сопротивления он уступает?

— Наши победы убедили его. Он знает, что если он не будет вести переговоры, мы пойдём на Пекин. А этого он не может допустить. Это было бы слишком значительным унижением.

Монтобан задумался. Официальная миссия была близка к завершению. Договор будет ратифицирован, дипломатические цели достигнуты. Они смогут вернуться во Францию с высоко поднятой головой, заставив Китай открыться западной торговле.

Но он чувствовал, что всё будет не так просто. Британцы хотели большего. Лорд Элгин говорил о «необходимости преподать урок», о «примерных наказаниях». И императрица Евгения ожидала свои восточные сокровища.

— Начинайте переговоры, барон. Но не слишком торопитесь. Посмотрим, куда это нас приведёт.

Гро поклонился и вышел, осознавая, что реальные решения будут приниматься в другом месте, на встречах, на которые его не пригласят, между военными, имеющими другие приоритеты, чем дипломатия.

Переговоры зашли в тупик. Китайские эмиссары предлагали уступки, но недостаточно, по мнению британцев. Лорд Элгин требовал астрономических финансовых репараций,

открытия новых портов, экстерриториальных привилегий. Барон Гро пытался смягчить эти требования, но его голос заглушался более громким голосом английской дипломатии.

Тем временем солдаты обустранивались в Тяньцзине. Первые жители начали осторожно возвращаться, проверяя намерения этих захватчиков. Организовывались импровизированные рынки, где французские и британские солдаты обменивали свои товары на свежую еду, сувениры, иногда даже услуги китайских проституток, которых нищета толкала на эту торговлю.

Сержант Бомон пытался поддерживать дисциплину в своей секции, но это была проигранная битва. После месяцев в море и недель боёв люди хотели наслаждаться жизнью. Пока это оставалось в приемлемых пределах, он закрывал глаза.

Однажды вечером, совершая обход по улицам близ лагеря, он застал троих своих людей, пытавшихся взломать дверь явно заброшенной лавки. Он приблизился, угрожая.

— Что вы делаете, идиоты?

Три солдата застыли, пойманные на месте. Фрашон, Куло и третий, Дамбах, заработавшие твёрдую репутацию негодяев.

— Сержант, мы просто искали...

— Вы искали, что украсть.

Бомон дал каждому пощёчину, звучные удары, отдавшие эхом в пустынной улице.

— Сколько раз нужно вам повторять, что мы не грабители? Что мы представляем французскую армию?

— Но сержант, — протестовал Дамбах, — англичане же это делают. Мы видели, как они возвращались в лагерь с ящиками, полными предметов.

— Мне плевать, что делают англичане. Вы под моими приказами, и мои приказы ясны: никакого грабежа. Если я поймаю ещё одного за воровством, я прикажу его выпороть публично. Понятно?

Они кивнули, пристыженные. Но Бомон видел в их глазах, что искушение оставалось сильным. Дисциплина рассыпалась, понемногу. И он осознал, что не сможет быть везде, чтобы её поддерживать.

В начале сентября переговоры резко обострились. Китайские эмиссары, подталкиваемые консервативными элементами имперского двора, ужесточили свои позиции. Они отказались от нескольких британских требований и потребовали вывода союзных войск.

Лорд Элгин, разъярённый, приказал арестовать эмиссаров. Это была катастрофическая ошибка. В возникшей неразберихе китайские солдаты также захватили дипломатов более низкого ранга, переводчиков, даже журналиста из Times, сопровождавшего экспедицию.

Эти пленники были уведены китайцами в Пекин, где они исчезли в имперских тюрьмах. Несколько дней о них не было никаких вестей. Затем постепенно начали циркулировать слухи. Ужасные слухи, говорившие о пытках, увечьях.

Монтобан узнал новости на срочном совещании, созванном Грантом. Английские офицеры с закрытыми лицами говорили тихо. Элгин ходил туда-сюда, как зверь в клетке.

— Эти отсталые осмелились захватить британских дипломатов! — гремел он. — Нарушение всех международных законов! Невыносимое оскорбление!

— Что вы предлагаете? — спокойно спросил Монтобан, контрастируя с окружающей истерией.

Элгин посмотрел на него, глаза блестели от ярости.

— Мы пойдём на Пекин. Мы освободим наших людей. И мы заставим их заплатить, этих китайцев, за их предательство.

— Марш на Пекин — рискованное предприятие. Мы далеко от наших баз, наши линии снабжения растянуты...

— Мне плевать на риски! — перебил Элгин. — Наше достоинство попорно. Оно будет отомщено, чего бы это ни стоило.

Барон Гро попытался вмешаться.

— Лорд Элгин, может быть, нам следует сначала попытаться добиться освобождения этих людей переговорами...

— Переговоры? С этими предателями, нарушающими свои собственные обещания? Никогда!

Совещание продолжалось более двух часов, но решение было принято в голове Элгина. Союзные армии пойдут на Пекин. Они сокрушат любое сопротивление. Они вернут пленников, хотя китайцы этого или нет.

Монтобан вышел с этого совещания с предчувствием. Всё выходило из-под контроля. Дипломатическая миссия превращалась в карательную экспедицию. И у него была интуиция, что худшее впереди.

Марш на Пекин начался 18 сентября 1860 года. Двадцать две тысячи человек, французов и британцев, двинулись в направлении имперской столицы. Внушительная колонна, растянувшаяся на несколько километров, змеившаяся через плодородные равнины Северного Китая.

Дельма ехал верхом рядом с Монтобаном, наблюдая за проплывающим пейзажем. Сожжённые деревни, вытопанные поля, трупы китайских солдат, гниющие под солнцем. Война оставляла свой след на этой тысячелетней земле.

— Мой генерал, думаете ли вы, что мы найдём этих пленников живыми?

Монтобан не отрывал взгляда от горизонта.

— Я надеюсь, капитан. Я искренне надеюсь. Потому что если они мертвы, если китайцы их пытали... ничто не сможет сдержать британскую месть. И мы будем унесены в эту спираль насилия, хотим мы этого или нет.

— Мы могли бы отказаться. Сохранить нашу дистанцию от английских эксцессов.

— Мы союзники. Наша честь обязывает нас оставаться солидарными, даже когда мы не одобряем их действия.

— Честь...

Капитан покачал головой.

— У меня впечатление, что это слово теряет свой смысл по мере нашего продвижения.

Монтобан разделял это чувство. Воинская честь, благородные принципы, прекрасные слова из Парижа... всё это растворялось в суровой реальности этой кампании. Оставалась только необходимость идти вперёд, побеждать, выживать.

И где-то впереди, за горизонтом, Пекин ждал их со своими тайнами и опасностями. Летний дворец, о котором так много говорили миссионеры, приближался. И с ним искушение, жадность, возможность грабежа, который навсегда войдёт в историю этой экспедиции.

21 сентября утром союзная колонна возобновила марш после беспокойной ночи. Солдаты спали в полях, завернутые в свои шинели, убаюканные странными звуками этой китайской сельской местности: кваканье лягушек в рисовых полях, далёкий вой диких собак, иногда крик ночной птицы, похожий на человеческий стон.

Бомон едва сомкнул глаза. Он оставался бодрствующим, куря трубку, наблюдая за звёздами, ярко сиявшими. Рядом с ним его люди храпели, изнурённые вчерашним форсированным маршем. Дюбуа стонал во сне,

преследуемый кошмарами, которые Бомон мог легко вообразить. Парень убил впервые при взятии фортов Дагу, и этот опыт отметил его неизгладимо.

Когда рассвело, Бомон разбудил свою секцию резкими приказами. Люди выпли из своих одеял, ворча, с затёкшими членами, с усталыми чертами. Они проглотили скудный завтрак из твёрдых сухарей и тёплого кофе, затем встали в ряды, ожидая сигнала отправления.

Дельма проехал мимо них верхом, осматривая войска рассеянным взглядом. Он тоже плохо спал, преследуемый мыслями, которые его мучили. Разговор, который у него был с Монтобаном на корабле, пророческие слова Луизы, всё это смешивалось в его сознании.

— Капитан, — окликнул его Бомон, — какое наше направление сегодня?

Он остановил коня.

— Мы идём на северо-запад. Примерно в пятнадцати километрах есть укреплённая деревня. Разведчики сообщают, что китайские войска там окопались. Нам, вероятно, придётся форсировать проход.

— Снова кровь. Всегда больше крови.

— Это война, сержант. Вы это знаете так же хорошо, как я.

— Знаю. Но от этого не становится легче.

Дельма одобрительно кивнул и удалился. Он понимал, что чувствует Бомон. Он тоже устал от этих бесконечных сражений, от этих побед, которые имели вкус пепла. Но у них не было выбора. Они должны были идти вперёд, всегда вперёд, пока китайский император не капитулирует или пока их силы не будут истощены.

Колонна продвигалась три часа через пейзажи, чередующиеся между затопленными рисовыми полями и полями сорго. Жара была душающей, влажность насыщала воздух до такой степени, что казалось, дышишь водой.

Мундиры прилипали к коже, мешки всё больше давили на усталые плечи.

Около десяти часов раздались первые выстрелы. Одиночные стрелки, спрятавшиеся в высокой траве, изводили колонну. Их пули свистели над головами, редко причиняя урон, но поддерживая солдат в состоянии постоянного напряжения.

— Егеря вперёд! — закричал офицер. — Прочешите мне эти заросли!

Пехотинцы-егеря развернулись разомкнутым строем, тщательно прочёсывая подозрительные зоны. Время от времени раздавался залп, за которым следовал крик. Иногда падал китаец, иногда француз. Война продолжалась, неумолимая, сводя людей к статистике, к цифрам в военных докладах.

Укреплённая деревня появилась в начале второй половины дня. Поселение из сотни домов, окружённое валом из утрамбованной земли. Китайские флаги развевались на валах, и были видны силуэты солдат, снующих туда-сюда.

Монтобан остановил колонну в километре от деревни и созвал своих офицеров. Они собрались вокруг карты, развёрнутой на капоте повозки, изучая топографию местности.

— Классическая оборонительная позиция. У них преимущество местности, прочные стены, несомненно, запасы еды и боеприпасов. Лобовой штурм будет дорогим.

— Мы не будем атаковать в лоб. Фавье, установите вашу артиллерию на этом холме, на востоке. Вы будете бомбардировать оборону. Тем временем, Коллино, вы обойдёте деревню с севера со своей бригадой. Когда защитники будут сосредоточены на нашей артиллерии, вы ударите с тыла.

— А если китайцы предвидели этот манёвр? Если они ждут нас на севере?

— Мы импровизируем. Но я сомневаюсь, что у них достаточно сил, чтобы защищать все стороны одновременно.

Приказы были переданы. Французская армия разделилась на несколько групп, каждая направлялась к своей назначенной позиции. Солдаты шли с напряжением, предшествующим бою, проверяя оружие, регулируя снаряжение, обмениваясь несколькими словами вполголоса.

Бомон собрал свою секцию за рощей чахлах деревьев и повторил им то, что говорил уже множество раз.

— Послушайте меня хорошенько. Через час, может быть меньше, мы пойдём на эту деревню. Некоторые из вас умрут. Другие будут ранены. Я не буду вам лгать, говоря обратное.

Он дал своим словам произвести эффект, изучая лица, которые напрягались, челюсти, которые сжимались.

— Но если вы останетесь вместе, если вы будете поддерживать друг друга, если вы будете подчиняться приказам без колебания, у вас есть шанс. Хороший шанс. Мы лучшие солдаты в мире. Никогда не забывайте этого.

Французская артиллерия открыла огонь ровно в четырнадцать часов. Пушки загремели в оглушительном концерте, изрыгая свои железные снаряды против стен деревни. Результат был немедленным. Целые участки стены рухнули в облаках пыли, крыши взлетели, пожары вспыхнули здесь и там.

Со своей позиции Монтобан наблюдал за бомбардировкой со смешанным чувством удовлетворения и дискомфорта. Подавляющая демонстрация силы, но она также напоминала ему, насколько современная война стала безличной. Люди умирали на расстоянии, убитые снарядами, запущенными артиллеристами, которые их

никогда не увидят, которые никогда не узнают их имён, которые никогда не понесут бремени их смерти.

— Мой генерал, бригада Коллино на позиции. Она ждёт вашего сигнала для атаки.

— Пусть подождёт десять минут. Я хочу, чтобы китайцы были полностью дезориентированы, прежде чем начинать штурм.

Эти десять минут прошли в непрерывном грохоте артиллерии. Французские пушки стреляли с регулярностью метронома, разрушая вражескую оборону. В деревне можно было представить панику, ужас, раненых, кричащих, мёртвых, громоздящихся.

Монтобан дал сигнал. Флаг взмахнул на холме, и бригада Коллино ринулась в атаку. Пять тысяч человек выскочили с севера с криками, устремившись к брешам, открытым в стенах.

Китайское сопротивление было коротким, но интенсивным. Защитники, оглушённые бомбардировкой, попытались отразить нападающих с бешеной храбростью. Рукопашные бои вспыхнули в узких переулках, жестокие и беспощадные.

Бомон и его секция были частью второй волны штурма. Они обнаружили зрелище опустошения. Расчленённые тела усеивали улицы, дома горели, раненые ползали, стоная.

— Вперёд! — закричал Бомон. — Не останавливайтесь, продолжайте идти!

Они продвигались по горящей деревне, отбрасывая последние очаги сопротивления. Дюбуа выстрелил в китайского солдата, заряжавшего на него, попав ему прямо в грудь. Человек рухнул, харкая кровью, его широко раскрытые глаза уставились в небо с выражением застывшего удивления.

Молодой француз остался окаменевшим, созерцая человека, которого он только что убил. Бомон с силой дал ему пощёчину.

— Нет времени на это! Перезаряжай своё ружьё и иди вперёд!

Дюбуа повиновался механически, но его лицо стало мертвенно бледным. Что-то только что сломалось в нём, что-то, что никогда не починится.

Бой был коротким. Когда воцарилась тишина, деревня была завоёвана. Выжившие китайцы бежали на запад, оставив своих раненых и мёртвых. Французы считали свои потери: пятнадцать убитых, около сорока раненых. Китайцы оставили около трёхсот трупов.

Монтобан въехал в деревню верхом, в сопровождении своего штаба. Вокруг него солдаты обыскивали заброшенные дома в поисках еды, воды, иногда ценных предметов.

— Прекратите грабёж. Я хочу строгую дисциплину. Эти люди, возможно, вернутся, когда мы уйдём. Они не должны иметь впечатление, что мы дикари.

Жамен удалился, чтобы передать приказ, но Монтобан знал, что его власть ограничена. Грабёж был так же стар, как война. Можно было его ограничить, но не предотвратить. Солдаты брали, что хотели, оправдывая свои действия опасностями, которые они встречали, удалённостью от дома, уверенностью, что никто их по-настоящему не накажет.

Во внутреннем дворе главный хирург Рено устроил свой перевязочный пункт. Раненые лежали на циновках, ожидая своей очереди. Некоторые кричали от боли, другие оставались спокойными, со взглядом пустым. Рено ходил от одного к другому, оказывая помощь.

— Мой генерал, у нас проблема. Несколько наших раненых были поражены отравленным оружием. Стрелы, вымоченные в неизвестном веществе. Раны заражаются с ужасающей скоростью.

— Вы можете их спасти?

— Может быть. Если мы ампутирuem немедленно, до того как яд распространится по всему организму. Но это будет болезненно, и у меня не хватает опиума, чтобы их усыпить.

— Делайте, что можете. Это наши люди.

Рено кивнул и вернулся к своей кровавой работе. Монтобан удалился, не в силах больше выносить крики ампутированных. Он командовал армиями, одерживал победы, получал награды. Но эти крики искалеченных людей преследовали его больше, чем любое сражение.

Ночь опустилась на завоёванную деревню. Французские солдаты установили свой лагерь в руинах, разводя костры, чтобы согреться. Атмосфера была особенной, смесью облегчения от того, что выжили, и дискомфорта перед разрушением, которое они причинили.

Бомон сел со своими людьми вокруг костра, деля порцию консервированной говядины, которая имела малоаппетитный металлический привкус. Никто не говорил. Солдаты ели молча, погружённые в свои мысли.

Именно Леру нарушил это гнетущее молчание.

— Сержант, вы когда-нибудь убивали человека вблизи? Я имею в виду, глядя на него?

Бомон продолжал свою трапезу, не отвечая сразу. Вопрос, который ему задавали десятки раз на протяжении лет, и он никогда не находил удовлетворительного ответа.

— Да. В Алжире. Повстанец, который застал меня врасплох в оазисе. Мы боролись в течение того, что показалось мне вечностью. Я в конце концов вонзил свой нож ему в горло.

Я почувствовал, как его тёплая кровь течёт по моим рукам. Я видел, как свет гас в его глазах.

— И как... как вы смогли продолжать? Жить с этим воспоминанием?

— У нас нет выбора. Мы продолжаем, потому что должны продолжать. Мы пьём немного больше, чем следует, стараемся не слишком много об этом думать, концентрируемся на товарищах, которые живы.

Он подождал мгновение.

— А потом, со временем, воспоминание становится менее ярким. Не то чтобы забываешь, нет. Никогда не забываешь. Но это причиняет меньше боли.

Дюбуа, едва притронувшийся к своей еде, вмешался задушенным голосом.

— Я убил его сегодня. Этого китайца. Я смотрел, как он умирает. И я не могу не спрашивать себя, кем он был. Была ли у него семья. Дети, которые ждут его где-то, которые никогда не узнают, что с ним случилось.

— Не делай этого. Не причиняй себе эту пытку. Ты сделал то, что должен был сделать. Ты защитил свою жизнь и жизнь своих товарищей. Это всё, что имеет значение.

— Но это был человек, сержант. Человеческое существо, как мы. Он нам ничего не сделал.

— Он носил вражескую форму. Он защищал позицию, против которой мы должны были наступать. Этого достаточно. Война — не личное дело, Дюбуа. Это дело государств, политики, вещей, которые нас всех превосходят.

Молодой солдат отрицательно покачал головой, мало убеждённый. Он встал и отошёл от костра, ища уединения. Бомон позволил ему уйти, зная, что каждый должен был столкнуться со своими демонами по-своему.

Дамбах, который слушал молча, плюнул в огонь.

— Всё это ради чего? Чтобы заставить китайцев покупать наши товары? Чтобы торговцы обогащались, пока мы здесь умираем?

— Осторожно, Дамбах. Такого рода речи могут привести тебя перед военным судом.

— Мне плевать. Я говорю то, о чём все думают. Эта экспедиция не имеет смысла. Мы убиваем людей, которые нам ничего не сделали, разрушаем деревни, сжигаем урожай. И ради чего? Ради чести Империи?

Бомон молчал. Он разделял эти сомнения. Но он был сержантом, он должен был поддерживать дисциплину, сохранять моральный дух. Он проглотил свои собственные вопросы и заставил себя улыбнуться.

— Эта война будет иметь смысл, когда мы вернёмся во Францию, покрытые славой, с деньгами в карманах и медалями на груди. Это имеет значение, ребята. Не философия. Награда.

Но его слова звучали фальшиво даже для его собственных ушей.

Летний дворец

Тем временем в заброшенном доме, превращённом во временный штаб, Монтобан председательствовал на совещании со своими главными офицерами. Генерал Грант также присутствовал, как и лорд Элгин и барон Гро. Атмосфера была напряжённой.

— Господа, — начал Элгин, шагая по комнате, — мы получили новости о наших пленниках. Ужасные новости.

Он остановился и повернулся к собранию, его черты были искажены эмоцией.

— Восемнадцать наших людей мертвы. Мертвы в китайских тюрьмах после пыток самым варварским образом. Их тела

были найдены, искалеченные, изуродованные. Некоторые были связаны в невозможных позициях, пока их члены не сломались. Другие были лишены воды и пищи, пока не умерли от жажды.

Ужасающая тишина последовала за этими откровениями. Даже самые закалённые французские офицеры побледнели при перечислении этих зверств.

— Неприемлемо. Нарушение всех законов войны, всех конвенций между цивилизованными нациями. Китайцы должны заплатить за эти преступления. Они должны быть наказаны примерным образом.

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю уничтожить что-то ценное для них. Что-то, что заставит их понять, что с британскими посланниками так не обращаются.

— Вы говорите о Летнем дворце?

Элгин повернулся к французу, взгляд непреклонный.

— Летний дворец — любимая резиденция императора. Там он хранит свои самые ценные сокровища, свои самые редкие предметы искусства. Его уничтожение будет сильным ударом по имперскому престижу.

— Это также будет акт культурного вандализма беспрецедентного масштаба, — возразил Гро. — Вы говорите об уничтожении веков искусства и цивилизации. Незаменимых произведений.

— Я говорю о справедливости, барон Гро. О мести за людей, замученных до смерти. Ваши сомнения мало весят перед этими зверствами.

Барон повернулся к Монтобану, ища поддержки. Но французский генерал молчал, лицо закрыто. Он размышлял о ситуации, взвешивая различные варианты.

— Мой генерал, вы не можете одобрить это. Франция всегда защищала искусство, культуру, сохранение наследия человечества. Мы не можем ассоциироваться с преднамеренным уничтожением исторического памятника.

— Китайцы пытали до смерти дипломатов. Факт, требующий ответа.

— Но не такого! Не бесполезного разрушения! Существуют другие способы наказать виновных, заставить их заплатить за свои преступления.

— Какие? — спросил Элгин с презрением. — Штраф? Дополнительный пункт в договоре? Китайцы смеются над этими наказаниями. Они понимают только силу, демонстрацию мощи.

Грант, молчавший до сих пор, вмешался.

— Лорд Элгин прав. Наши люди были убиты. Мы должны ответить. Вопрос не в том, должны ли мы действовать, а как и в каком масштабе.

Обсуждение продолжалось около двадцати минут, противопоставляя тех, кто хотел яркой мести, и тех, кто призывал к умеренности. Никакого формального решения принято не было. Элгин заявил, что проконсультируется с Лондоном, Монтобан обещал обратиться к Парижу. Но все знали, что сообщения занимают месяцы, и что решения будут приниматься на месте людьми, у которых не было времени ждать инструкций, пришедших издалека.

Когда совещание закончилось и участники разошлись, Монтобан задержал Дельма.

— Капитан, что вы об этом думаете? Честно.

Дельма заколебался. Вопрос был с подвохом. Сказать правду рисковало поставить под угрозу его карьеру. Но солгать предало бы ценности, которые он старался сохранить.

— Я думаю, мой генерал, что мы на опасном склоне. Что каждый акт насилия порождает другой. Что если мы

уничтожим этот дворец, мы пересечём черту, через которую больше не сможем вернуться.

— А если мы не уничтожим его? Если мы позволим британцам сделать это одним?

— Мы, по крайней мере, сможем смотреть на себя в зеркало без слишком большого стыда. Мы не будем соучастниками этого акта.

— Вы идеалист. Это похвально. Но идеализм не выживает на войне. Рано или поздно вам придётся идти на компромиссы. Все их делают.

— Не вы. У вас есть ценности, которые превосходят эти обстоятельства.

— Я человек, который подчиняется. Нюанс.

Офицер отсалютовал и удалился, оставив Монтобана наедине с его мыслями. Генерал сел на табурет. Он думал о Луизе, о дочерях, о Париже, который казался принадлежащим другому миру. Он думал об этих восемнадцати замученных до смерти людях, об их страданиях, об их семьях, которые скоро получат ужасные новости. Он думал также об этом таинственном дворце, о котором все говорили, об этих сокровищах, возбуждающих столько алчности.

И он спрашивал себя в сотый раз, как он дошёл до этого. Как человек, который считал себя достойным, который посвятил свою жизнь служению Франции, мог оказаться соучастником актов, которые он осуждал.

В последующие дни союзная армия продолжила своё продвижение к Пекину. Другие деревни были взяты, другие сражения проведены. Победы накапливались, но и человеческая цена росла. Каждый день приносил свою долю убитых и раненых, солдат, измученных маршем и жарой, больных, сражённых тропическими болезнями.

Моральный дух войск быстро деградировал.

В своей секции Бомон делал всё возможное, чтобы поддерживать сплочённость. Он организовывал карточные игры вечером, рассказывал истории своих прошлых кампаний, раздавал свой собственный табак, когда снабжение задерживалось. Но дисциплина рассыпалась.

Дюбуа стал молчаливым. Он выполнял свои задачи механически, но его взгляд был пустым, потерянным в мыслях, которых никто не мог достичь. Бомон беспокоился о нём. Он видел других солдат, погружающихся так в меланхолию, которая могла привести их к дезертирству или хуже, к самоубийству.

Дамбах, наоборот, стал циничным и озлобленным. Он открыто критиковал офицеров, ставил под сомнение приказы, поощрял грабёж и бессмысленное насилие. Элемент нарушения, за которым Бомон должен был постоянно следить.

Однажды вечером, когда секция располагалась лагерем у ручья, Бомон отвёл Дамбаха в сторону.

— Ты успокоишься. Твои комментарии деморализуют остальных. Если продолжишь, я велю заковать тебя в кандалы.

— По какому обвинению? За то, что сказал правду?

— За неподчинение. За подрыв морального духа войск. Выбирай формулировку, которая тебе нравится. Результат будет тот же: ты будешь наказан.

Дамбах презрительно плюнул на землю.

— Вы все одинаковы, вы младшие командиры. Всегда вылизываете офицерам сапоги. Никогда не думаете о людях, которыми командуете.

Бомон схватил Дамбаха за воротник и прижал его к дереву.

— Слушай меня хорошенько, маленький ублюдок. Я видел вещи, которые ты не можешь даже представить. Я похоронил больше товарищей, чем ты когда-либо знал. И

если я здесь, если я сержант, это потому что я забочусь о своих людях. Потому что я делаю всё, что в моих силах, чтобы они вернулись живыми во Францию.

— Посылая их умирать в бесполезных битвах?

— Держа их дисциплинированными, организованными, сплочёнными. Потому что в этой войне это единственное, что может их спасти. Не твои жалобы, не твоя критика. Дисциплина и солидарность.

Он отпустил Дамбаха, который удалился, бормоча оскорбления. Бомон не убедил солдата. Но, может быть, он заставил его задуматься, хотя бы на данный момент.

6 октября 1860 года стало датой, которая останется выравненной в истории этой кампании. В этот день союзные армии достигли окрестностей Пекина. Имперская столица возвышалась перед ними, её внушительные стены вырисовывались на горизонте, её крыши из глазурованной черепицы блеснули на солнце.

Но не город интересовал британцев. Это было то, что находилось в десятке километров к северо-западу: Летний дворец, этот знаменитый Юаньминъюань, о котором все говорили.

Разведчики осмотрели место и вернулись с восторженными описаниями. Огромные сады, сотни павильонов, искусственные озёра, мраморные мосты. И главное, говорили, бесценные сокровища, накопленные веками китайскими императорами.

Император Сяньфэн бежал из Пекина несколько дней назад, увозя с собой часть своего двора в Жэхэ, свою летнюю резиденцию в Маньчжурии. Летний дворец был почти заброшен, охраняемый лишь несколькими евнухами и слугами, которые не окажут сопротивления.

Лорд Элгин созвал совещание. В палатке британского командования собрались все старшие офицеры. Атмосфера

была наэлектризованной, заряженной возбуждением, напоминающим возбуждение золотоискателей перед золотой лихорадкой.

— Господа, мы займём Летний дворец. Мы обезопасим место и проведём инвентаризацию того, что там находится. Затем мы решим о дальнейших действиях.

— Что вы имеете в виду под «дальнейшими действиями»? — спросил барон Гро с подозрительным тоном.

— Я имею в виду, что мы рассмотрим все варианты. Включая полное уничтожение.

— Нет! — воскликнул Гро, резко вставая. — Я буду противостоять этому всеми своими силами! Вы не можете уничтожить такой памятник! Это... это варварство!

— Это справедливость. Наши люди были замучены. Их смерть должна быть отомщена.

Монтобан вмешался, пытаясь успокоить игру.

— Господа, не будем торопиться. Давайте сначала посмотрим на этот дворец собственными глазами. Потом мы примем обоснованное решение, в консультации с нашими правительствами.

— Наши правительства находятся в месяцах отсюда. Мы должны действовать с информацией, которой располагаем.

— Именно поэтому мы должны быть осторожны. Решение, принятое в спешке, может иметь последствия, которых мы не измеряем.

Дискуссия ходила по кругу без появления какого-либо консенсуса. Было решено, что французские и британские войска отправятся вместе в Летний дворец на следующее утро для разведки в силе. Что произойдёт потом, будет зависеть от того, что они там найдут.

В ту ночь мало кто спал в союзном лагере. Солдаты перешёптывались между собой, размышляя о богатствах,

которые их ждут. Некоторые говорили о зелёном нефрите, о золоте, о старинном фарфоре, стоящем состоянии. Другие упоминали волшебные предметы, талисманы с мистическими силами. Воображение разгоралось, подпитываемое месяцами лишений и опасностей.

Бомон слушал эти разговоры. Он чувствовал, что произойдёт что-то серьёзное, что события выходят из-под контроля. Он жил достаточно долго, чтобы распознавать эти моменты, когда история поворачивается, когда обычные люди совершают необычные поступки, в хорошем или плохом смысле.

— Сержант, правда ли, что там есть золото? Что мы сможем взять?

— Я не знаю, что там есть. И даже если там есть золото, оно нам не принадлежит. Оно принадлежит китайскому императору.

— Императору, который замучил наших пленников? Который без причины с нами воевал?

— Даже ему. Воровство остаётся воровством, какое бы оправдание мы себе ни давали.

— Но если офицеры нам это позволят? Если это будет считаться военной добычей?

Бомон вздохнул.

— Если офицеры это позволят, вы должны будете следовать своей совести. Но я ничего не возьму. Ни су, ни предмета. Я вернусь во Францию с пустыми руками.

Люди опустили глаза, чувствуя дискомфорт. Они уважали Бомона, и его слова имели вес. Но искушение будет сильным, они это знали. Очень сильным.

Рассвет 6 октября 1860 года взошёл в золотистом тумане, окутывавшем китайскую сельскую местность нереальной красотой. Союзные армии двинулись в путь около десяти часов, следуя по дороге, ведущей на северо-запад от Пекина.

Внушительная колонна: двадцать тысяч человек, французов и британцев вперемишку, двигающихся в порядке, больше похожем на процессию, чем на военное построение.

Монтобан ехал во главе с Грантом, Элгином и бароном Гро. Никто не говорил. Каждый был погружён в свои мысли, предвосхищая то, что они собирались обнаружить.

Они сначала пересекли заброшенные деревни, затем возделанные поля, оставленные без присмотра. Война опустошила регион от его жителей, превратив когда-то процветающий пейзаж в своего рода призрачную ничейную землю.

К полудню они увидели первые здания Летнего дворца. Элегантные структуры с изогнутыми крышами, окружённые тщательно ухоженными садами. Вековые сосны стояли на страже, их искривлённые ветви создавали сложные тени на земле.

Чем дальше они продвигались, тем более впечатляющим становилось зрелище. Летний дворец был не одним зданием, а гигантским комплексом, простирающимся на несколько квадратных километров. Павильоны, храмы, галереи, мосты, киоски следовали один за другим в архитектурной гармонии, свидетельствовавшей о веках утончённости.

— Боже мой, — прошептал барон Гро, — это великолепно. Поистине великолепно.

Даже Элгин казался впечатлённым, хотя старался ничего не показывать. Грант, более прагматичный, изучал место военным взглядом, ища стратегические позиции, возможные точки обороны.

Они прибыли перед главным дворцом, тем, где обычно проживал император. Величественное сооружение сдержанной элегантности, окружённое двором,

вымощенным белым мрамором. Двери были широко распахнуты, словно приглашая их войти.

Монтобан спешился и двинулся вперёд. Его сапоги гулко отдавались, производя эхо, которое, казалось, повторялось до бесконечности. Он пересёк порог и оказался в огромном зале, чьё величие перехватило у него дыхание.

Колонны, лакированные красным и золотым, поддерживали потолок, украшенный драконами. Шёлковые ширмы украшали стены, изображая сцены китайской мифологии с поразительной яркостью цветов. Фарфоровые вазы высотой в несколько метров были расставлены симметрично вдоль стен. Столы из драгоценного дерева поддерживали бесчисленные предметы искусства: нефрит, бронзу, горный хрусталь, резную слоновую кость.

Музей, коллекция, накопленная императорами, сделавшими красоту навязчивой идеей. Каждый предмет был выбран с заботой, расставлен с искусством, сохранён с преданностью.

Капитан, последовавший за Монтобаном, застыл на месте, не в силах оторвать взгляда от этого зрелища.

— Мой генерал, — прошептал он, — это невероятно. Я никогда не видел ничего подобного, даже в Лувре.

— Я тоже, Дельма. Я тоже.

Вошли другие офицеры, затем солдаты. Вскоре зал заполнился французскими и британскими мундирами, резко контрастирующими с тонкой гармонией места. Люди ходили на цыпочках, словно в церкви, напуганные таким количеством красоты.

Барон Гро нашёл Монтобана, слёзы на глазах.

— Мой генерал, вы видите то, что вижу я? Это не дворец. Это сокровище человечества. Если мы его уничтожим, если мы его разграбим, мы совершим преступление, которое навсегда запятнает нашу честь.

Монтобан продолжал оглядываться вокруг, пытаясь впитать великолепие места. Он думал об императрице Евгении, о её завуалированной просьбе привезти предметы искусства. Он думал о солдатах, ожидающих снаружи, жаждущих награды после стольких жертв. Он думал об Элгине и его желании мести.

И он понимал, что находится на перепутье Истории. Что то, что будет решено в ближайшие часы, будет иметь последствия десятилетиями, может быть, веками.

— Барон Гро, я разделяю ваши чувства. Но боюсь, что мы больше не хозяева событий. Более мощные силы, чем мы, действуют здесь. Месть, алчность, имперские амбиции. Всё это сходится к этому месту, и я не знаю, сможем ли мы предотвратить то, что должно произойти.

— Вы командующий французскими силами. У вас есть власть отказаться.

— У меня есть власть подчиняться. Это другое.

Снаружи солдаты начали исследовать другие здания комплекса. Они обнаруживали зал за залом, павильон за павильоном. Библиотеки, содержащие тысячи древних рукописей. Художественные галереи, выставляющие картины китайских мастеров. Сокровищницы, где громоздились золотые и серебряные слитки.

Возбуждение росло. Голоса становились громче, жесты менее почтительными. Кто-то опрокинул вазу, которая разбилась с кристаллическим звоном. Это был как сигнал. Внезапно сдержанность взорвалась.

Солдаты ринулись в залы, хватая всё, что блестело, всё, что казалось имеющим ценность. Британцы были самыми агрессивными, их колониальные войска в особенности, но французы не замедлили последовать. Тщательный порядок коллекций не устоял перед натиском этих людей, видевших

здесь возможность богатства, которую они никогда не найдут снова.

Бомон, оставшийся со своей секцией в главном дворе, увидел начало грабежа с ужасом.

— Нет! — закричал он. — Вы не имеете права! Это воровство!

Но его голос потерялся в гаме. Люди больше его не слушали. Даже те из его собственной секции колебались, глядя, как их товарищи наполняются добычей, спрашивая себя, почему они должны оставаться с пустыми руками.

Дюбуа приблизился к Бомону, лицо мучилось.

— Сержант, что нам делать?

— Мы ничего не делаем. Мы ничего не берём. Мы сохраняем наше достоинство, даже если никто другой его не сохраняет.

— Но остальные...

— Мне плевать на остальных! Мне плевать, что делают эти воры! Ты, Дюбуа, ты лучше этого. Ты лучше этой стаи грабителей.

Молодой солдат кивнул, слёзы на глазах. Он остался рядом с Бомоном, наблюдая, как продолжается разграбление, с чувством стыда и бессилия.

Внутри главного дворца генерал де Монтобан присутствовал при катастрофе. Вокруг него его собственные офицеры пытались поддерживать видимость порядка, но это было напрасно. Грабёж начался, и ничто не могло его остановить.

Генерал Жамен приблизился, лицо красное от гнева.

— Мой генерал, нужно что-то делать! Наши люди ведут себя как дикари! Они всё разрушают, всё крадут!

— Я знаю, Жамен. Я знаю.

— Дайте приказ! Заставьте их остановиться!

Монтобан повернулся к своему подчинённому, и Жамен увидел в его глазах покорность, которой он там никогда не видел.

— Приказ? И кто его выполнит? Люди распоясались. Если я попытаюсь остановить их силой, они обратятся против нас. Вы знаете военную историю, Жамен. Вы знаете, что происходит, когда армия вкусит грабежа. Она становится неуправляемой.

— Мы будем стоять здесь, смотреть, не реагируя? Позволяя разрушать века цивилизации?

— Мы попытаемся ограничить ущерб. Сохранить то, что можно. Но мы не сможем спасти всё. Назначьте комиссаров. Пусть выберут самые ценные произведения и укроют их. Остальное... остальное пойдёт своим ходом.

Жамен хотел протестовать, но понял, что это бесполезно. Он отсалютовал и удалился, чтобы выполнить приказ, с яростью в сердце.

Дельма, слышавший обмен, присоединился к Монтобану.

— Мой генерал, так заканчивается наше приключение? В грабеже и бесчестье?

— Честь — роскошь, которую мы больше не можем себе позволить. Мы зашли слишком далеко. Мы должны жить с последствиями наших действий.

— Но вы сказали... Вы обещали, что мы останемся людьми чести. Даже в худших обстоятельствах.

— Я пытался. Бог свидетель, что я пытался. Но я провалился.

— И вы тоже провалитесь однажды. Потому что война не оставляет места святым. Только выжившим.

Он вырвался и вышел из дворца. Ему нужен был воздух, пространство, дистанция от этого ужаса. Снаружи грабёж продолжался. Солдаты выходили из зданий, нагруженные разнородными предметами. Некоторые дрались за одну и ту

же вазу, разбивая её в борьбе. Другие пили алкоголь, найденный в имперских запасах, пьянея в послеполуденной жаре.

Хаос. Организованный хаос, даже ритуализированный, словно грабёж был неотъемлемой частью войны, словно это была заслуженная награда.

Барон Гро пытался спасти, что мог. С несколькими французскими офицерами, разделявшими его сомнения, он составлял скромную коллекцию предметов, которые надеялся сохранить. Но это была капля в океане разрушения. Часы проходили. Солнце начало клониться к закату. Грабёж продолжался, всё более анархичный по мере того, как солдаты пьянели. Вспыхивали драки, время от времени раздавались выстрелы.

А потом, к вечеру, лорд Элгин созвал новое совещание. В главном дворе дворца он сделал объявление.

— Господа, я принял решение. Этот дворец должен быть уничтожен. Полностью. Мы подожжём его. Это будет наш ответ на чудовищности, совершённые против наших пленников. Это будет наше послание китайскому императору: нельзя безнаказанно попираť британскую честь.

ГЛАВА 2 - СОКРОВИЩЕ СЫНА НЕБА

7 октября 1860 года, на рассвете, генерал Шарль Кузен де Монтобан созвал трех своих лучших офицеров в тронный зал. Капитана артиллерии Жака Бессьера, бывшего студента Политехнической школы, изучавшего историю искусства. Командира Анри Фульда, коллекционера китайских древностей. И полковника Франсуа Ламбера, который провел два года в Египте и привез оттуда десятки ящиков восточных артефактов.

— Грабеж, начавшийся вчера, продолжается сегодня. Мы собираемся его организовать. Вы трое — самые образованные в этой армии. Вы станете комиссарами по военным трофеям. Ваша миссия: составить список наиболее ценных предметов. Тех, которые заслуживают войти в императорские коллекции. Вы выберете триста предметов. Не больше — транспортировка и так будет кошмаром. Эти предметы будут отправлены Императору и императрице Евгении. За работу, господа. У вас *carte blanche* во всем дворце. Не торопитесь, изучайте, сравнивайте, выбирайте. Я хочу, чтобы эти триста предметов были самыми прекрасными, самыми ценными, самыми замечательными. Они станут свидетельством этой кампании. Они войдут в Историю.

Полковник Ламбер взял слово:

— С чего начнем, мой генерал?

— С этого зала. Императорский трон находится там, на возвышении. Выгоните солдат, которые входят и выходят. Начните с символов власти. Затем исследуйте остальную часть дворца. Делайте заметки. Составьте точную опись. Через три дня я хочу видеть ваш список.

— Хорошо, мой генерал.

Большой тронный зал

Они подошли к возвышению, где стоял императорский трон. Полковник первым поднялся по мраморным ступеням, за ним последовали два его подчиненных. Их сапоги гулко отдавались в гнетущей тишине теперь уже пустого зала.

Трон был вырезан из цельного блока массивного сандалового дерева, инкрустированного перламутром и нефритом. Спинка высотой два метра была украшена драконом с пятью когтями, глаза которого были сделаны из бирманских рубинов размером с голубиное яйцо.

Командир Фульд наклонился к драгоценным камням:

— Эти рубины должны весить по пятьдесят каратов каждый, может быть, больше. А качество огранки... Ни одного видимого включения.

Капитан Бессьер сел на ступени, созерцая трон со странным выражением.

— Знаете, что меня поражает, господа? Этот трон, вероятно, не использовался уже несколько месяцев. Император больше не приезжал сюда. Он укрылся в Жэхэ, в своей летней резиденции. Этот трон пуст. Власть, которую он символизирует, испарилась.

— Вы бредите, Бессьер, — ответил командир с улыбкой.

— Возможно. Но эта желтая шелковая подушка не несет никаких недавних следов. Ни одной складки, как будто время остановилось здесь. Для этой династии, для этой империи время остановилось в тот день, когда мы высадились в Тяньцзине.

— Не будьте столь драматичны, капитан. Цины переживут эту войну. Они подпишут договор, выплатят контрибуции, откроют порты. Но останутся у власти.

— Надолго ли? Через пятьдесят лет, через сто лет Китай все еще будет империей? Или станет европейской колонией, как Индия?

Капитан встал, отряхивая свой мундир:

— Никто не может колонизировать Китай. Он слишком обширен, слишком населен, слишком древен. Нет, Китай останется китайским. Но ему придется приспособиться к современному миру.

Полковник подошел к трону, внимательно его осматривая.

— Забудьте о троне, — отрезал он. — Он слишком громоздкий. Мы никогда не сможем его транспортировать. Нас интересуют предметы на этом столе.

Он спустился с возвышения и направился к низкому палисандровому столу, расположенному перед тронном.

— Идите сюда, господа.

Они собрались вместе. На столе с ритуальной тщательностью были разложены несколько предметов: два нефритовых скипетра, табличка, печати, курительница.

Командир достал записную книжку из кармана и открыл ее на чистой странице.

— Первый предмет. Жезл командования. Императорский скипетр. Жуи.

Он протянул руку, на мгновение замешкался — словно боялся совершить святотатство — затем взял скипетр. Длиной около семидесяти сантиметров, он был вырезан из цельного блока нефрита-нефрита глубокого зеленого, почти черного цвета.

— Почувствуйте вес этой вещи.

Он передал его Фульду, который взвесил его с почтением.

— Он должен весить три килограмма? Четыре?

— Минимум четыре, — подтвердил полковник. — Глыба нефрита такого размера, столь чистого цвета... бесценна.

Командир провел пальцами по гладкой поверхности.

— Она холодна на ощупь, но в то же время... в этом камне есть что-то живое. Вы чувствуете?

Капитан Бессьер подошел:

— Китайцы говорят, что нефрит обладает ци, жизненной энергией. Они считают его более ценным, чем золото или алмазы.

— Жизненная энергия, — повторил Ламбер со скептической улыбкой. — Вы в это верите, капитан?

— Нет, мой полковник. Подержите его несколько минут. Он нагревается.

Ламбер снова взял скипетр и осмотрел его более внимательно.

— Конец заканчивается головкой гриба. Линчжи, символ долголетия и благоприятного знака. А здесь выравнены иероглифы по всей длине. Очень тонкая каллиграфия.

Командир наклонился.

— Капитан, вы можете расшифровать эти надписи?

— Только некоторые иероглифы, мой командир. Я изучал перед кампанией, не овладев языком. Но достаточно, чтобы узнать некоторые слова. Это поэзия. Стихи, сочиненные самим императором Цяньлуном.

— Император, который пишет стихи на своих скипетрах, — удивился Фульд. — У нас короли велят гравировать свои гербы и титулы. А они гравируют стихи.

— Для китайцев правитель должен быть образованным ученым. Военной силы недостаточно. Нужно владеть классикой, сочинять стихи, практиковать каллиграфию. Невежественный император был бы немыслим.

— И все же они проиграли нам войну, — заметил полковник.

— Их утонченность не является военным оружием, мой полковник. Но через тысячу лет кто вспомнит об этой

войне? Никто. Но стихи Цяньлуна все еще будут читать, этот скипетр все еще будут восхищаться.

— Прекрасное утешение за военное поражение, — иронично заметил Фульд. — Вы понимаете, что мы делаем? Император держал этот скипетр во время великих церемоний. Эквивалент французской короны, скипетра Святого Людовика. И мы собираемся его украсть.

Ламбер напрягся:

— Мы не крадем его, командир. Мы берем его как военный трофей.

— Правда, мой полковник? Чем это отличается?

— Это законно. Признано всеми цивилизованными нациями. Право войны разрешает победителям захватывать имущество побежденных.

— Право войны... Вы считаете, что это право заслуживает уважения, мой полковник?

Полковник подошел к Фульду, твердым голосом:

— Командир, если вы не можете принять эту миссию, скажите об этом сейчас. Я попрошу генерала заменить вас. Но если вы остаетесь, то выполняйте свою задачу без душевных терзаний. Мы здесь не для того, чтобы судить о справедливости этой войны.

Фульд стиснул зубы.

— Я остаюсь, мой полковник. И я выполню приказы. Но это не мешает мне думать.

— Думайте сколько угодно. Но и работайте тоже.

Командир осторожно положил скипетр и записал в своей записной книжке: «Императорский скипетр жуи, темно-зеленый нефрит-нефрит, длина прибл. 70 см, выгравированы стихи императора Цяньлуна. Период Цин, конец XVIII века. Исключительное качество».

— Лорд Элгин захочет этот скипетр, — предсказал полковник. — Сам символ имперской власти. Он захочет привезти его в Англию в качестве трофея.

— Несомненно, мой полковник, — признал Бессьер. — Но есть и второй.

Он указал на второй жуи, лежащий рядом с первым. Тот был вырезан из полупрозрачного белого нефрита, другой красоты, но столь же замечательный.

Командир поднял его.

— Этот легче. Три килограмма, может быть.

— А цвет, — заметил капитан. — Чистый белый нефрит. Редкий. Белый нефрит такого качества происходит из гор Куньлунь, в тысячах километров отсюда. Его транспортировка, должно быть, стоила целое состояние. У нас два императорских скипетра. Один для лорда Элгина, один для Наполеона III.

Фульд не смог удержаться от замечания.

— Провидение прекрасно устраивает дела...

Полковник ударил кулаком по столу:

— Достаточно! Мы не будем драться, как старьевщики, у подножия императорского трона! Да, то, что мы делаем, ставит моральные вопросы. Да, можно обсуждать законность этой войны и этого грабежа. Но мы солдаты. Наш долг — подчиняться. Генерал де Монтобан доверил нам миссию. Мы выполним ее как можно лучше.

— Вы правы, мой полковник. Простите меня. Мои нервы на пределе.

— Мои тоже, командир.

Они пожали друг другу руки, примирившись.

— Хорошо. Третий предмет: нефритовая табличка.

Командир поднял табличку гуй, вырезанную из полупрозрачного белого нефрита. Она имела тридцать

сантиметров в длину и десять в ширину, с закругленными краями.

— Почти видно сквозь нее, — восхитился полковник.

— Почти, но не совсем, — возразил Бессьер. — Эта полупрозрачность, эта легкая вуаль — это совершенство.

Он перевернул табличку. Одна сторона была вырезана архаическими иероглифами.

— Эти иероглифы очень древние. Они не похожи на современное письмо. Я бы сказал, династия Чжоу, может быть, даже старше.

— Вы хотите сказать, что этой табличке может быть три тысячи лет? — удивился полковник.

— Нет. Сама табличка, вероятно, более поздняя. Но она была вырезана архаическими иероглифами, чтобы придать ей почтенный вид. Обычная практика при династии Цин. Они хотели связать себя с древними династиями, показать преемственность своей власти.

— Для чего служила эта табличка?

— Ритуальный предмет. Император использовал ее во время церемоний для общения со сверхъестественными силами, с императорскими предками. Эти иероглифы — формулы заклинаний, молитвы.

— Вы можете их прочесть, капитан?

— Несколько слов. Вот, например, иероглиф тянь — «небо». А здесь ди — «земля». Остальное слишком сложно для меня. Нужен был бы синолог.

Ламбер взял табличку и взвесил ее.

— Она тяжелая для своего размера.

— Нефрит — очень твердый камень, мой полковник, — объяснил Бессьер. — По шкале Мооса, которая измеряет твердость минералов, он находится между 6 и 7. Менее

твердый, чем алмаз, но гораздо более твердый, чем мрамор или гранит.

— Как можно было обработать такой твердый камень инструментами того времени?

— С терпением. Трут абразивным песком в течение месяцев, лет. Медленно стачивают материал, пока не получают желаемую форму. Такая табличка, как эта, вероятно, потребовала десяти лет работы.

— Десять лет! — воскликнул полковник. — Для одного предмета!

— Они понимали, что некоторые вещи нельзя торопить. Что красота требует времени.

— Сколько стоит такая вещь, капитан?

Бессьер посмотрел на него.

— Она ничего не стоит. Она бесценна. Нельзя назначить цену такому предмету. Как спросить цену короны Карла Великого. Эти предметы не имеют рыночной стоимости. Они имеют символическую, историческую, культурную ценность.

— И все же кто-то в конце концов назначит ей цену.

— Эта табличка никогда не будет продана. Она войдет во французские императорские коллекции, где будет сохранена и восхищать ею будут.

Полковник выпрямился, массируя больную поясницу.

— Господа, мы потратили час на три предмета. В таком темпе нам понадобится месяц, чтобы закончить опись. Капитан Бессьер, направьте нас к фарфору. Мы должны ускориться.

Императорский фарфор

Они подошли к полкам, занимавшим всю западную стену зала. Они возвышались на четыре метра в высоту,

разделенные на десятки отделений из тонко резного розового дерева. Фарфоровые изделия занимали центральную часть, расставленные с тщательной заботой.

Фульд резко остановился, созерцая масштаб коллекции.

— С чего начать, мой полковник? Здесь должно быть сто предметов? Двести?

— Больше, — ответил Бессьер, окидывая взглядом полки.

— Я бы сказал, триста, может быть, четыреста. И это только фарфор в этом зале. Вероятно, есть тысячи других во всем остальном дворце.

— Тысячи, — повторил Ламбер. — А мы возьмем только несколько десятков.

— Самые прекрасные, — уточнил капитан. — Шедевры. Остальное...

Полковник прервал его и окинул взглядом зал:

— Капитан, ваше мнение о методе?

— Предлагаю начать сверху. Самые ценные предметы размещены на высоте, вдали от пыли и несчастных случаев. Командир, видите ту лестницу там?

Фульд направился к углу зала. Когда он поднял лестницу, он заметил, что она была не из обычного дерева. Стойки были из розового дерева, украшенного цветочными мотивами.

— Даже их лестница украшена. Эти люди не делали ничего банального.

— Именно это составляет их величие, — ответил Бессьер.

— А также, возможно, их слабость. Они провели столько времени, совершенствуя искусства, литературу, эстетику, что пренебрегли армией, флотом, современными технологиями.

Он начал взбираться. Перекладки скрипели под его весом, но выдерживали.

— Будьте осторожны, капитан, — предупредил командир.
 — Если вы упадете с одной из этих ваз в руках, генерал прикажет нас расстрелять.

— Будьте спокойны, мой командир.

Достигнув вершины, капитан Бессьер оказался лицом к лицу с рядом впечатляющих ваз.

— Серия ваз эпохи Цяньлун, я уверен. Конец XVIII века.

— Сколько вы их видите? — спросил полковник Ламбер.

— Двенадцать. Все из одной серии, подходящие друг к другу. Монументальные изделия. Эта должна быть... подождите, я ее спущу.

Капитан взял первую вазу с бесконечной осторожностью. Тяжелее, чем он представлял — фарфор такого размера и такой толщины должен был весить по крайней мере пять или шесть килограммов. Он спускался ступенька за ступенькой, сосредоточенный, осознавая, что малейший неверный маневр может навсегда разбить шедевр почти столетней давности.

— Осторожно на последней ступеньке.

— Я вижу ее, спасибо, мой командир.

Он поставил вазу на стол в центре зала. Они собрались вокруг, созерцая ее в молчании.

Фарфор был безупречной белизны, чистоты, которая казалась нереальной. На этом совершенном фоне сцены из придворной жизни были написаны с тонкостью, бросающей вызов воображению. Мандарины в расшитых шелковых одеждах прогуливались в саду. Наложницы играли на пипа под плакучими ивами. Дети бегали за бабочками среди цветущих цветов. Каждая фигура, хотя и крошечная — некоторые не превышали одного сантиметра — была написана с поразительным вниманием к деталям.

— Миниатюрная живопись, — прошептал командир, наклонившись так близко, что его дыхание почти заставляло дрожать поверхность. — Детали... Складки одежды, черты лиц, травинки в саду. Как можно рисовать с такой точностью на фарфоре?

— Тонкими кистями, — ответил Бессьер, тоже зачарованный. — Сделанными из одного волоса ласки. Иногда даже из одной человеческой ресницы для самых тонких деталей. И годы обучения. Художники Цзиндэчжэнь начинают свое обучение в возрасте семи лет.

— Цзиндэчжэнь?

— Город фарфора. На юге Китая, в провинции Цзянси. Там производится весь императорский фарфор. Это восходит к династии Юань XIV века. Центр китайского фарфора, как Лимож является центром французского фарфора. За исключением того, что Цзиндэчжэнь гораздо древнее, больше, совершеннее.

Полковник, молча осматривавший вазу, вдруг заговорил:

— Ручки. Посмотрите на ручки.

Двое других наклонились. Ручки вазы были вылеплены в форме миниатюрных драконьих голов. Каждый дракон показывал открытую пасть, острые клыки, выпуклые глаза. А на теле были вырезаны, а затем покрыты эмалью сотни чешуек.

— Каждая чешуйка разная, — заметил Ламбер, проводя пальцем по поверхности. — Они не однородны. Слегка неравномерны, как у настоящего дракона. Ну, если бы драконы существовали.

— Вот в чем разница между шедевром и просто красивым предметом. Мастер, который сделал это, не повторял узор. Он размышлял о том, что такое дракон, как были бы расположены его чешуйки, как свет играл бы на их поверхности.

Командир опустился на колени, чтобы изучить баланс пропорций.

— А там, на горлышке. Надписи. Вы можете их прочитать, капитан?

Бессьер наклонился. На горлышке вазы микроскопически тонкими иероглифами шла надпись на классическом китайском.

— Посмотрим... Это сложно, иероглифы такие маленькие... Но я думаю, что узнаю дату изготовления. А здесь название императорской мастерской. Эта вещь была создана в 1765 году, во время правления Цяньлуна.

— Почти сто лет назад, — прошептал командир. — Столетие, что эта ваза существует. И она в идеальном состоянии. Ни трещины, ни сколов.

— Потому что она хранилась в этом дворце, — объяснил Бессьер, — защищенная от прямого света, от пыли, от перепадов температуры. Китайцы умеют сохранять свой фарфор. Они заворачивают его в рисовую бумагу, хранят в шкафах из сандалового дерева, запах которого отпугивает насекомых. Они всегда обращаются с ним в шелковых перчатках. Для них каждый старинный фарфор — это связь с их предками, семейное сокровище, которое нужно передать будущим поколениям.

— Семейное сокровище, которое мы собираемся у них украсть, — тихо констатировал командир.

Полковник вздохнул, но не стал возражать.

Капитан снова поднялся по лестнице. Один за другим, с бесконечным терпением, он спустил остальные одиннадцать ваз. Каждая представляла разные декоры, но в том же стиле: мирные сцены придворной жизни, написанные с той поразительной технической мастерством, которая характеризовала императорские мастерские Цзиндэчжэня.

Вторая ваза показывала дам двора, любующихся карпами кои в бассейне. Третья изображала пикник в садовом павильоне. Четвертая — концерт под глициниями. Каждая ваза рассказывала свою историю.

Когда двенадцать ваз были выстроены на столе, они отступили, чтобы полюбоваться ансамблем.

— Необыкновенно, — заметил полковник. — Они гармонируют. Цвета, стили, пропорции. Они были задуманы как целое.

— Несомненно, особый заказ императора, мой полковник, — предположил Бессьер. — Для юбилея, возможно, или великой церемонии. Художник — или команда мастеров — должен был потратить два или три года на создание этой серии.

Фульд записал в своей записной книжке: «Серия из двенадцати ваз, период Цяньлун (датированы 1765 годом), высота 75-85 см, разнообразные декоры, представляющие сцены придворной жизни. Исключительное состояние. Рекомендация: сохранить серию полностью, не разделять предметы».

— Сколько ваз мы берем из этой серии, капитан? — спросил командир.

— Все двенадцать, мой командир. Нельзя их разделять. Это было бы как разделять страницы книги или части симфонии.

— Транспортировка будет сложной, — заметил Ламбер.

— Генерал сказал не беспокоиться о транспортировке, мой полковник. Наша роль — выбрать лучшие изделия. Остальное последует.

Полковник повернулся к следующей полке.

— Теперь эти изделия на средней полке. Саладоны.

Бессьер осторожно спустил вазу светящегося нефритово-зеленого цвета. Форма отличалась от первых ваз: простая, изящная, без какого-либо нарисованного орнамента. Шаровидная банка с выпуклыми стенками, покоящаяся на небольшой круглой ножке.

— Гораздо более древняя, мой полковник. Династия Сун, я бы сказал. Возможно, даже Северная Сун. XI или XII век.

— Семьсот лет назад? — воскликнул командир, беря вазу с новым благоговением.

— Глазурь гладкая. Ни малейшего кракле, ни малейшего дефекта. Этот цвет, называемый селадон, получается путем окисления железа, содержащегося в глазури, при восстановительном обжиге при более чем тысяче двухстах градусах. Сложная техника для освоения. Нужно контролировать с абсолютной точностью температуру печи, количество кислорода, время обжига.

— Как им удавалось в XI веке контролировать температуру с такой точностью?

— С опытом, передававшимся из поколения в поколение. Мастера-гончары Лунцюаня — именно там были изготовлены эти селадоны — знали свои печи как мы знаем свои собственные дома. Они знали, только по цвету пламени, была ли температура правильной. Только по потрескиванию огня, хорошо ли проходил обжиг. Почти магия. Или скорее, искусство, возведенное на уровень науки. Командир держал вазу перед окном, позволяя солнечному свету играть на поверхности.

— Этот цвет великолепен. Он меняется в зависимости от угла наблюдения. Иногда бледно-зеленый, почти белый. Иногда темно-зеленый, почти синий.

— Неравномерная толщина глазури. Там, где покрытие толще, цвет более насыщенный. Там, где оно тоньше, он светлеет. Эти вариации не являются дефектами. Напротив,

они составляют часть красоты предмета. Они придают жизнь поверхности.

— Он великолепен, — признал полковник. — Эта простота, эта чистота линий...

— Японский? — предложил капитан с улыбкой.

— Да! Именно. Эта четкость напоминает мне японские предметы, которые я видел в Лувре.

— Японцы всему научились у китайцев. Фарфор, живопись, каллиграфия, архитектура, сады, чай, дзен-буддизм. Все из Китая. Китайцы — учителя. Японцы — блестящие ученики, конечно, которые иногда превзошли своих учителей.

Командир считал селадоны на полке.

— Их пятнадцать? Шестнадцать?

— Восемнадцать, мой командир, — исправил капитан, сосчитав в свою очередь. — Разных форм. Банки, как эта, бутылки с длинным узким горлышком, расширяющиеся чаши. Все периода Сун или Юань.

— Мы берем их все, капитан?

— Да, мой командир. Все. Редчайшие изделия. Селадоны Сун стоят целое состояние на европейском рынке.

— Откуда вы все это знаете? — спросил командир с любопытством. — Вы знаете о китайском фарфоре больше, чем любой торговец искусством, которого я знаю.

Капитан скромно улыбнулся.

— Я провел три месяца в Париже перед экспедицией, мой командир. Как только я узнал, что мы отправляемся в Китай, я понял, что у нас будет возможность увидеть — и, возможно, приобрести — необыкновенные предметы. Я подготовился. Я посетил все музеи, изучил все каталоги продаж, расспросил всех экспертов. Я прочитал все книги, которые смог найти, о китайском искусстве.

— Вы предусмотрительный человек, капитан, — улыбнулся полковник.

— Или жадный, мой полковник. Все зависит от точки зрения.

— Продолжим, мой полковник. Нам еще осталось осмотреть сине-белые.

Сине-белые вазы занимали нижнюю часть полок. Когда Бессьер спустил первую, Фульд издал свист.

— Впечатляюще.

Большая грушевидная ваза — юхучуньпин в китайской терминологии — высотой почти метр. Горлышко, расширяющееся в форме трубы, увенчивало элегантное тело, которое изящно округлялось, прежде чем сузиться к основанию.

Но что захватывало дух, так это декор. На фоне ослепительно белого фарфора были написаны повествовательные сцены кобальтово-синим цветом магической интенсивности.

— История генерала Юэ Фэя, — заметил капитан, поворачивая вазу. — Национальный герой династии Сун. Вот мы видим его ребенком, изучающим классику со своей матерью. Здесь он поступает на службу к императору. Там он отправляется на войну против захватчиков-чжурчженей с севера. А здесь...

Он снова повернул вазу.

— Здесь мы видим, как его предал министр Цинь Хуэй, заключенного в тюрьму, казненного. Вся его жизнь рассказана на этой вазе.

Его два коллеги подошли, зачарованные. Каждая сцена была микроскопически точной. Персонажи были написаны с поразительным вниманием к деталям.

— Как можно рисовать с такой точностью? Кисти должны были быть тонкими.

— Твердая рука, мой командир. Дрожание, резкое движение, и все испорчено.

Полковник осматривал основание вазы.

— Здесь есть метка. Вы можете ее прочитать, капитан?

Бессьер наклонился.

— Императорская метка династии Юань. XIV век. Этой вазе шестьсот лет, господа.

— Шесть столетий, — прошептал командир. — И в идеальном состоянии.

— Это не чудо. Результат постоянной заботы, постоянного внимания. Китайцы знают, что эти предметы хрупки, незаменимы. Они их защищают. Они их лелеют.

Капитан посчитал сине-белые вазы на полках.

— Двадцать три сине-белые вазы. Все из разных периодов. Некоторые Юань, как эта. Другие Мин. Несколько Цин. Я предлагаю взять их все.

Бессьер просмотрел свои записи.

— Мой полковник, день близится к вечеру. Мы провели несколько часов на фарфоре. Мы отобрали пятьдесят три: двенадцать семейства розового, восемнадцать селадонов, двадцать три сине-белых. Нам еще осталось осмотреть перегородчатые эмали, нефриты, бронзу, текстиль, предметы для ученых, часы. Если мы продолжим в таком темпе, нам понадобится неделя. А у нас всего два дня.

— Что вы предлагаете, капитан?

— Мы должны ускориться, мой полковник. Делать более быстрый выбор. Мы не можем осматривать каждый предмет в течение часа. Нужно быть более прагматичными.

— Прагматичными, — повторил полковник. — Красивое слово для обозначения «поверхностного».

— Если у вас есть лучшая идея, мой полковник, я слушаю.

Полковник знал, что капитан был прав.

— Хорошо. Перейдем к перегородчатым эмалям. Они в тех витринах, там.

День близился к вечеру. Свет, входящий через высокие окна, начал приобретать тот золотистый оттенок, который предшествует сумеркам. Три человека заполнили несколько страниц записей.

Эмалированные чудеса

Низкие витрины, содержавшие перегородчатые эмали, были расставлены вдоль западной стены зала. Когда они подошли к ним, свет заходящего солнца ударил по предметам в упор, заставляя их сверкать.

— Похоже, они в огне, — заявил командир, прикрывая глаза.

— Эффект эмалей, — объяснил капитан. — Они отражают свет, как стекло. Нормально, поскольку эмали — это цветное стекло.

Он опустился на колени перед первой витриной, вытирая рукавом тонкий слой пыли, покрывавший стекло. Внутри была выстроена дюжина ваз, каждая более впечатляющая, чем предыдущая.

Полковник опустился на колени рядом с ним.

— Что такое перегородчатая эмаль? Я слышал об этом, но никогда не понимал технику.

Бессьер, казалось, был рад объяснить.

— Техника эмалирования по металлу. Очень сложная. Берут медное или бронзовое основание. К нему припаивают очень тонкие медные проволоки — иногда шириной едва миллиметр — следуя контурам рисунка. Эти проволоки образуют отделения, перегородки. Затем каждое отделение

заполняют эмалевым порошком разных цветов. Порошки из стекла, смешанные с металлическими оксидами. Синий получается из кобальта, зеленый из меди, желтый из железа, красный из золота.

— Из золота? — удивился Фульд.

— Из коллоидного золота, да. Это делает красный дорогим и трудным в получении. После того как отделения заполнены, предмет обжигают в печи при очень высокой температуре — около восьмисот градусов. Порошки плавятся и стеклуются. Но при охлаждении эмали сжимаются. Поэтому нужно добавлять эмаль и обжигать снова. Иногда три раза, четыре раза, пока отделения не будут заполнены. Затем полируют поверхность. И наконец, золотят медные проволоки и остальную часть металлического основания.

— Титанический труд.

— Работа, которая может занять годы для одного изделия. Большие перегородчатые вазы иногда занимают у мастера три или четыре года.

Бессьер открыл витрину и вынул первую вазу. Цилиндрическое изделие высотой около тридцати сантиметров, покрытое цветочным декором на бирюзовом фоне.

— Этот синий. То, что называют синим Цзинтай, по имени императора Цзинтай, правившего в середине XV века. Именно он сделал перегородчатую эмаль императорским искусством. До него это было незначительное ремесло. После него — важное искусство.

Фульд осторожно взял вазу. Она была тяжелее, чем казалась.

— Цвета такие живые, такие чистые. Кажется, что их нанесли вчера.

— Качество китайских эмалей. Они не тускнеют со временем. Перегородчатая эмаль возрастом четыреста лет имеет те же цвета, что и новая.

Ламбер внимательно изучал декор.

— Эти цветы... это лотосы?

— Лотосы и пионы, мой полковник. Символы чистоты и богатства. Цветочные мотивы очень распространены. Но тонкость работы... Каждый лепесток находится в отдельном отделении. И в каждом отделении эмаль имеет другой оттенок. Есть бледно-розовый, более насыщенный розовый, кремово-белый. Эти градации желательны, рассчитаны. Мастер тщательно выбирал, какую эмаль поместить в какое отделение, чтобы создать этот эффект глубины, рельефа.

— Живопись стеклом.

— Именно, мой командир.

Они провели следующие полчаса, осматривая коллекцию. Были вазы всех размеров, коробки, тарелки, курительницы. Один предмет особенно привлек их внимание: курительница в форме мандаринской утки высотой двадцать сантиметров.

— Великолепно, — воскликнул полковник, поднимая его.

— Каждое перо перегородчатое. Градации цветов... От оранжево-красного на голове до темно-коричневого на теле. А глаз... черный зрачок с белым световым бликом.

— Мастера работали с лупами. Для самых тонких деталей они даже использовали увеличительные лупы, установленные на опорах, как у часовщиков. Некоторые изделия требовали такого уровня концентрации, что мастер мог работать только два или три часа в день.

— Два или три часа в день, — повторил Фульд. — В течение четырех лет.

— Примерно три тысячи часов на один предмет.

Капитан вернул утку в витрину и выпрямился.

— Сколько мы берем, мой полковник?

— Трудно сказать. Должно быть шестьдесят предметов? Восемьдесят?

— По крайней мере восемьдесят, — подтвердил полковник после обхода витрин.

— Мы не можем взять их все. Они слишком тяжелые. Бронза весит. Если мы возьмем восемьдесят, это будут сотни килограммов только на перегородчатые эмали.

— Сколько, капитан?

Бессьер подумал, окидывая взглядом коллекцию.

— Сорок семь. Самые прекрасные изделия каждого периода. Цзинтай, Цяньлун, несколько более поздних изделий. И эта утка, конечно.

— Утка моя, — пошутил командир.

— Простите, мой командир?

— Я шучу. Но если однажды эти предметы будут выставлены на продажу, я оставляю за собой право купить эту утку.

— Если они будут выставлены на продажу, это будет через столетие, мой командир. Вы давно будете мертвы.

— Тогда мои внуки ее купят. Я упомяну о ней в своем завещании.

Несмотря на напряженную атмосферу, они улыбнулись.

Фульд записал в своей записной книжке: «Сорок семь перегородчатых эмалей. Главным образом периоды Цзинтай и Цяньлун. Вазы, коробки, курильницы, декоративные животные».

— Где мы сейчас, капитан?

Бессьер быстро подсчитал.

— Пятьдесят три фарфоровых изделия, сорок семь перегородчатых эмалей. Сто предметов. Нам нужно еще двести.

— Нефриты, — сказал полковник. — Мы еще не видели нефриты. А согласно тому, что я слышал, коллекция нефритов императора сказочна.

— Она в соседнем зале, мой полковник. Пойдемте.

Зал императорских нефритов

Они прошли через прихожую и вошли в меньшую комнату, обитую желтым шелком — императорским цветом. Освещение было приглушенным, почти мистическим. Шкафы из розового дерева со стеклянными дверцами, расставленные вдоль четырех стен, содержали, вероятно, самую прекрасную коллекцию нефритов во всем Китае.

Они остановились на пороге, пораженные тем, что обнаружили. Даже сквозь стекло витрин, даже в полумраке, нефриты, казалось, светились внутренним светом.

— Все эти изделия, — сказал Ламбер.

Были сотни предметов. Чаши, скульптуры, скипетры, украшения, ритуальные предметы. И в отличие от того, что они представляли, нефрит не всегда был зеленым. Он имел удивительную палитру цветов: молочно-белый, бледно-зеленый, темно-зеленый, серый, коричневый, оранжевый, даже лиловый.

— Я думал, что нефрит всегда зеленый, — удивился командир.

— Распространенное ложное представление, — ответил Бессьер. — Нефрит на самом деле обозначает два разных минерала: нефрит и жадеит. Нефрит, эксплуатируемый с неолита, предлагает гамму цветов от белого до темно-зеленого, проходя через кремовые, серые или коричневые оттенки. Жадеит, более редкий и более ценный,

обнаруженный в Бирме только в XVIII веке, имеет более яркие цвета: изумрудно-зеленый, лиловый, оранжевый, чисто белый.

Он подошел к первой витрине, вынул ключ из кармана — генерал Монтобан передал ему все ключи от дворца — и открыл стеклянную дверцу.

— Это изделие, господа.

Он вынул скульптуру, которая вызвала восклицания у двух других. Гора из белого нефрита высотой около пятидесяти сантиметров и шириной почти метр. Вырезанная из цельного блока полупрозрачного белого нефрита, она изображала пейзаж заснеженных пиков поразительного реализма.

Он положил ее на стол в центре комнаты, они собрались вокруг.

Скульптура была захватывающе сложной. Десятки скалистых пиков возвышались на разной высоте, создавая глубину, перспективу, бросающую вызов пониманию. Миниатюрные сосны цеплялись за крутые склоны. Вырезанные водопады, казалось, текли между скалами. Крошечные отшельники шли по крутым тропам, направляясь к павильонам, расположенным на вершинах скал. Стилизованные облака плыли между пиками, создавая атмосферу тайны и духовности.

— Как это возможно? — прошептал командир. — Как можно вырезать что-то столь сложное в таком твердом камне?

— Со временем. Много времени. Эта скульптура потребовала десяти лет работы. Возможно, пятнадцати. Возможно, двадцати.

— Двадцать лет! — воскликнул полковник. — Это немыслимо!

— Для нас да, мой полковник. Но для китайцев это нормально. Время имеет другую ценность здесь. Они не спешат. Они понимают, что некоторые вещи нельзя торопить.

Ламбер наклонился над скульптурой, осматривая детали с лупой.

— Отшельники. Видны их лица. Видны их одежды. Даже видны их посохи. Эти персонажи не превышают пяти миллиметров, и все же каждая деталь передана!

— Задняя сторона, — добавил капитан, переворачивая скульптуру.

На задней стороне очень тонкими иероглифами было выгравировано длинное стихотворение.

— Стихотворение Цяньлуна. Оно воспевает красоту священных гор, духовный поиск отшельников, безмятежность уединенной жизни вдали от волнений двора.

— Вы можете его прочесть, капитан?

— Несколько отрывков, мой полковник. Мой китайский ограничен. Но я понимаю его суть. Например, вот здесь написано что-то вроде: «В вечных горах дух обретает покой». Мой перевод приблизительный, но в этом общая идея.

— Холодно на ощупь. Но в то же время... в нем есть что-то живое. Вы чувствуете?

— То, что говорят китайцы. Они верят, что нефрит обладает ци. Для них это живой камень.

— Вы в это верите?

— Не совсем, мой командир. Подержите его несколько минут. Он нагревается, кажется, приспосабливается к температуре вашего тела. Тревожно. Почти пугающе.

Полковник взял скульптуру. Действительно, через несколько секунд она больше не казалась такой холодной.

— Странно, — признал он.

Они поставили нефритовую гору на стол и продолжили исследование.

Нефритовые чаши составляли впечатляющую категорию. Капитан вынул одну из селадонового нефрита. Она имела тридцать сантиметров в диаметре.

— Толщина стенок. Три миллиметра, может быть, меньше.

Он поставил чашу перед окном, куда еще входило немного сумеречного света. Свет прошел сквозь нефрит, раскрывая внутренние прожилки, оттенки цвета, которые не были видны при обычном освещении. Нефрит, казалось, загорался нереальным зеленым светом.

— Это магия.

— Искусство, мой командир, — исправил капитан. — Очень великое искусство. Чтобы вырезать чашу такой тонкости, нужны годы. Нельзя ошибиться. Один лишний удар, чрезмерное давление, и чаша разбивается. Вся работа потеряна.

— Сколько чаш разбивается в процессе?

— Много. На каждую чашу, которая достигает совершенства, десять или двадцать разбиваются в процессе работы. Эти предметы представляют не только работу, вложенную в само изделие, но и всю работу, потерянную в разбитых изделиях.

Ручки чаши были вырезаны в форме миниатюрных драконов. Каждый дракон длиной едва пять сантиметров показывал чешуйки, когти, усы. А тела драконов погружались внутрь, как будто они пили содержимое.

— Какое воображение. Вырезать драконов, которые пьют из чаши. Одновременно функционально и поэтично.

— Китайский гений. Они никогда не отделяют функцию от эстетики. Для них предмет должен быть одновременно красивым и полезным. Искусство и ремесло — одно целое. Затем они обнаружили знаменитые концентрические шары. Полковник вынул один из витрины.

Сфера из зеленого нефрита диаметром около десяти сантиметров. Но когда он повернул ее в руках, он обнаружил, что внутри были другие сферы, каждая из которых могла свободно вращаться.

— Сколько сфер?

Бессьер посчитал сквозь тонкие отверстия.

— Семь, мой полковник. Семь сфер, вложенных друг в друга.

— Как это возможно? Как можно вырезать сферы внутри шара, не разбив его?

— Никто точно не знает. Это секрет, ревностно охраняемый мастерами императорских мастерских. Считается, что они используют очень тонкие инструменты — крючки, миниатюрные резцы — вставленные через маленькие отверстия. Они работают вслепую, так сказать. Это требует ловкости, точности, терпения, превосходящих понимание.

— Сколько времени нужно, чтобы вырезать такую вещь?

— Три года, четыре года. Может быть, больше. И каждая сфера украшена разным узором. Их можно увидеть через отверстия. Первая сфера — самая внешняя — украшена драконами. Вторая — фениксами. Третья — цветами лотоса. Четвертая — облаками.

Фульд сел на табурет.

— Знаете, что меня поражает? Эти предметы даже не использовались. Они хранились здесь, в этих витринах, изредка ими восхищались. Все эти годы работы, весь этот

гений, для предметов, которые проводили свое существование запертыми в шкафах.

— Но именно в этом и была их функция, мой командир. Эти предметы не были предназначены для использования в практическом смысле. Они были предназначены для созерцания, восхищения, медитации. Для китайцев владеть красивым нефритом означало владеть кусочком вечности. Связью с предками, с прошлым, с будущими поколениями. Они работали быстро, открывая витрину за витриной, осматривая, сравнивая, записывая. Ритуальные предметы их заворачивали. Диски би, символы неба, датированные неолитом. Трубки цун, символы земли, возрастом несколько тысячелетий. Таблички гуй для императорских церемоний. Скипетры жуи из нефритов разных цветов.

Были также более личные предметы. Пряжки для поясов, подвески, пуговицы мандаринов, кольца. Пряжка из белого нефрита, окаймленная золотом, привлекла их внимание. Нефрит был выправирован сценой охоты, где конные лучники преследовали оленей в сосновом лесу. Золото оправы было вычеканено мотивами летучих мышей — символа счастья по-китайски.

— Возьмем эту, — решил Ламбер. — Она изысканна.

Через час они отобрали шестьдесят семь нефритовых предметов. Вырезанные горы, чаши, концентрические шары, ритуальные предметы, украшения. Каждый — уникальный, незаменимый шедевр.

Капитан записал все в своей записной книжке, затем подсчитал:

— Пятьдесят три фарфоровых изделия, сорок семь перегородчатых эмалей, шестьдесят семь нефритов. Сто шестьдесят семь предметов. Нам еще нужно сто тридцать три.

Наступила ночь. В окна было видно, как во всем дворце зажигаются фонари. Солдаты продолжали свой ночной грабеж. Смех, песни поднимались в темноту.

— Слишком поздно продолжать сегодня вечером, — заявил полковник. — Мы больше ничего не видим.

— Вы правы, мой полковник. Вернемся в наши квартиры. Возобновим завтра на рассвете. Нас ждет долгий день.

Они закрыли витрины, погасили фонари, которые зажгли, и покинули зал нефритов. В коридоре они встретили группу зуавов, транспортировавших ящики, наполненные украденными предметами. Один из них носил желтую шелковую одежду поверх мундира. Другой надел шапку мандарина и смешал своих товарищей гримасами.

— Они наряжаются в императорские одежды, — проворчал Ламбер с отвращением. — Непристойно.

— Это война. На войне все позволено.

— Все? Действительно все? Нет никаких пределов?

— Видимо, нет.

Они молча шли до своих квартир, каждый погружен в свои мысли. Этот первый день инвентаризации их истощил — физически, конечно, но особенно морально. Они созерцали чудеса, касались шедевров, манипулировали предметами неоценимой красоты и ценности. И в то же время осознавали масштаб того, что делали.

В ту ночь никто из троих не спал хорошо. Они лежали без сна в своих походных кроватях, слушая звуки грабежа, который продолжался во дворце, думая о всех этих предметах, которые исчезнут, сгорят, будут уничтожены навсегда.

А ранним утром, когда горн прозвучал подъемом, они встали с одной мыслью: у них остался один день. Нужно было работать быстро. Спасти, что можно. Сохранить хотя

бы некоторые из этих сокровищ, прежде чем все пойдет в огонь.

Древние бронзовые изделия

8 октября, в пять часов утра, три комиссара встретились перед залом бронзовых изделий. У капитана были усталые черты, мешки под глазами. Командир ходил скованно, со спиной, полной боли. Только полковник казался в форме, хотя его взгляд выдавал глубокую меланхолию.

— Господа, — начал Ламбер, доставая свою связку ключей, — сегодня наш последний полный день. Нам осталось составить опись бронзовых изделий, текстиля, предметов для ученых и часов. Мы должны быть эффективными.

Зал бронзовых изделий находился в отдельном крыле дворца, в здании более старом, чем другие. Архитектура была более простой, более строгой. Стены были из голого камня, без роскошных украшений, которые встречались в других местах. Простой футляр, не отвлекавший внимание.

Когда они вошли в зал, их поразила атмосфера места. Утренний свет входил через высокие узкие окна, проецируя золотистые лучи на предметы, расставленные на пьедесталах из черного лакированного дерева.

Бронзовые изделия были внушительных размеров. Некоторые треножные котлы достигали более метра в высоту. Их поверхность, покрытая сине-зеленой патиной, свидетельствовавшей об их почтенном возрасте, была вырезана архаическими мотивами завораживающей странности.

Полковник подошел к первому предмету, большому дин — ритуальному треножному котлу династии Шан.

— Этому должно быть три тысячи лет. Может быть, даже три тысячи пятисот.

Бронза была массивной, весившей, вероятно, более ста килограммов. Три ножки в форме стилизованных звериных лап глубоко входили в пьедестал.

— Три тысячи пятьсот лет, — прошептал командир. — Этот предмет уже существовал, когда Моисей вывел евреев из Египта.

— Он существовал раньше, мой командир, — поправил капитан. — Династия Шан начинается около 1600 года до нашей эры. Этот предмет был уже древним, когда пала Троя. Когда был основан Рим, ему уже было тысяча лет.

Полковник коснулся вырезанных мотивов. Они изображали маски фантастических существ с выпуклыми глазами, острыми зубами, загнутыми рогами.

— Что это такое, капитан? Демоны?

— Их называют таоте. Маски демонов или божеств. Никто точно не знает, что они представляют. Археологи все еще спорят. Некоторые думают, что это защитные божества, призываемые во время церемоний жертвоприношений предкам. Другие думают, что это злые духи, с которыми предки должны были сражаться в загробной жизни. Третьи считают, что это символические представления царской власти.

— Они путающие. Эти глаза, эти зубы... Кажется, что они собираются нас сожрать.

— Может быть, такова была цель. Пугать, впечатлять, проявлять силу. Эти бронзовые изделия использовались на великих церемониях. Представьте: десятки котлов, таких как этот, выстроенных в храме предков, освещенных факелами. Пар, поднимающийся от жертвоприношений, которые в них готовились. Жрецы в ритуальных одеждах, поющие заклинания.

Командир обошел котел, осматривая его со всех сторон.

— Как они могли плавить бронзу в то время? И создавать изделия такого размера?

— С помощью сложной техники. Они использовали многочастные формы. Сначала они вырезали модель из глины со всеми деталями. Затем создавали формы вокруг этой модели. Они заливали расплавленную бронзу, сплав меди и олова. После охлаждения они разбивали формы, чтобы извлечь бронзу.

— А температура?

— Около тысячи двухсот градусов. С печами того времени это был подвиг. Они должны были использовать высококачественный древесный уголь, мощные меха для раздувания пламени. И они должны были контролировать температуру с строгой точностью.

Полковник опустился на колени, чтобы осмотреть внутреннюю часть котла.

— Здесь есть надписи. Внутри.

Капитан наклонился. Действительно, вырезанные внутри, архаические иероглифы образовывали несколько столбцов текста.

— Древнекитайский. Очень древний. Я не могу его прочесть. Эти иероглифы отличаются от современного письма. Но обычно эти надписи указывают, для кого была отлита бронза. Имя короля, дворянина, важного предка. И они часто описывают случай.

— Как книги по истории, — заметил командир. — Эти бронзовые изделия рассказывают историю древнего Китая.

— Именно. Для китайских историков эти бронзовые изделия — незаменимые документы. Они содержат информацию, которую больше нигде не найти.

— И все же мы собираемся взять некоторые из них, — горько сказал полковник.

— Да, мой полковник. Но по крайней мере мы их сохраним. Они будут изучены, восхищать ими будут, их сохраняют в музеях. Лучше, чем оставить их здесь, чтобы солдаты переплавили их в пушечные ядра.

Они продолжили осмотр. Коллекция включала десятки изделий: дин разных размеров, гуй, и, цзунь, ю.

Ваза ю привлекла их внимание. Она имела сорок сантиметров в высоту и представляла элегантную форму: овоидное тело, увенчанное выпуклой крышкой, все покоящееся на круглой ножке. Ручка была вырезана в форме дракона, тело которого обвивалось от крышки до ножки вазы.

— Этот дракон, — восхитился командир. — Каждая чешуйка вычеканена. А глаза — они инкрустированы золотом.

— Золотом? — удивился полковник.

— Да, мой полковник. Техника, называемая инкрустацией золотом. Просверливают маленькие отверстия в бронзе, вставляют золотые проволоки, бьют их, чтобы они закрепились. Зарезервировано для самых ценных изделий.

Ламбер осматривал крышку.

— На крышке есть животное. Тигр, похоже.

— Да, мой полковник, лежащий тигр. Защитное животное. Крышки этих ваз часто украшались животными — тиграми, слонами, мифическими птицами. Каждое животное имело символическое значение.

Фульда, обошедший зал, вернулся к ним.

— Здесь должно быть около пятидесяти бронзовых изделий, мой полковник. Мы не можем взять их все. Они слишком тяжелые.

— Нет, действительно, командир. Я предлагаю взять двадцать три. Самые прекрасные, самые древние, лучше

всего сохранившиеся. Число, которое хорошо представляет разнообразие этой коллекции, не будучи невозможным для транспортировки.

Они провели следующие два часа, выбирая изделия. Трудная работа. Каждое бронзовое изделие имело свои достоинства.

— Это или то? — спрашивал командир, указывая на два дин похожих размеров.

— Это, — решал полковник после тщательного осмотра. — Надписи длиннее, подробнее.

— А этот гуй? Мы его берем?

— Да. Пatina великолепна. Этот нефритовый зеленый. Он, должно быть, был похоронен веками, прежде чем его выкопали. Окисление меди от контакта с влагой почвы создало этот цвет.

Постепенно их список удлинялся. К десяти часам утра они отобрали двадцать три бронзовых изделия, от династии Шан до Хань. Конденсированная версия полутора тысяч лет китайской истории.

Полковник записал итоги в своей собственной записной книжке:

— Пятьдесят три фарфоровых изделия. Сорок семь перегородчатых эмалей. Шестьдесят семь нефритов. Двадцать три бронзовых изделия. Итого: сто девяносто предметов. Нам еще нужно сто десять.

— Текстиль дальше, — предложил командир. — Императорские одежды. Генерал будет доволен иметь несколько, чтобы подарить императрице Евгении.

— Хорошая идея. Зал Десяти Тысяч Красавиц. Пойдемте.

Зал текстиля

Они пересекли несколько внутренних дворов, проходя мимо бассейнов, где все еще плавали цветущие лотосы — не подозревая о хаосе, царящем вокруг них. Солдаты встречались им, транспортируя украденные предметы. Один из них нес вазу Мин под каждой рукой. Другой обернул шелковый свиток вокруг талии как пояс. Третий сделал себе тюрбан из вышитого знамени.

— Жалкое зрелище, — прошептал полковник. — Они даже не осознают ценности того, что крадут.

— По крайней мере, они это не разрушают, мой полковник.

Зал Десяти Тысяч Красавиц был длинной галереей, которую евнухи использовали для хранения императорского текстиля. Стены были покрыты шкапами из сандалового дерева, запах которого наполнял комнату дурманящим ароматом.

Многие шкафы уже были взломаны. Ткани валялись на полу, растоптанные солдатами. Одежды были порваны, вероятно, людьми, которые хотели отрезать куски, чтобы сделать из них платки или шарфы.

Десятки одежд усеивали пол. Некоторые были изрублены ножом. Другие несли следы грязных сапог. Императорская желтая шелковая одежда — на которую, должно быть, ушло два года работы — была разорвана надвое.

Командир наклонился, поднял фрагмент вышитого шелка. Ткань очень тонкого качества была украшена золотым драконом, вышитым золотыми и серебряными нитями. Но она была растоптана, загрязнена, испорчена.

— Катастрофа. Настоящая катастрофа.

— Давайте обыщем шкафы, которые еще не были открыты, — приказал полковник. — Их осталось несколько в конце галереи. Возможно, мы найдем неповрежденные изделия.

Они направились в конец зала, где ждала дюжина закрытых и нетронутых шкафов. Полковник достал связку ключей, нащел нужный, открыл первый шкаф.

Внутри, завернутые в рисовую бумагу, тонкую, как паутина, покоились идеально сохранившиеся императорские придворные одежды.

Бессьер вынул первую одежду с бесконечными предосторожностями. Ткань была из дикого шелка исключительного качества, ослепительного императорского желтого цвета, который, казалось, светился изнутри. Спереди и сзади, вышитые золотыми, серебряными и многоцветными шелковыми нитями, появлялись двенадцать императорских символов: солнце, луна, звезды, горы, драконы, фазаны, ритуальные вазы, водные водоросли, пламя, рисовые зерна, топор, символ фу для счастья.

— Эта вышивальная работа, — сказал командир. — Каждая чешуйка дракона вышита. Видны рельефы, тени, светотени. Как трехмерная живопись.

Полковник подошел, зачарованный вопреки себе.

— Сколько времени нужно, чтобы вышить такую одежду, капитан?

— Минимум два года, мой полковник. Вышивальщицы дворца посвящали этому всю свою жизнь. Они начинали свое обучение в возрасте семи или восьми лет. К пятнадцати годам они были способны вышивать простые изделия. К двадцати пяти годам им доверяли императорские одежды. Некоторые из них проводили всю свою жизнь, вышивая, пока их глаза не могли больше выдерживать усилия.

— Всю свою жизнь. Чтобы одеть императора, который наденет эту одежду только один раз, на великой церемонии.

— Это была их честь. Для этих вышивальщиц участие в создании императорской одежды было кульминацией всей

жизни работы. Их способ служить империи, участвовать в величии династии.

Они открыли другие шкафы. Каждый содержал чудеса. Одежды драконов с пятью когтями, зарезервированные для императора. Одежды драконов с четырьмя когтями для принцев крови. Безрукавные накидки, вышитые благоприятными иероглифами. Процесссионные знамена длиной в несколько метров, где вышитые рельефные драконы, казалось, летали в золотых облаках.

Один предмет особенно их заворожил: ширма из двенадцати панелей, каждая высотой два метра и шириной пятьдесят сантиметров. Каждая панель была из шелка, натянутого на раму из розового дерева, и на каждой панели была нарисована — да, нарисована, не вышита — сцена Четырех Сезонов.

Весна показывала цветущие цветы сливы. Лето — распустившиеся лотосы на пруду. Осень — хризантемы под луной. Зима — ветви сосны, сгибающиеся под снегом.

— Нарисовано прямо на шелке, — восхитился капитан. — Тонкость мазков кистью... Похоже на работу Шэнь Чжоу или Тан Иня. Мастера периода Мин.

— Вы думаете, что это работа знаменитого художника, капитан?

— Возможно, мой командир. Или придворного художника, чье имя не было сохранено. В Китае многие произведения анонимны. Художники не всегда подписывали свои творения. Они считали, что произведение важнее его создателя.

Полковник осматривал обратную сторону ширмы.

— Здесь что-то написано. Стихи, похоже.

Действительно, на обратной стороне каждой панели стихотворение было написано элегантными иероглифами.

— Стихи о сезонах. Сочиненные самим императором, без сомнения.

Они провели следующий час, выбирая текстиль. Тридцать изделий всего: десять императорских одежд, пять вышитых накидок, десять процессионных знамен и пять расписных шелковых ширм, включая ту, что с Четырьмя Сезонами.

— Сто девяносто плюс тридцать, — подсчитал полковник.

— Двести двадцать. Нам еще не хватает восьмидесяти предметов.

— Предметы для ученых и часы. У нас есть день, чтобы их осмотреть.

— Давайте сначала пообедаем, — предложил командир. — Я умираю от голода. И нам нужен отдых.

Они вернулись в свои квартиры, где реквизированный китайский повар приготовил простую еду: рис, обжаренные овощи, жареную рыбу. Они ели молча, слишком уставшие, чтобы говорить.

Но в голове каждого крутились одни и те же мысли. Скоро все это сгорит. Дворец, сады, павильоны, храмы. Все будет превращено в пепел. А они спасут только триста предметов. Триста предметов из десятков тысяч.

Предметы для ученых и часы

Вечер 8 октября был посвящен последним произведениям для инвентаризации. Зал предметов для ученых был небольшой комнатой, но каждый квадратный сантиметр был занят сокровищами.

Три комиссара вошли в зал с некоторой усталостью. Два дня интенсивной инвентаризации их истощили. Но нужно было продолжать. Время поджимало.

— Эти полки содержат все, что китайский ученый использует для занятий искусствами: каллиграфией,

живописью, поэзией, — объяснил капитан. — Китайцы называют это «Четырьмя Сокровищами Ученого»: кисть, чернила, бумага и камень для чернил.

Он поднял камень для чернил, вырезанный из блока фиолетовой породы с золотистыми прожилками.

— Это камень Дуань. Он происходит из знаменитого карьера в провинции Гуандун. Эти естественные отметины в породе. Их называют «каменными глазами». Чем больше глаз у камня, тем он ценнее. У этого восемь. Редчайший.

— Для чего служит камень для чернил, капитан? — спросил полковник.

— На нем растирают палочку чернил с небольшим количеством воды. Трение палочки о камень производит жидкие чернила высшего качества. И каллиграф может точно контролировать разбавление, толщину, интенсивность черного. Существенно для получения желаемых нюансов.

Он показал им каллиграфические кисти, хранившиеся в футлярах из лакированного бамбука. Некоторые были очень древними, их бамбуковые ручки покрыты патиной от столетий использования.

— Эта кисть якобы принадлежала каллиграфу Ван Сичжи. Династия Цзинь. IV век нашей эры.

— Шестнадцать веков? — воскликнул командир.

— Так утверждает этикетка. Вероятно, преувеличение. Китайцы любят приписывать предметы знаменитым личностям. Но эта кисть определенно очень древняя. Волоски происходят из хвостов маньчжурских ласок. Лучшие кисти в мире. И несмотря на столетия, они все еще гибкие, эластичные.

Ламбер осматривал коллекцию печатей — маленьких каменных блоков, вырезанных для подписи документов и произведений искусства.

— Их сотни. Все разные. Эта из белого нефрита. А та из красного сердолика. А эта другая из резного слона.

— Печати очень важны в китайской культуре, мой полковник. Ученый часто владеет десятками разных печатей. Некоторые несут его имя, другие его титулы, третьи философские девизы или стихи. Выбирают, какую печать поставить, в зависимости от случая, настроения, послания, которое хотят передать.

Командир обнаружил коллекцию подставок для кистей из фарфора, нефрита и бронзы. Некоторые имели форму миниатюрных гор. Другие изображали животных — драконов, львов, небесных собак.

— Даже самые утилитарные предметы — произведения искусства. Эта подставка для кистей в форме горы. Она вырезана из цельного блока зеленого нефрита. Сосны, водопады, павильоны... полноценная скульптура.

— Для китайцев нет разделения между искусством и ремеслом, — повторил капитан. — Утилитарный предмет должен быть красивым. А красивый предмет должен быть полезным.

Они отобрали сорок пять предметов для ученых. Камни для чернил, кисти, подставки для кистей, печати, коробки для чернил, каллиграфические свитки. Каждое изделие было концентрацией китайской ученой эстетики.

— Двести двадцать плюс сорок пять, — подсчитал полковник. — Двести шестьдесят пять. Нам еще не хватает тридцати пяти предметов. Часы позволят нам завершить.

Западные апартаменты дворца, построенные иезуитами в XVIII веке, содержали коллекцию часов и автоматов императора Цяньлуна. Эти изделия, импортированные из Европы по огромной цене, представляли вершину западного часового дела и механики.

Когда три комиссара вошли в зал, они резко остановились, ослепленные.

Комната напоминала фантастическую часовую мастерскую. Десятки часов всех размеров были расставлены на столах, полках, консолях. Некоторые были высотой едва двадцать сантиметров. Другие, монументальные, возвышались почти на три метра.

Но это были не просто часы. Автоматы, механические чудеса, сочетавшие часовое дело со скульптурой, живописью, музыкой, анимацией.

Самым впечатляющим были часы-автомат высотой почти два метра, созданные лондонским часовщиком Джеймсом Коксом.

Корпус из золоченой и эмалированной бронзы изображал китайский павильон в несколько этажей. На первом этаже, видимые через стеклянные окна, находились миниатюрные персонажи: император, сидящий на троне, мандарины, стоящие рядом с ним, музыканты со своими инструментами, танцовщицы, застывшие в движении.

— Это еще работает, капитан?

— Попробуем, мой полковник.

Капитан нашел механизм завода, обнаружил ключ, прикрепленный к задней части корпуса, вставил его в предназначенное отверстие и начал поворачивать. Пружины натянулись. Слышался щелчок зубчатых колес, становящихся на место.

Затем внезапно часы ож.

Хрустальная мелодия поднялась из карильона из двадцати четырех колоколов. Двери павильона открылись. Император встал со своего трона и поклонился три раза. Мандарины поклонились в свою очередь. Музыканты начали играть — или скорее имитировать игру на своих

инструментах, потому что музыка шла от карильона. Танцовщицы начали грациозно вращаться.

В течение двух минут маленький механический театр оживал на их глазах. Затем постепенно движения замедлились. Персонажи вернулись в свои исходные позиции. Двери закрылись. Воцарилась тишина.

— Живые, — прошептал полковник. — У меня было впечатление, что они живые.

— Механический гений. Джеймс Кокс был одним из величайших часовщиков своего времени. Его автоматы стоят состояния. Этот, должно быть, стоил эквивалент десяти лет зарплаты английского рабочего. Может быть, больше.

Командир осматривал механизм через отверстие сзади.

— Там внутри сотни зубчатых колес. Как можно задумать такую сложную механику?

— С гением и терпением. Эти часовщики проводили годы, разрабатывая и изготавливая свои автоматы. Каждая деталь была сделана вручную, отрегулирована с крайней точностью. Роскошное ремесло, зарезервированное для королей и императоров.

Они обнаружили другие великолепные вещи. Часы в форме слона, который поднимал хобот каждый час и трубил — удивительно реалистичный звук, производимый пневматическим механизмом, скрытым в теле. Павлин, чей хвост раскрывался, раскрывая на каждом пере отдельный циферблат, показывающий время в разных столицах мира: Лондон, Париж, Рим, Константинополь, Пекин.

Часы, изображающие сад, где механические птицы пели, где серебряный водопад, казалось, тек, где солнце и луна восходили и заходили в зависимости от времени суток.

— Возьмем их все, — решил полковник. — Двенадцать часов и автоматов. Уникальные, незаменимые изделия. В европейских музеях нет ничего сравнимого.

— Двенадцать, — повторил командир, записывая. — Это сколько всего теперь у нас?

— Двести шестьдесят пять плюс двенадцать... двести семьдесят семь. Мы близки к трем сотням.

— Зодиакальные головы, — напомнил капитан. — Генерал хотел, чтобы мы добавили их в список. Двенадцать бронзовых голов фонтана Хайянь Тан. Это будет двести восемьдесят девять.

— Отлично. С несколькими дополнительными предметами мы достигнем трех сотен завтра утром. Пойдем к генералу, чтобы сделать наш отчет.

Решение о пожаре

Вечером 8 октября они явились в штаб-квартиру генерала де Монтобана. Они нашли генерала в большой беседе с несколькими высшими офицерами и, к их удивлению, с самим лордом Элгином, главнокомандующим британских сил.

— А, господа комиссары, — воскликнул Монтобан, увидев их входящими. — Подойдите. Лорд Элгин хотел вас встретить.

Лорд Элгин повернулся к ним.

— Господа, — сказал он по-французски с легким английским акцентом, — генерал де Монтобан сказал мне, что вы провели замечательную инвентаризацию сокровищ Юаньминъюань. Я хотел лично вас поблагодарить. Ваша работа позволит сохранить хотя бы часть этого наследия.

— Мы только выполнили свой долг, милорд, — ответил полковник Ламбер.

— Трудный долг, я полагаю. Я сам посетил дворец вчера. Архитектурная и художественная сказка. Когда я думаю о том, что мы собираемся сделать...

Он оставил свою фразу незаконченной, но все поняли. Пожар. Разрушение. Уничтожение.

Монтобан вмешался:

— Лорд Элгин подтвердил, что пожар состоится 18 октября. Нам нужно время, чтобы немного отдышаться. Люди неуправляемы, поглощены жадной грабежа. Если мы их обуздаем, мы рискуем мятежом и даже восстанием против высших приказов. Через несколько дней напряжение спадет, и мы сможем взять ситуацию под контроль. Господа, это дает вам девять дней, чтобы завершить вашу опись и контролировать упаковку отобранных предметов.

— Хорошо, мой генерал.

Лорд Элгин снова заговорил, голосом, полным эмоций:

— Я хочу, чтобы вы знали, господа, что это решение не радует меня. Я бы предпочел другую форму возмездия. Но китайский император должен понять, что пытки и казни наших пленников не могут остаться безнаказанными. Юаньминъюань — символ его власти. Уничтожая его, мы посылаем ясное послание: никакое варварство не будет терпимо.

Командир Фульд не смог сдержаться:

— При всем уважении, которое я вам должен, милорд, разрушать шедевр, чтобы наказать за варварство... не является ли это тоже варварством?

Офицеры, присутствовавшие, смотрели на командира с широко открытыми глазами. Как он осмелился так говорить с лордом Элгином?

Но британец, к всеобщему удивлению, не рассердился. Напротив, он медленно кивнул.

— Вы правы, командир. Варварство. Варварство рассчитанное, обдуманное, но все же варварство. Но война, сударь, по природе варварская. Мы пытаемся ее цивилизовать правилами, конвенциями, договорами. В сущности, война остается столкновением насилия. И иногда, чтобы положить конец насилию, нужно применить насилие.

— Я не уверен, что следую этой логике, милорд.

— Я не прошу вас следовать ей, командир. Я прошу вас подчиняться. Вы солдат. Солдаты подчиняются.

Фульд стиснул зубы.

Лорд Элгин повернулся к Монтобану.

— Генерал, убедитесь, что эти три офицера получают вознаграждение за свою работу. Они выполнили трудную миссию профессионально.

— Так и будет, милорд.

— Хорошо. Теперь, господа, если вы нас извините, у нас есть планы для завершения.

Три комиссара отдали честь и вышли. Оказавшись снаружи, в прохладной октябрьской ночи, командир взорвался:

— Рассчитанное варварство! Вы это слышали? Он сам признает, что это варварство! И он все равно это делает!

— Успокойтесь, — вмешался полковник. — Вам повезло, что он не приказал вас арестовать за неповиновение.

— Арестовать меня? За то, что я сказал правду?

— Правда не имеет места в армии. Вы должны были это знать к настоящему времени.

Они вернулись в свои квартиры молча.

Следующие дни, с 9 по 16 октября, были посвящены тщательной организации эвакуации отобранных сокровищ. Три комиссара контролировали упаковку самых хрупких предметов, координировали с генеральным штабом методы

транспортировки в Тяньцзинь и составляли подробные списки для отслеживания ящиков. Тем временем общий грабеж продолжался во всем дворце. Солдаты продолжали разорять павильоны, унося все, что имело ценность, уничтожая то, что не могли транспортировать.

Монтобан и лорд Элгин завершали свои планы окончательного разрушения Юаньминъюаня. Решение было принято: дворец должен гореть. Это будет наказание, наложенное на императора за плохое обращение с западными пленниками.

Последний день

17 октября они провели день, обеспечивая транспортировку трехсот отобранных предметов.

Кропотливая работа, требовавшая постоянного внимания. Несколько раз полковник должен был вмешиваться, когда солдат обращался с изделием слишком грубо.

— Осторожно! — кричал он. — Этой вазе восемьсот лет! Если вы ее сломаете, вы уничтожите восемь веков истории!

К концу дня все ящики были готовы. Они были загружены на телеги, которые повезут их до порта Тяньцзинь, затем на корабли, которые вернут их в Европу.

Вечером, изнуренные, они встретились в последний раз в тронном зале, теперь уже пустом. Полки были разграблены. Витрины разбиты. Пол был усеян обломками.

— Триста предметов спасено, — прошептал полковник. — Из скольких? Сто тысяч? Двести тысяч?

— Мы никогда не узнаем. Но да, мы спасли только ничтожную часть. Остальное...

— Остальное сгорит завтра.

Они стояли молча, созерцая этот зал, который скоро будет превращен в пепел.

— Знаете, что меня больше всего огорчает? — сказал командир. — Это не предметы, которые мы не взяли. Это те, которые мы никогда не узнаем. Все чудеса, которые находятся в частях дворца, которые мы не исследовали. Все шедевры, о существовании которых мы даже не знаем. Все сгорит. Все исчезнет. И никто никогда не узнает, что было потеряно.

— История узнает. Историки напишут о разграблении Юаньминъюаня. Они скажут, что это было одно из величайших культурных преступлений, когда-либо совершенных. А мы будем представлены как виновные.

— Мы виновны. Не будем пытаться спрятаться за приказами или военной необходимостью. Мы соучастники этого преступления.

— Я знаю, — признал полковник. — Я знаю.

Они покинули дворец с наступлением темноты. Позади них здания возвышались в темноте, величественные и обреченные. Завтра все это будет лишь пеплом и руинами.

Пожар, 18 октября 1860 года

18 октября в десять часов утра были зажжены первые языки пламени. Британские солдаты по приказу лорда Элгина начали поджигать здания.

Три офицера, как и все французские и британские офицеры, были вынуждены присутствовать на этом зрелище. Они стояли на соседнем холме, откуда открывался полный вид на дворец.

Первыми загорелись павильоны из кедрового дерева. Сухое дерево, возрастом несколько столетий, загорелось немедленно. За несколько минут языки пламени высотой двадцать метров поднялись к небу.

— Как быстро оно горит, — прошептал командир.

Огонь распространялся от здания к зданию, подхваченный ветром. Крыши из глазурованной черепицы взрывались от жары, разбрасывая цветные фрагменты во всех направлениях. Лакированные деревянные колонны сгорали, рушились. Скульптуры драконов и фениксов исчезали в пламени.

Дым поднимался черными и густыми столбами, затемняя небо. Запах горелого дерева наполнял воздух, удушающий.

Командир сел на землю, обхватив голову руками.

— Мы нечеловечны. Мы разрушаем то, что не можем понять. То, чему не можем сравниться. Мы сжигаем красоту, потому что она заставляет нас стыдиться.

Полковник, стоявший рядом с ним, ничего не говорил. Но его кулаки были сжаты так сильно, что ногти впивались в ладони, вызывая кровь.

Капитан смотрел неподвижно на пожар, как загнипнотизированный. Его лицо было бесстрастным, но глаза блестели странным светом — может быть, это были отражения пламени, может быть, это были слезы, которые он отказывался проливать.

ГЛАВА 3 - БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Ночь с 17 на 18 октября 1860 года, Летний дворец, полночь

Ань Дэхаю было пятьдесят три года. Он посвятил сорок один год своей жизни службе во дворце с того дня, когда в возрасте двенадцати лет его семья продала его для кастрации и включения в ряды императорских евнухов.

Боль, он все еще помнил ее. Не физическую боль — ту, к счастью, память стерла, оставив лишь призрачный след, как ампутированная конечность, которая продолжает причинять страдания долгое время после исчезновения. Но боль унижения оставалась нетронутой, кристаллизованной в его разуме, как насекомое, заключенное в янтарь. Он видел лицо своей матери, отводившей взгляд, когда его уводили. Своего отца, считавшего серебряные монеты. Двух своих старших братьев, не способных смотреть на него. И старика с ножом, с его мозолистыми руками и запахом имбиря и рисовой водки, который прошептал ему: «Не кричи. Евнухи никогда не кричат. Это первый урок».

Он не кричал. Не в тот день. Не в последующие дни, когда лихорадка чуть не унесла его. Не во время долгих недель выздоровления, запертый в темной комнате, пахнущей лекарственными травами и болезнью. Он научился глотать свою боль, превращать ее во что-то другое — в решимость, в перфекционизм, в чувство долга настолько абсолютное, что оно становилось почти священным.

«Служить Императору — это честь», — говорили ему. «Шанс избежать нищеты».

И в течение четырех десятилетий он верил в эту честь. Он поднимался по ступеням, сначала учась подавать чай, не заставляя дрожать фарфор, затем ходить, не шурша шелком, затем слушать, не слыша, видеть, не глядя, становиться

невидимым, оставаясь незаменимым. В двадцать лет он уже присутствовал на императорских аудиенциях, стоя в тени, держа документы, которые могли понадобиться Императору. В тридцать ему доверяли деликатные миссии — передавать секретные послания, наблюдать за дискретными сделками. В сорок он стал ответственным за инвентарь императорских коллекций.

Каждую вазу, каждый нефрит, каждый свиток каллиграфии в Летнем дворце он знал наизусть. Он мог по памяти перечислить происхождение тысяч предметов, их историю, их значение. Он помнил день, когда император Даогуан приобрел лаковую ширму, инкрустированную перламутром, шедевр династии Сун. Он провел три дня, изучая ее, отмечая каждую деталь — мотивы журавлей, стилизованные горы, почти невидимую подпись мастера в углу. Эта ширма рассказывала о восьми веках истории. Она принадлежала императору Сун, пережила монгольское нашествие, спрятанная в монастыре, была вновь обнаружена при Мин, отреставрирована при Цин.

Все это должно было исчезнуть.

Эта мысль накатывала волнами, как нарастающая тошнота, которую он не мог подавить. Сорок один год его жизни. Восемь веков истории. Целые династии, кристаллизованные в предметах, которые должны были быть украдены, разбиты, сожжены людьми, которые даже не знали их названий.

Он покинул свою узкую циновку и поправил свой синий шелковый халат, который носил уже десять лет и который тщательно чинил множество раз. Ткань была изношена, но чиста, штопки почти невидимы — вопрос гордости, даже сейчас, даже на краю пропасти. Его жилище было скромным: комната восемь квадратных метров, каждую трещину на потолке которой он знал, каждую бороздку в деревянных досках. Низкий столик, за которым он принимал свои одинокие трапезы. Сундук, содержащий его

немногие пожитки: три запасных халата, набор для каллиграфии, книгу стихов Тан, которую подарил ему его первый наставник, и письмо от матери, которое он так и не нашел смелости открыть. Ничего роскошного, несмотря на его относительно высокое положение среди евнухов.

Он вышел в коридор. Темнота была почти полной. Его глаза, привыкшие к полумраку дворца, едва различали контуры стен. Обычно вдоль проходов всю ночь горели фонари, их мерцающий свет создавал танцующие тени на панелях из лакированного дерева. Но этим вечером большинство были погашены. Экономия масла, утверждали управляющие. На самом деле все знали, что слуги убегали, унося с собой все, что могли, включая фонари.

Тишина была гнетущей. Ань Дэхай прислушивался, ища знакомые звуки, которые обычно ритмически сопровождали ночи во дворце: шелест шелковых одежд, когда ночные стражи совершали обход, далекий плеск воды в бассейнах, скрип древнего дерева, сжимающегося от ночного холода, иногда крик павлина в садах. Но этой ночью — ничего. Как будто сам дворец затаил дыхание.

Нервный голос раздался в темноте, заставив его вздрогнуть.

— Кто идет?

— Это я, Ань Дэхай.

Силуэт возник из теней. Это был Ли Лянъин, евнух, которого Ань Дэхай взял под свое крыло три года назад. Парень был блестящим, сообразительным, способным выучить полный инвентарь за несколько недель там, где другим требовались месяцы. Он видел в нем более молодую версию себя, ту же интенсивность, ту же отчаянную потребность доказать свою ценность в мире, который считал их менее чем людьми.

Он дрожал всем телом. В слабом свете Ань Дэхай видел, что его глаза были красными, опухшими от слез.

— Мастер Ань, ты тоже не можешь спать?

— Нет. Слишком много мыслей. Пойдем, немного пройдемся.

Они направились к восточному выходу из здания слуг. Ань Дэхай положил руку на плечо Ли Лянъина, чувствуя напряженные мышцы, тело, застывшее от ужаса. Он вспомнил свой первый год во дворце, этот постоянный страх совершить ошибку, быть избитым, изгнанным, отправленным обратно в нищету еще худшую, чем та, из которой он пришел. Он вспомнил своего учителя, старого евнуха Ма Дэцюаня, который руководил им с тем же терпением, которое он теперь проявлял к Ли Лянъину. Ма Дэцюань умер двадцать лет назад, но Ань Дэхай все еще слышал его голос: «Мы не то, что они из нас сделали. Мы — то, чем решаем быть, несмотря на это».

Снаружи ночь была на удивление ясной. Луна, почти полная, купала сады в серебристом свете, который превращал знакомый пейзаж во что-то нереальное, почти сказочное. Павильоны вырисовывались черными силуэтами на фоне звездного неба. Озеро Куньмин отражало луну, как гигантское зеркало. Древние деревья — некоторые посажены триста лет назад — поднимали свои узловатые ветви к небу. Все казалось мирным, застывшим в мгновении вечности.

Ань Дэхай остановился, пораженный красотой момента. Как это возможно, что мир может быть таким прекрасным накануне своего разрушения? Он подумал о поэтах Тан, которые воспевали природу именно потому, что она была эфемерной. Цветы вишни прекрасны только потому, что они падают. Луна трогает только потому, что убывает. Но это было не то же самое. Природа возрождалась. То, что должно было быть разрушено здесь, никогда не вернется.

— Посмотри, как красиво. Как они могут хотеть уничтожить что-то настолько великолепное?

Ань Дэхай пришел и сел на каменную скамью у бассейна, где лениво плавали карпы кои. Он помнил день, когда этих карпов запустили. Это было пятнадцать лет назад. Они были всего лишь маленькими мальками. Теперь некоторые достигали почти метра, их оранжево-белые чешуйки блестели в темной воде. Садовник объяснил, что они могут жить сто лет. Они не увидят своего двадцатилетия.

Ли Лянъин сел рядом с ним, прижимая колени к груди, как ребенок, ищущий утешения. Ань Дэхай долго смотрел на молодого человека, прежде чем заговорить, тщательно выбирая слова.

— Красота ничего не значит для тех, кто не понимает ее. Для этих западных невежд важно только золото. Власть. Господство. Они смотрят на вазу Мин и видят деньги. Они смотрят на каллиграфию Сун и видят бумагу. Они не видят веков, рук, которые создавали, глаз, которые восхищались.

Быстрые шаги раздались позади них, разрушая момент спокойствия. Появились три других евнуха, запыхавшиеся и испуганные. Ань Дэхай узнал Ван Чангуя, который руководил императорскими кухнями, в сопровождении двух молодых — Сунь Яотина и Цуй Югуя. Лицо Ван Чангуя покраснело от усилий, пот выступал на его лбу, несмотря на ночную прохладу. Глаза Сунь Яотина были широко раскрыты, как у загнанного зверя. Цуй Югуй, обычно молчаливый, издавал тихие неконтролируемые стоны.

— Мастер Ань! Ты еще здесь! Я думал, что все старшие евнухи ушли с Императрицей-вдовствующей!

Ань Дэхай некоторое время наблюдал за ними, этими испуганными людьми, которые цеплялись за него, как за спасательный круг. Он подумал обо всех тех моментах в своей жизни, когда ему приходилось быть сильным ради других.

— Меня не вызвали для эвакуации. Мне приказали остаться для защиты коллекций.

Защиты коллекций. Чем? Голыми руками против тысяч вооруженных солдат? Это была невыполнимая миссия, и все это знали. Император дал ему приказ, который на самом деле был оставлением.

Ван Чангуй покачал головой.

— Кухни. Мне сказали поддерживать их в рабочем состоянии на случай, если Император передумает и вернется.

Молодой Сунь Яотин рухнул на скамью, безудержно рыдая. Его узкие плечи сотрясались от спазмов, лицо было зарыто в руках. Между двумя всхлипами он выкрикивал почти непонятные слова. Ань Дэхай подошел и нежно положил руку на его голову, как сделал бы с сыном — тем сыном, которого у него никогда не будет. Прикосновение, казалось, немного успокоило рыдания.

Он снова подумал о своей матери. Жива ли она еще? Он покинул ее в двенадцать лет и никогда больше не видел. Евнухам не разрешалось возвращаться к своим семьям. Они принадлежали дворцу, телом и душой. Умерла ли она, задаваясь вопросом, что с ним стало? Сожалела ли она, что продала его? Или это было облегчением — одним ртом меньше для кормления?

— Успокойся, Яотин. Твоя мать, вероятно, уже в безопасности. Жители Пекина бегут вглубь страны. Она, должно быть, ушла с остальными.

Он не знал, правда ли это, но утешительная ложь иногда была единственной формой возможного сочувствия.

Шестеро мужчин оставались сидеть там до рассвета, в саду, залитом лунным светом, который скоро должен был перестать существовать. Они говорили тихо, обмениваясь фрагментами своих жизней, как делятся последней

трапезой. Ван Чанггуй рассказал, как он научился кулинарии у своего отца, который научился у своего собственного отца — линия императорских поваров, восходящая к пяти поколениям. Сунь Яотин говорил о своей матери, вдове, которая продала все, что у нее было, чтобы вырастить его одного. Цуй Югуй признался, что тайно сочиняет стихи, стихи, которые никому никогда не показывал.

Ань Дэхай слушал их, запечатлевая каждую деталь в своей памяти. Эти жизни, какими бы скромными они ни были, заслуживали сохранения. Если дворец должен был исчезнуть, то по крайней мере люди, которые служили ему, не будут забыты.

Когда первые лучи дня начали освещать небо на востоке, они услышали новый звук: крики, приказы, выкрикиваемые на иностранном языке, звон тысяч сапог на мощеных дорожках парка. Звук был еще далеким, но приближался неумолимо, как прилив.

Солдаты, достигшие первых зданий дворца и грабившие его уже несколько дней, прибывали в крыло, где они укрывались и где ни пожар, ни разграбление еще не начались. Дворец был настолько огромен, что его вторжение могло происходить только постепенно, здание за зданием, павильон за павильоном. Методичное, тщательное разрушение.

Ань Дэхай встал. Он подумал обо всех утрах, когда вставал в этот же час, чтобы начать свой рабочий день. Утренние ритуалы, вода для умывания, зеленый чай, который он тщательно готовил, халат, который он скрупулезно поправлял. Затем прогулка по безмолвным коридорам до своего кабинета, где его ждали реестры для обновления, предметы для каталогизации, отчеты для написания. Жизнь, размеренная, как часы, предсказуемая, безопасная.

Все это было закончено. И с восходом солнца пришло неизвестное.

19 октября 1860 года, Летний дворец, шесть часов утра

Первый французский солдат, которого увидел Ань Дэхай, был молодым человеком со светлыми волосами и голубыми глазами, с винтовкой со штыком на плече. Он постоянно смотрел по сторонам, как будто ожидал засады. Его синяя форма уже была грязной, испачканной потом и пылью. Ань Дэхай задался вопросом, есть ли у него где-то во Франции мать, которая молится о его возвращении.

Ань Дэхай и его друзья спрятались за стеной, наблюдая, как войска вторгаются в парк. Это было сюрреалистическое зрелище: сотни, возможно тысячи солдат в синих и красных мундирах распространялись, как прилив, по ухоженным садам. Они кричали, смеялись, указывали на здания с волнением. Некоторые стреляли в воздух, как возбужденные дети. Другие толкались, чтобы быть первыми, кто войдет в павильоны.

Ань Дэхай наблюдал за сценой с некоторой отрешенностью, как будто смотрел на кошмар, разворачивающийся без возможности проснуться. Эти люди не были похожи на демонов, которых он себе представлял. Они просто были похожи... на людей. Обычных людей, вдали от дома, взволнованных перспективой добычи. Это делало их в некотором смысле более ужасающими. Банальное, почти радостное зло.

Ван Чангтуй сжал кулаки, костяшки его пальцев побелели.

— Посмотри на них. Они даже не понимают, что оскверняют. Для них это просто... добыча.

— Тише. Они могут нас услышать.

Но было уже поздно. Отряд из пяти солдат во главе с лейтенантом заметил их укрытие. Пожар начинал распространяться в некоторых частях дворца — видно было, как дым поднимается вдали — но грабеж от этого не останавливался. Офицер закричал что-то на своем

непонятном языке и направил пистолет на них. Ствол пистолета блестел на восходящем солнце, маленький черный круг, обещающий смерть.

Ань Дэхай почувствовал, как его сердце бешено забилося. Это был момент. Жить или умереть. Он сделал глубокий вдох, пытаясь успокоить дрожь в руках. Он подумал обо всех моментах, когда выживал, делая себя маленьким, унижаясь, принимая унижение, чтобы сохранить свою жизнь.

Шестеро евнухов вышли из своего укрытия с поднятыми руками. Ань Дэхай вышел первым, стараясь выглядеть как можно менее угрожающе. Он опустил глаза в знак подчинения. Никогда не бросать вызов. Никогда не провоцировать. Сначала выжить.

Французский лейтенант осмотрел их сверху донизу с выражением, смешивающим любопытство и презрение. Его взгляд задержался на их шелковых халатах, на их волосах, собранных в пучки, на их безбородых лицах. Он сказал что-то на своем языке, комментарий, который рассмешил его людей.

Ань Дэхай быстро соображал. Он выучил английский у британского миссионера, который недолго работал во дворце десять лет назад. Он прекрасно владел этим языком. Может быть, офицер поймет английский? Это был их единственный шанс.

— Мы слуги дворца.

Лейтенант нахмурился, затем, казалось, понял. Он сказал что-то своим людям, которые опустили оружие. Затем офицер сделал властный жест на юг, сопровождаемый словом, похожим на приказ.

Но в тот момент, когда они начали отходить, Сунь Яотин споткнулся и упал. Молодой евнух был настолько испуган, что его ноги больше не держали его. При падении

нефритовая коробочка выскользнула из его рукава и покатилась по мостовой с музыкальным звоном.

Время, казалось, замерло. Ань Дэхай видел сцену, разворачивающуюся как в замедленной съемке. Катящаяся коробочка. Глаза лейтенанта, фиксирующиеся на ней. Выражение, меняющееся от безразличия к жадности.

Немедленно атмосфера изменилась. Офицер что-то закричал, и солдаты снова направили на них оружие. Один из них, колосс с лицом, изрытым оспой, бросился на Сунь Яотина, схватил его за воротник и поднял с земли одной рукой.

Молодой евнух издал крик ужаса. Его ноги болтались в воздухе, руки царапали руку солдата. Ань Дэхай сделал шаг вперед, но Ли Лянтин удержал его.

Солдат сильно ударил молодого евнуха. Звук руки по щеке прозвучал, как выстрел. Затем он поднял нефритовую коробочку, повернул ее, чтобы оценить вес, и сунул в карман собственническим жестом.

Офицер выкрикнул приказ. Солдаты обыскали каждого из евнухов, вырывая все, что казалось ценным. Их руки были грубыми, безразличными. Они забрали серебряные часы, которые Ван Чангуй унаследовал от отца, медное кольцо, которое носил Цуй Югуй, даже несколько монет, которые были у них. Ань Дэхай почувствовал, как руки обыскивают его карманы, ощупывают его халат. У него конфисковали бамбуковую кисть, которую он всегда носил с собой — предмет без ценности для солдат, но драгоценный для него.

Когда это закончилось, лейтенант указал им уходить жестом презрения, как будто они были бродячими собаками, которых прогоняют. Он даже плюнул на землю у их ног.

Ань Дэхай помог Сунь Яотину встать. Лицо мальчика опухло там, где солдат ударил его, уже синело, и кровь текла из носа, образуя красную линию на подбородке.

— Пойдем, Яотин. Обопрись на меня.

Они отошли так быстро, как могли, не бегая. Бег был бы похож на бегство, мог бы вызвать охотничий инстинкт солдат. Позади них они уже слышали звуки разрушения: окна, разбивающиеся с хрустальным грохотом, двери, выбиваемые прикладами винтовок, крики радости, когда солдаты обнаруживали сокровища внутри павильонов. И над всем этим — смех, коллективный смех, пьяный от власти и вседозволенности.

Ань Дэхай стискивал зубы так сильно, что челюсть болела. Каждый шаг отдалял его от его жизни, от его идентичности, от всего, что придавало смысл его существованию. Но он продолжал идти, поддерживая Сунь Яотина, направляя других. Выжить. Это было все, что имело значение сейчас.

Приближаясь к кварталам слуг, они обнаружили, что там уже царил хаос. Десятки людей бегали во все стороны, некоторые пытались убежать с узлами одежды и еды, другие паниковали без цели. Крики, плач, отчаянные призывы. Пожилая женщина сидела на земле, качаясь взад-вперед, неустанно повторяя имя — возможно, сына, мужа. Двое охранников в имперской форме, но без оружия, съезжились у стены с пустым взглядом. Ребенок — ему должно было быть семь или восемь лет, один из многих детей слуг, живших во дворце — бегал кругами, зовя свою мать.

— Ань Дэхай!

Знакомый голос раздался над шумом. Это была госпожа Лю, придворная дама, которая служила Императрице. Ань Дэхай всегда уважал ее. Она обладала редким достоинством, живым умом и относилась даже к евреям с вежливостью — что было далеко не у всех придворных дам. Она была маленькой, худой, с седыми волосами, тщательно уложенными, и проницательными глазами, которые, казалось, все видели.

Она пробилась через толпу и схватила Ань Дэхая за руку.

— Слава богу! Я думала, ты ушел с Императрицей!

— Нет. Мне приказали остаться. Госпожа Лю, где ваша дочь?

Лицо госпожи Лю исказилось. Ее губы задрожали, и глаза наполнились слезами, которые она тщетно пыталась сдержать.

— Мэй Фэн? Она работает в Павильоне Гармоний. Я пыталась пойти туда, но там повсюду солдаты... Ей всего девятнадцать лет, Ань Дэхай. Всего девятнадцать лет.

Павильон Гармоний находился в зоне, которая была атакована первой. Если Мэй Фэн все еще была там...

— Мы найдем ее. Я обещаю вам.

Госпожа Лю оглядела окрестности, пытаясь подсчитать в окружающем хаосе.

— Может быть, пятьдесят, шестьдесят человек? Многие ушли ночью. Те, кто остался, либо слишком стары для путешествий, либо боятся бандитов на дорогах. Некоторые еще надеются, что Император вернется, чтобы спасти их.

Она произнесла эти последние слова с горечью, которая удивила Ань Дэхая. Госпожа Лю всегда была пылкой имперской лоялисткой.

— Соберите их всех. Скажите им встретиться на главном дворе кварталов слуг через час. Мы должны обсудить, что будем делать.

Час спустя около восьмидесяти человек собрались во дворе. Это была разношерстная группа: внухи всех возрастов, придворные дамы, повара в испачканных передниках, садовники с мозолистыми руками, несколько разоруженных охранников, которые сбежали, но остались поблизости, стыдясь своей трусости, но неспособные уйти совсем.

Ань Дэхай наблюдал за ними. Все теперь разделяли одно и то же выражение: страх, непонимание, отчаянную надежду, что кто-то, кто угодно, скажет им, что делать.

Он поднял руки, прося тишины. Разговоры постепенно прекратились, замененные напряженным ожиданием.

— Мои друзья...

Его голос сорвался. Он прокашлялся, попробовал снова.

— Мои друзья, мы переживаем ужасный момент нашей истории. Летний дворец, это место, которому мы служили и которое мы лелеяли, захвачен иностранными армиями. Император бежал. Императрица-вдовствующая бежала. Мы брошены.

Ропот прошел по толпе. Некоторые кивали, другие проливали молчаливые слезы.

— Но мы не беспомощны. У нас есть выбор. Первый выбор: остаться или уйти.

Немедленно поднялись голоса, создавая какофонию страха и смятения.

Ань Дэхай снова поднял руки, ожидая тишины.

— Бежать куда? Пекин осажден. Варвары контролируют все главные дороги. Второстепенные пути кишат бандитами. У многих из вас есть семьи здесь, в окрестных деревнях. Если вы уйдете сейчас, в хаосе, вы рискуете никогда не найти их.

Старый садовник по имени Ван Даню прервал его. У мужчины было загорелое лицо, узловатые руки, как корни деревьев, и взгляд, который многое видел.

— Ты хочешь, чтобы мы помогли им украсть наше наследие? Чтобы мы стояли там, сложив руки, пока они уносят сокровища, принадлежащие Китаю веками?

Ань Дэхай спустился с помоста и пошел прямо к Ван Даню. Он хотел, чтобы этот разговор был интимным, уважительным, а не публичным спором.

— Ван Даню, ты провел свою жизнь, создавая сады этого дворца. Я помню, когда ты посадил сливовую рощу у Павильона Гармоний. Сколько лет прошло? Двадцать пять? Тридцать?

— Двадцать восемь лет, — ответил старик хриплым от эмоций голосом.

— Двадцать восемь лет. Скажи мне, если кто-то придет разрушить эту рощу сейчас, предпочтешь ли ты умереть, пытаясь остановить его, или выжить, чтобы, возможно, однажды посадить сливы где-то еще? Чтобы передать свои знания другим садовникам? Чтобы искусство не умерло вместе с деревьями?

Садовник сжал кулаки, но Ань Дэхай видел слезы, готовые потечь.

Ань Дэхай повернулся к собравшейся толпе, повысив голос, чтобы все могли слышать.

— Я предлагаю следующее. Те, кто хочет уйти, могут уйти. Я не буду препятствовать вам и не буду судить вас. Это законный выбор, возможно, даже мудрый. Но те, кто останется, мы должны организовать. Во-первых, мы должны спрятаться в местах, которые военные не знают — подвалы, туннели, второстепенные здания, которые у них нет причин исследовать. Во-вторых, мы должны попытаться спасти то, что можно — не большие предметы, конечно, но, возможно, документы, книги, предметы, которые мы можем спрятать или унести. В-третьих и самое главное, мы должны помнить. Записывать все, что происходит, чтобы наши потомки знали правду.

Ван Даню медленно кивнул, как будто принимая серьезное решение.

— Хорошо. Я остаюсь. Кто-то должен свидетельствовать. Мои деревья сгорят, но по крайней мере их память будет жить.

Другие голоса поднялись, один за другим, формируя нерешительный, но решительный хор. В конце концов, около двадцати пяти человек решили остаться.

Пока они начинали разбиваться на организованные группы, молодая служанка робко подошла. Ее звали Мэй Линь, и она работала в кварталах наложниц.

— Мастер Ань, я должна тебе кое-что сказать. Вчера вечером я видела солдат...

Она остановилась, слезы на глазах. Ее голос был не более чем дрожащим шепотом.

— Они схватили троих моих подруг. Они кричали, но... но никто не пришел. Никто не мог прийти. И солдаты, они... они...

Она не смогла продолжить, разрыдавшись. Ань Дэхай нежно положил руку на ее руку.

— Я знаю, Мэй Линь. Я знаю. Вот почему мы должны держаться вместе, оставаться спрятанными как можно больше. Если ты останешься с группой госпожи Лю, ты будешь в большей безопасности.

Мэй Линь кивнула, яростно вытирая слезы. Ань Дэхай видел в ее глазах нечто, что было не только страхом. Там был также гнев. Холодный, контролируемый гнев, который заставит ее держаться, когда другие сломаются.

— Спасибо, мастер Ань. Мне просто нужно было сказать это кому-то. Знать, что кто-то заботится.

— Мы все заботимся. Это то, что сохраняет нас людьми в этой бесчеловечности.

19 октября 1860 года, Летний дворец, полдень

Ань Дэхай в сопровождении Ли Лянъина и двух других евнухов по имени Чжан Циньлинь и Цуй Югуй направился к Павильону Драгоценных Облаков. Это было одно из

зданий, которое он знал лучше всего, проведя сотни часов, каталогизируя его сокровища.

Путь туда был знакомым. Он знал каждый поворот, каждое дерево вдоль тропинки. Но сегодня все казалось другим. Сам воздух был заряжен электрическим напряжением, как перед грозой. Молчание птиц было аномальным — они улетели, предчувствуя опасность.

Приближаясь, они слышали ужасный шум. Смех, крики, звук тяжелых вещей, которые тащат или роняют, грохот разбитого стекла. Ань Дэхай почувствовал, как у него сжался желудок.

Они спрятались за бамбуковой рощей и наблюдали за сценой, разворачивающейся перед ними.

Около двадцати французских солдат бежали во все стороны, перенося все, что могли нести. Сцена имела что-то гротескное, почти комичное, если бы не была такой душераздирающей. Некоторые надели несколько императорских шелковых одежд одну на другую, создавая смехотворный эффект — бородатые и массивные мужчины в женских одеждах, расшитых драконами и фениксами. Другие переносили огромные фарфоровые вазы, спотыкаясь под тяжестью, держа их к груди, как младенцев. Солдат пытался нести в одиночку лаковую ширму, инкрустированную нефритом. Он упал, и ширма разбилась на тысячу кусков на мраморных плитах.

Ань Дэхай не мог сдерживать стонов, произвольного звука, вырванного из глубины его горла.

— Нет! Этой ширме было триста лет...

Эту ширму он помнил отлично. Он каталогизировал ее семь лет назад, проведя целый день, документируя каждую деталь. Это был заказ императора Канси в честь шестидесятилетия его матери. Каждый кусок нефрита был выбран индивидуально по цвету, прозрачности. Мотивы

представляли Восемь Бессмертных, пересекающих море — сцену из даосской мифологии, символизирующую долголетие и трансцендентность. Сам император Канси сочинил стихотворение, выравненное на обратной стороне, буквами настолько тонкими, что нужна была лупа, чтобы их прочесть. Ань Дэхай запомнил это стихотворение: «Сквозь нефритовые волны Бессмертные путешествуют / Каждое поколение хранит их мудрость / Пусть моя мать проживет десять тысяч осеней / Как эти бессмертные пересекают века».

Теперь все это было не более чем обломками, разбросанными по полу, растоптанными грязными сапогами.

Ли Ляньин коснулся его руки в знак предупреждения.

— Мастер, посмотри туда.

Двое солдат нашли коллекцию фарфора Мин, которую Ань Дэхай организовал два месяца назад. Предметы были расположены на полках из сандалового дерева, каждая с этикеткой, которую он каллиграфировал, указывающей происхождение, дату и значение каждого предмета. Он помнил, что провел три недели над этой работой, проверяя и перепроверя каждую деталь, убеждаясь, что все было идеально.

Солдаты созерцали фарфор с жадностью, пытаясь решить, какие взять. Они говорили между собой по-французски, язык непонятный для Ань Дэхая, но чей корыстный тон был универсальным. Один из них схватил сине-белую вазу эпохи Сюаньдэ.

Ань Дэхай знал ее историю наизусть. Ваза была создана в 1426 году императорским гончаром по имени Чжан Вэй в печах Цзиндэчжэня. Чжан Вэй был мастером-гончаром, семья которого изготавливала фарфор уже четыре поколения. Синий цвет получался из кобальта,

импортированного из Персии по Шелковому пути — пигмент настолько драгоценный, что стоил своего веса в серебре. Мотив представлял драконов, играющих в облаках, символ имперской власти, умеренной небесной мудростью. Император Сюаньдэ наблюдал за созданием этой вазы, требуя, чтобы синий был точно того оттенка, который он видел в своих снах.

Затем ваза провела два века в императорских коллекциях, которой восхищались поколения императоров. В 1702 году, когда ужасное наводнение опустошило провинцию Гуандун, убив тысячи людей и разрушив урожай, губернатор провинции предложил эту вазу императору Канси в благодарность за снижение налогов, спасшее его регион от голода. Канси так полюбил ее, что держал в своих личных покоях и сочинял стихи, созерцая ее. Он даже приказал выправить стихотворение на золотом медальоне, который прикрепил к основанию вазы. У вазы была маленькая трещина в основании — незначительный дефект, не уменьшавший ее красоты. Император Цяньлун, внук Канси, приказал восстановить эту трещину в 1750 году мастером-реставратором Лю Хэном, используя секретную технику, делавшую ремонт почти невидимым.

Но французский солдат ничего этого не знал. Для него это был просто сине-белый предмет, красивый, но тяжелый. Он держал его неловко, не понимая его ценности или хрупкости. Ваза выскользнула из его рук и разбилась на мраморном полу.

Звук отозвался в сердце Ань Дэхая, как удар похоронного гонга. Пять веков истории, уничтоженные за секунду неловкостью человека, который даже не знал, что он только что разрушил.

Солдат пожал плечами — жест настолько небрежный, что был непристойным — и схватил другую вазу.

Чжан Циньлинь, евнух, работавший над инвентарем, плакал. Его плечи дрожали от молчаливых рыданий, которые он отчаянно пытался сдержать.

— Я не могу этого вынести. Годы работы, заботы, сохранения... разрушенные за несколько часов этими вандалами. Они даже не знают, что разрушают.

Но один из солдат их заметил. Он что-то крикнул своим товарищам, и трое из них направились к бамбуковой роще с винтовками в руках, их лица выражали смесь недоверия и агрессии.

Ань Дэхай вышел из укрытия с поднятыми руками. Солдаты окружили их, рассматривая с подозрением. Один из них, сержант, судя по нашивкам, что-то сказал по-французски, затем попробовал приблизительный английский.

— Вы... люди дворца?

— Да. Мы работаем здесь, — ответил он на безупречном английском.

Сержант наблюдал за ними, затем, казалось, принял решение. Он сделал жест к павильону, сопровождаемый словами, которые Ань Дэхай не полностью понял, но общий смысл которых был ясен. Они хотели помощи.

— Вы приходите. Помогаете нам.

Их привели внутрь павильона. Ань Дэхаю пришлось заставить себя смотреть. Пол был усеян обломками. Полки были опрокинуты, их содержимое разбросано, как сломанные кости после битвы. Свитки древней каллиграфии валялись в пыли. Фрагменты фарфора хрустели под их ногами при каждом движении.

Французский офицер, капитан, стоял посреди комнаты с блокнотом и карандашом. Он, казалось, пытался составить инвентарь, но это была невыполнимая задача в этом хаосе. Его волосы были в беспорядке, лоб блестел от пота,

несмотря на прохладу воздуха. Он выглядел разочарованным, подавленным масштабом задачи.

Когда сержант привел к нему Ань Дэхая и остальных, капитан казался облегченным. Он что-то пробормотал по-французски, затем попробовал английский с густым, но понятным акцентом.

— Вы знаете... эти вещи? Ценность?

— Да. Я знаю все вещи здесь. Это я все каталогизировал.

Капитан улыбнулся, и это была искренняя, почти дружеская улыбка — что делало ее в некотором смысле более тревожной.

— Хорошо. Очень хорошо. Вы помогаете мне. Мне нужно знать... что ценное, что... просто... украшение? Не важное?

Ань Дэхай прекрасно понял. Офицер хотел отличить настоящие сокровища от предметов меньшей ценности. Он хотел оптимизировать свой грабеж, убедиться, что крадет правильные вещи. Логика была холодной, почти профессиональной.

Ань Дэхай должен был принять решение за долю секунды. Решение, которое будет преследовать его до конца жизни. Если он поможет этому офицеру, он будет непосредственно способствовать краже китайского наследия. Он станет коллаборационистом, предателем своей собственной культуры. Будущие поколения могут сурово судить его. Но если он откажется, их, вероятно, побьют, возможно, убьют. И тогда никто не узнает точно, что было украдено.

Идея зародилась в его голове. Если он поможет с инвентарем, он сможет хотя бы задокументировать, что было украдено. Он сможет запомнить, кто что берет. Позже, если когда-нибудь справедливость восторжествует — а он должен был верить в эту возможность, иначе зачем выживать? — будет свидетель. Свидетель, который знал не

только предметы, но и их глубокое значение, их полную историю.

— Я могу помочь вам и все каталогизировать тоже. На китайском.

Капитан задумался на мгновение, нахмурившись. Ань Дэхай затаил дыхание. Затем офицер пожал плечами.

— Почему бы нет? Вы пишете по-китайски, я пишу по-французски. Два реестра. Хорошо для... как сказать... прозрачность?

Он дал Ань Дэхаю кисть, чернила и бумагу, которые нашел в кабинете павильона. Ань Дэхай взял кисть с произвольным благоговением. Это была хорошая кисть из волчьей шерсти, идеально сбалансированная. Он сам заказал ее пять лет назад у известного пекинского мастера. Держать ее сейчас, в этих обстоятельствах, вызывало в нем смесь эмоций настолько сложных, что он не мог их распутать — стыд, решимость, горе и странную форму облегчения от того, что у него хотя бы есть это, эта знакомая кисть, этот инструмент его профессии.

Ань Дэхай пережил один из самых странных и болезненных моментов своей жизни. Он стоял там, бок о бок с французским капитаном, идентифицируя сокровища, которые находили солдаты. Это было сюрреалистично, как сцена абсурдного театра. Двое мужчин из разных цивилизаций, из противоположных лагерей, работающих вместе в пародии на ученое сотрудничество.

Капитан показывал предмет. Ань Дэхай идентифицировал его на простом английском. Капитан записывал в свой блокнот. Затем Ань Дэхай записывал в свой, но гораздо более подробно, превращая каждый предмет из простой «драгоценной вещи» во фрагмент живой истории.

Капитан показывал маленькую бронзовую статуэтку, представляющую лошадь. Для него это было просто «статуя лошадь, бронза, древняя».

Для Ань Дэхая это была история, которую он писал: «Небесный конь династии Хань, 206 г. до н.э. — 220 г. н.э. Представляет лошадей Ферганы, легендарную породу, которую император Уди так желал, что послал армию в 60 000 человек, чтобы получить их. Эта бронза увековечивает эту экспедицию. Найдена в императорской гробнице в 1735 году, подарена императору Цяньлуну. Положение ног предполагает летящий галоп, художественную технику, которая не будет вновь открыта на Западе еще тысячу лет. Украдена 19 октября 1860 года».

Каждый предмет становился поводом написать его полную историю — не для оправдания кражи, но для создания свидетельства, которое переживет хаос.

Работа продолжалась, предмет за предметом. Каждая идентификация была для Ань Дэхая маленькой смертью. Он видел, как перед ним проходит вся жизнь работы, вся история цивилизации, сведенная к строкам в инвентарной книге.

— А это?

Капитан показывал свиток каллиграфии, держа его более осторожно, чем показывал до сих пор. Может быть, он начинал понимать хрупкость этих предметов.

Ань Дэхай осторожно развернул его, его руки слегка дрожали. Его сердце сделало прыжок, почти перехватив дыхание. Это было стихотворение Су Дунпо, одного из величайших поэтов династии Сун, написанное его собственной рукой восемьсот лет назад.

Су Дунпо — или Су Ши, его полное имя — жил с 1037 по 1101 год. Поэт, каллиграф, художник, философ, государственный деятель. Одна из самых выдающихся

фигур во всей китайской истории. Это стихотворение было сочинено во время его ссылки в Хуанчжоу, после того как он впал в немилость при дворе за критику некоторых императорских политик. Ссылка, вместо того чтобы сломить его, преобразила его. Именно там он написал некоторые из своих самых красивых стихов, размышляя о эфемерной природе власти, о красоте, которая сохраняется даже в невзгодах.

Иероглифы были великолепны, полны жизни и грации. Каждый штрих кисти раскрывал личность поэта — его силу, его меланхолию, его любовь к природе, даже его юмор в темные моменты. Ань Дэхай читал это стихотворение сто раз в репродукциях, но это был первый раз, когда он видел оригинал. Его вынули из специальных хранилищ всего несколько недель назад для частной выставки, предназначенной для Императрицы-вдовствующей.

Стихотворение гласило:

«Посреди реки луна сияет,

Камыши шепчут свою древнюю песню.

Одинокий человек созерцает текущую воду.

Столько жизней прошло на этих берегах.

Где герои прошлого?

Волны уносят даже их имена.

Остается только красота этой ночи,

Вечная, безразличная к нашей боли».

Ань Дэхай почувствовал, как слезы защипали его глаза. Эти слова, написанные человеком в изгнании, резонировали с ужасной силой в этот настоящий момент. Он тоже был свидетелем разрушения всего, что знал. Он тоже созерцал руины. И все же это стихотворение пережило восемь веков. Возможно, его собственные свидетельства тоже выживут.

— Очень старое письмо. Очень знаменитый поэт. Восемьсот лет. Не может быть заменено. Единственное в мире.

Капитан тихо свистнул, впечатленный несмотря на себя.

— Восемьсот лет? Это... невероятно.

Он посмотрел на свиток с большим уважением, касаясь его почти с благоговением.

Ань Дэхай посмотрел ему в глаза. На мгновение он забыл осторожность, забыл опасность. Он должен был сказать правду, какими бы ни были последствия.

— Вы наказываете восемьсот лет искусства за действия нескольких людей. Это стихотворение не пыталось ваших посланников. Эта ваза не объявляла войну. Эти предметы невинны. Они не знают политики. Они не понимают мести. Они просто... красота. Память. Душа народа.

Капитан отвернулся, чувствуя себя неловко. Ань Дэхай, казалось, увидел проблеск стыда в его глазах, трещину в броне послушного солдата. Но она быстро исчезла, замененная холодным безразличием солдата, который просто выполняет приказы.

— Это война. На войне нет невинных.

Ань Дэхай хотел спорить, хотел кричать, что это неправда, что произведения искусства всегда невинны, что разрушение красоты — это преступление против самого человечества, что цивилизации судят не по их способности вести войну, а по их способности создавать и сохранять красоту. Но он сдержался. Это был не тот момент. Он должен был выжить, документировать, свидетельствовать. Гнев придет позже. Пока он должен был играть свою роль, какой бы унижительной она ни была.

Капитан просто записал в свой блокнот и перешел к следующему предмету.

Ли Лянбин, стоявший рядом, хранивший осторожное молчание, прошептал по-китайски так тихо, что только Ань Дэхай мог слышать:

— Мастер, почему ты им помогаешь? Разве это не предательство? Разве будущие поколения не будут судить нас?

Ань Дэхай ответил так же тихо, его губы едва двигались:

— Я не помогаю им красть. Я создаю архив. Каждый предмет, который я записываю, — это предмет, о котором мир узнает, что он был украден, кем, когда, при каких обстоятельствах. Это наша единственная форма сопротивления сейчас: память. Однажды кто-то потребует справедливости. И у меня будут доказательства. Имена. Даты. Детали, которые победители захотят забыть.

День подходил к концу, когда они услышали ужасный крик снаружи, за которым последовали выстрелы. Звук разорвал воздух, разрушив болезненную концентрацию, окутывавшую павильон в течение часов.

Все бросились к окнам. В саду внизу они увидели группу британских солдат — узнаваемых по их характерной красной форме — преследующих старого китайского садовника.

Мужчина бежал так быстро, как позволяли его старые ноги, но это было жалко видеть — отчаянный, безнадежный бег. Он споткнулся о корень и тяжело упал на мостовую. Его корзина перевернулась, рассыпав садовые инструменты — совок, секатор, пакеты с семенами, тщательно промаркированные.

Ань Дэхай узнал Вэй Голяна, садовника, который работал во дворце. Мягкий человек, который разговаривал со своими растениями, как с детьми, который знал ботаническое название каждого цветка, который создал некоторые из самых красивых цветочных композиций. Он помнил, как

видел его сотни раз, стоящего на коленях в земле, с грязными руками, но с улыбкой на губах, терпеливо объясняющего молодому ученику, как правильно обрезать фруктовое дерево для максимального цветения.

— Вэй Голян... Нет. Он не причинил бы вреда мухе. Он даже не умеет драться. Он провел свою жизнь, создавая красоту, а не разрушая.

Британские солдаты достигли старика. Один из них грубо перевернул его ногой, как переворачивают мешок с зерном. Вэй Голян поднял руки в знак мольбы, говоря что-то, чего никто не мог слышать из павильона. Его лицо было искажено ужасом, губы быстро двигались — может быть, он молился, может быть, умолял, может быть, прощался с семьей в своих мыслях.

Затем один из солдат поднял винтовку и выстрелил. Один раз. Единственный выстрел.

Тело Вэй Голяна вздрогнуло, затем застыло. Темное пятно начало расползаться под ним, окрашивая каменные плиты.

В павильоне наступила мертвая тишина. Ань Дэхай почувствовал, как его ноги подкосились. Ему пришлось опереться на стену, чтобы не упасть, его рука искала опору, что угодно, чтобы предотвратить его падение. Даже французские солдаты казались шокированными. Некоторые отвернулись. Другие устали на сцену, как загипнотизированные, неспособные оторвать глаза от того, что только что увидели.

Ань Дэхай повернулся к капитану, его голос дрожал от сдерживаемой ярости, каждое слово артикулировано с ужасной точностью.

— Почему? Что он сделал? Это был просто старик. Просто садовник. У него даже не было оружия. Он нес семена. Семена! Почему они убили его?

Капитан закрыл глаза.

— Я не знаю. Может быть, он сопротивлялся. Может быть, у него было что-то, что они хотели. Может быть...

Он не закончил предложение, слова не хватало или смелости не было.

Ань Дэхай почувствовал, как что-то сломалось в нем. Вся сдержанность, вся дипломатическая вежливость, которую он поддерживал с утра, все это испарилось перед лицом этого бессмысленного насилия, этого абсурдного убийства человека, единственным преступлением которого было бегство.

— Может быть, они убили его ради удовольствия? Вы собирались это сказать?

Капитан снова открыл глаза. Впервые Ань Дэхай увидел человечность в его взгляде. Стыд, сожаление, ужас перед тем, во что превратились его союзники, перед тем, во что он сам превратился.

— Это неправильно. Все это...

Он сделал жест, охватывающий разграбленный павильон, сокровища, сложенные как вульгарная добыча, тело в саду, которое медленно остывало.

— Это неправильно. Но я солдат. Я выполняю приказы. Это все, что я могу делать. Следовать приказам.

Ань Дэхай подошел ближе, глядя на него с интенсивностью, которая заставила офицера отступить на шаг.

— И приказы оправдывают все?

Капитан отвернулся, неспособный выдержать взгляд Ань Дэхая.

— Поздно. Вы можете идти. Возвращайтесь завтра, в то же время. Мы должны закончить инвентарь.

Ань Дэхай медленно собрал свои записи. Он не хотел позволить своим эмоциям овладеть им сейчас. Он должен был оставаться сосредоточенным, оставаться в живых,

закончить свою работу по документированию. Но гнев кипел в нем, как кастрюля на огне, грозя перелиться в любой момент.

Он подал знак другим евнухам следовать за ним. Пока они выходили из павильона, идя в молчании через коридор, усеянный обломками, Ли Лянъин прошептал:

— Мастер, мы не можем вернуться завтра. Это было бы сотрудничеством с ними. После того, что мы только что видели... после Вэй Голяна... как мы могли бы продолжать им помогать?

Ань Дэхай остановился в полумраке коридора, повернувшись лицом к молодому человеку.

— Поверь мне, каждая частица моего существа хочет бежать, никогда больше не возвращаться сюда, никогда больше не видеть эти лица. И все же, если мы не вернемся, кто будет свидетельствовать точно? Французский капитан сделает свои записи, но они будут служить только для оправдания грабежа, для каталогизации добычи. Наши записи однажды послужат для требования справедливости. Чтобы доказать, что каждый предмет имел историю, значение. Чтобы превратить кражу в задокументированное преступление.

Цуй Югуй, который молчал весь день, наконец заговорил.

— Какая справедливость? Кто вернет справедливость Вэй Голяну? Кто вернет ему жизнь? Мертвые не видят справедливости. Справедливость не стирает кровь.

У Ань Дэхая не было удовлетворительного ответа. Цуй Югуй был прав. Справедливость, если она когда-нибудь придет, будет абстрактной, далекой, незначительной для тех, кто уже мертв. Но что еще они могли сделать?

— Никто не вернет ему жизнь. Это правда. Но по крайней мере его имя будет выравнено в истории. По крайней мере через сто лет, через двести лет будут знать, что он существовал, что он жил, что он создавал красоту, что он

был несправедливо убит. Это мало. Это жалко мало. Но это все, что мы можем сделать. Это наше сопротивление. Наш отказ позволить победителям написать единственную историю, которая выживает.

Они шли к месту встречи, каждый погруженный в свои мысли. Солнце заходило. Позади них они все еще слышали звуки грабежа: смех, восклицания, грохот разбиваемых предметов, звук умирающего мира.

Ань Дэхай шел вперед, его шаги механические, автоматические. В своем уме он видел лицо Вэй Голяна, те моменты, когда встречал его в садах, всегда с улыбкой, всегда с анекдотом о той или иной растении. Он вспомнил разговор, который у них был, возможно, пять лет назад. Вэй Голян показал ему сливовое дерево, которое только что посадил.

«Это сливовое дерево зацветет через два года», — сказал он с гордостью. «А через двадцать лет оно будет великолепным. Через пятьдесят лет мои внуки смогут сидеть под его ветвями. Вот что такое работа садовника — сажать для будущего, для людей, которых никогда не узнаешь».

Вэй Голян никогда не увидит, как это дерево зацветет. Его внуки никогда не будут сидеть под его ветвями. Но Ань Дэхай пообещал себе запомнить это дерево, искать его, если выживет, заботиться о нем, если возможно. Это было меньшее, что он мог сделать.

19 октября 1860 года, Летний дворец, закат солнца

Когда различные группы встретились во дворе кварталов слуг на закате, атмосфера была тяжела невысказанной болью. Лица были отмечены тем, что каждый видел, тела согнуты под тяжестью накопленного ужаса.

Госпожа Лю была первой, кто поделился своим отчетом. Она стояла в центре двора, прямая, несмотря на усталость,

но ее голос был сломан, постарев на десять лет за несколько часов.

— Мы исследовали кварталы наложниц. Они забрали все. Платья, украшения, зеркала, веера, расшитую обувь. Они даже сорвали занавески со стен. Но худшее... мы нашли Ли Мэй. Ей было пятнадцать лет. Всего пятнадцать лет. Она спряталась в шкафу, думая, что будет в безопасности. Они нашли ее.

Она остановилась, ее голос полностью сорвался. Мэй Линь, стоявшая рядом с ней, взяла ее за руку.

— Мы нашли ее после. Ее тело... то, что они с ней сделали... ни одна девушка не должна терпеть это. Ни одно человеческое существо.

Она не продолжила. Ей не нужно было. Все понимали. Тяжелое молчание установилось, каждый созерцал ужас в своем собственном уме.

Ван Чанггуй, руководитель кухонь, взял слово.

— Мы исследовали кухни и склады. Солдаты нашли запасы алкоголя и напиваются в больших количествах. Десятки кувшинов императорского вина, вин, которые императоры хранили для особых случаев. Они пьют их, как воду, льют вино себе в рот, проливая половину на свою форму. Они бьют в садах, в коридорах. Некоторые настолько пьяны, что едва могут стоять. Они будут еще опаснее этой ночью. Пьяные мужчины с оружием, без дисциплины, без офицеров, чтобы контролировать их... мы должны спрятаться, и быстро.

Ван Даню, старый садовник, молчал. У него не было доклада, не было слов. Ань Дэхай видел его, смотрящего в пустоту, его глаза были стеклянными, руки дрожали, он тщетно пытался их контролировать. Он был в состоянии шока. Вероятно, он видел смерть Вэй Голяна. Они были друзьями, начали работать во дворце почти одновременно.

Ань Дэхай говорил, когда все закончили делиться своими свидетельствами.

— Друзья мои, мы все видели ужасы сегодня. Мы потеряли товарищей. Вэй Голян мертв. Ли Мэй мертва. Может быть, другие, чьи имена мы еще не знаем. Мы должны оставаться едиными. И мы должны думать практически о нашем выживании. Ван Чангуй, сколько у нас еды точно?

Ван Чангуй достал маленький блокнот из кармана — привычка дотошного повара.

— Три дня, если мы будем строго нормировать. Может быть, четыре, если будем есть очень мало. У нас есть рис, сушеные бобы, несколько овощей, которые начинают портиться, соль и немного масла. Нет мяса. Солдаты забрали все мясо.

Старый библиотекарь по имени Чжан Инхуань поднял руку. Мужчина всегда был дотошным, организованным, преданным книгам, за которые отвечал. Его обычно спокойное лицо теперь было опустошено горем.

— Мастер Ань, я провел день в Большой Библиотеке. Они сжигают книги.

Его голос сорвался на этих словах, как будто произнесение правды вслух делало ее более реальной, более невыносимой.

— Они их сжигают. Не потому что хотят конкретно их уничтожить — они даже не знают, что это за книги, они не могут их прочитать. Но потому что они занимают место, и они хотят пространство, чтобы складывать свою добычу. Тысячи томов, некоторым из династий Сун и Тан. Уникальные рукописи, комментарии к классике, скопированные рукой великих ученых. Стихи, трактаты по медицине, астрономические тексты, исторические хроники. Они используют их, чтобы разводить костры. Я видел солдата, рвущего страницы рукописи династии Сун, чтобы прикурить сигарету.

Он открыл свою сумку дрожащей рукой и достал пять древних книг, прижимая их к груди, как отец прижимает умирающего ребенка.

— Мне удалось спасти эти. Только пять. Из десятков тысяч. Но это что-то. Это что-то, не так ли?

Вопрос был отчаянным, умоляющим о подтверждении, уверенности, что его усилия не были напрасными.

Ань Дэхай спустился с помоста.

— Чжан Инхуань, эти пять книг, которые ты спас, содержат, возможно, миллион иероглифов. Идей, пережившие века, мудрость, которую изучали поколения ученых. Благодаря тебе они выживут еще дольше. Это огромно. Это акт сопротивления. Акт сохранения. Спасибо. Спасибо за то, что у тебя хватило мужества вернуться в этот ад, чтобы спасти хотя бы эти пять книг.

Один из разоруженных охранников, человек по имени Чэнь Миндэ, служивший в императорской армии, прежде чем быть назначенным во дворец, тогда вмешался. Это был прагматичный человек, привыкший находить решения в трудных ситуациях.

— У меня есть предложение. Есть пещеры в холмах на западе. Мой отец был охотником и водил меня туда, когда я был ребенком. Я знаю путь. Они скрыты, трудно найти, если не знаешь, где искать. Некоторые достаточно большие, чтобы укрыть пятьдесят человек или больше. Мы могли бы там устроить временный лагерь, в безопасности вдали от солдат.

Ань Дэхай почувствовал облегчение. Убежище. Безопасное место, где собраться, дышать, планировать.

— Это отличная идея. Это именно то, что нам нужно. Но мы не можем все пойти туда одновременно. Большая группа из пятидесяти человек, пересекающая холмы, будет замечена. Солдаты патрулируют. Мы должны идти

небольшими группами, в разное время, используя отдельные пути.

Они провели следующий час, тщательно организуя эвакуацию, Ань Дэхай даже нарисовал грубую карту в пыли, чтобы каждый понимал план. Было решено, что первая группа, состоящая в основном из женщин и пожилых людей — тех, кто был бы наиболее уязвим, если бы пьяные солдаты нашли их — отправится немедленно под руководством Чэнь Миндэ. Они пойдут самым прямым путем, используя последние часы света.

Вторая группа, включая Ань Дэхая, Ли Лянъина и нескольких других, отправится перед рассветом следующего дня, в темноте, предшествующей заре, когда солдаты будут спать после ночи пьянства.

Третья группа, те, кто хотел попытаться спасти еще несколько предметов или документов, отправится утром после последней попытки восстановления.

Ань Дэхай дал точные инструкции третьей группе, его голос был твердым и ясным:

— Не забывайте, цель — не денежная ценность. Солдаты уже берут все, что блестит, все, что из золота или нефрита. Оставьте им эти вещи. Ищите документы, которые рассказывают, как жили люди — личные письма, дневники, бухгалтерские книги, показывающие повседневные детали, реестры, называющие обычных людей. Ищите фотографии, если найдете — это незаменимые визуальные свидетельства. Ищите предметы, к которым привязаны истории, даже если они не выглядят драгоценными. Простой веер, принадлежавший наложнице, может рассказать нам больше о повседневной жизни, чем золотой трон. Именно эти вещи действительно раскрывают цивилизацию, а не сокровища.

Когда наступила ночь и первая группа готовилась к отъезду, в последний раз проверяя свои запасы, госпожа Лю присоединилась к Ань Дэхаю. Ее лицо было решительным, окрепшим новой решимостью, которая заменила первоначальное отчаяние.

— Мастер Ань, я хочу остаться еще на один день. Чтобы искать мою дочь Мэй Фэн. Может быть, она где-то прячется в руинах. Может быть, она ранена и не может двигаться, ждет, что кто-то придет. Я не могу уйти, не зная. Мать не может бросить своего ребенка, даже если шансы малы.

Ань Дэхай созерцал эту храбрую женщину, которая уже так много потеряла в своей жизни. Госпожа Лю служила Императрице с абсолютной преданностью, жертвуя своей собственной жизнью ради дворца. Она вырастила Мэй Фэн одна после смерти мужа от лихорадки. Дочь была всей ее жизнью, ее единственной семьей.

— Возьмите Мэй Линь и одного-двух других с собой. Ищите вместе, оставайтесь сгруппированными все время. Никогда не разделяйтесь. И если завтра вечером вы ее не нашли...

Он оставил фразу незаконченной. Они оба знали, что это будет означать. После сорока восьми часов шансы найти кого-то живым были почти нулевыми.

— Если я ее не найду, я уйду. Я обещаю вам. Я не умру здесь бесполезно. Но я должна попытаться.

— Я молюсь, чтобы вы нашли ее.

Той ночью Ань Дэхай оставался бодрствующим в подвале, где они спрятались. Это было узкое, влажное пространство, пахнущее землей и плесенью. Корни свисали с низкого потолка. Вода просачивалась по каменным стенам. Но это было безопасно, скрыто, временное убежище в хаосе.

Слушая звуки сверху, он создавал в своем уме карту бедствия. Пьяное пение, диссонирующее, жестокое. Смех, который

резонировал в ночи с маниакальным качеством. Случайные выстрелы — может быть, солдаты стреляли в тени, может быть, суммарные казни, может быть, просто пьяное развлечение. И иногда худшие звуки — пронзительные крики, леденящие кровь. Крики женщин, детей. Каждый крик был сломанной жизнью, разрушенной невинностью, историей, заканчивающейся насилием.

Ли Лянъин, сжавшийся рядом с ним во влажной темноте подвала, шептал буддийские молитвы. Его губы постоянно двигались, формируя мантры, которым его учили в детстве. «Ом мани падме хум... Ом мани падме хум...» Молитва Будде Сострадания, повторяемая неустанно, как талисман против зла.

— Ты думаешь, Будда слышит нас в этом аду? — прошептал Ань Дэхай.

Молодой евнух поднял глаза, его черты едва видны в полумраке, пронизанном только слабым светом маленькой свечи.

— Я не знаю, существует ли Будда. Я даже не знаю больше, во что я действительно верю. Может быть, боги нас покинули. Может быть, они никогда не существовали. Но я знаю, что молитва приносит утешение. Она дает мне что-то делать, на чем сосредоточить свой ум вместо того, чтобы слушать эти крики. И в этот момент нам нужно все возможное утешение, даже если оно приходит из иллюзии. Может быть, это и есть настоящая функция религии. Не спасти нас, а давать нам что-то, за что держаться, когда все разваливается.

Ань Дэхай медленно кивнул. Он снова подумал о своем религиозном воспитании, смеси конфуцианства, даосизма и буддизма, как у большинства китайцев. Он молился предкам каждый год на Празднике Мертвых, жег благовония в храмах по особым случаям, копировал буддийские сутры для накопления заслуг. Но верил ли он действительно? Или это

были просто успокаивающие ритуалы, культурные привычки, передаваемые из поколения в поколение?

— Ты боишься, Лянгын?

— Я в ужасе, Мастер. Каждый звук сверху заставляет меня вздрагивать. Каждый раз, когда мы слышим шаги, я думаю, что это конец, что они нас нашли, что мы умрем, как Вэй Голян. Мое сердце бьется так сильно, что я боюсь, они могут его услышать. Но страх естествен, не так ли? Это то, что мы делаем, несмотря на страх, определяет, кто мы.

— А кто мы? Кем мы стали в этом кошмаре?

Ли Лянгын долго размышлял, прежде чем ответить, тщательно выбирая слова.

— Мы выжившие. Свидетели. Хранители памяти. Это важнее, чем кажется. Через сто лет, через тысячу лет кто-то захочет знать, что произошло здесь. И мы будем единственными, кто сможет сказать правду. Не правду генералов в их официальных отчетах. Не правду историков, которых здесь не было. Но правду тех, кто пережил ужас, кто видел лица, слышал крики, чувствовал дым.

Наверху прогремел взрыв, заставив подвал дрожать. Пыль и обломки упали с потолка. Неко орые в подвале издали крики ужаса, прежде чем вспомнить, что должны оставаться тихими, кусая губы, заглушая свои звуки в руках.

Цуй Югуй, сжавшийся в углу, как раненое животное, спросил едва слышным голосом:

— Что это было? Что они еще делают?

— Они взрывают двери сейфов, чтобы получить доступ к последним сокровищам. Или, может быть, они уже начинают сжигать здания более систематически. Порох ускоряет работу разрушения.

— Сколько это продлится? Сколько дней этого кошмара мы должны выдержат?

Ань Дэхай не хотел говорить правду — что это может длиться недели — но лгать было бесполезно.

— Я не знаю точно. Дни, конечно. Пока они не возьмут все, что хотят, все, что могут унести. Пока не останется ничего, что стоит красть. Пока даже руины не станут руинами.

Во влажной темноте Ань Дэхай закрыл глаза и попытался вспомнить дворец таким, каким он был. Это было болезненное упражнение, но необходимое. Он должен был выгравировать эти образы в своей памяти, прежде чем они исчезнут, прежде чем ужас настоящего полностью сотрет красоту прошлого.

Он вспомнил сады весной, когда персиковые деревья были в цвету и воздух пах медом и лепестками. Он вспомнил павильоны на закате, их золотые крыши сияли в угасающем свете. Он вспомнил летние вечера, когда Император организовывал поэтические концерты у озера, фонари плавали на воде, как упавшие звезды. Он вспомнил зимние утра, когда снег покрывал все белым покрывалом и тишина была настолько глубокой, что можно было почти слышать, как прошлое шепчет свои секреты.

Он хотел выгравировать эти образы настолько глубоко в своей памяти, что их никогда нельзя было украсть, никогда нельзя было сжечь, никогда нельзя было полностью исчезнуть.

20 октября 1860 года, пещеры в западных холмах, вечер

Когда Ань Дэхай достиг пещер после изнурительного путешествия через холмы, направляемый точными инструкциями, которые Чэнь Миндэ оставил с первой группой, он был истощен физически и эмоционально. Его одежда была разорвана шипами, царапавшими шелковую ткань, как обвиняющие пальцы. Его ноги кровоточили в

изношенной обуви, каждый шаг был маленькой пыткой. Но он был жив. Это было все, что имело значение.

Чэнь Миндэ, охранник, нашедший это убежище, встретил его у входа в самую большую пещеру с видимым облегчением.

— Мастер Ань! Слава богу! Мы думали, ты был схвачен или хуже!

Ань Дэхай оперся о скалистую стену, отдышавшись большими болезненными глотками. Каждый вдох жег его легкие. Он больше не был в возрасте для такого физического напряжения.

— Почти. Солдаты патрулировали повсюду. Нам пришлось прятаться три раза. Но я выжил. Как остальные?

— Все здесь. Двадцать три человека, считая первую группу. У Чжан Циньлиня неприятная рана на голове — кирпич упал на него, когда он искал книги в руинах — но Гао Нян вылечила его травами, которые нашла. Он выживет. Госпожа Лю и Мэй Линь еще не вернулись из поисков.

Ань Дэхай почувствовал, как болезненно сжался желудок. Госпожа Лю. Мэй Фэн. Он надеялся, что они уже нашли девушку, что они будут здесь в безопасности.

— Сколько времени прошло?

— Они ушли этим утром с восходом солнца. Они должны были вернуться два часа назад, до полного наступления ночи.

Ань Дэхай немедленно выпрямился, несмотря на усталость, игнорируя боль в ногах.

— Я пойду их искать. Им, может быть, нужна помощь. Может быть, они нашли Мэй Фэн раненой и не могут нести ее одни.

Чэнь Миндэ схватил его за руку твердой хваткой, не оставляющей места для обсуждения.

— Нет! Ты истощен. Ты едва стоишь. Посмотри на себя — ты дрожишь от усталости. И почти ночь. Это слишком опасно. Ты никогда не найдешь путь в полной темноте, и даже если доберешься, солдаты патрулируют повсюду. У них есть факелы. Они увидят тебя раньше, чем ты увидишь их.

Ань Дэхай хотел протестовать, хотел настаивать, но знал, что Чэнь был прав. В его нынешнем состоянии, истощенный, голодный, дезориентированный, он не был бы полезен никому. Он, скорее всего, был бы обузой, а не помощью.

— Хорошо. Но если они не вернулись завтра утром на рассвете, при первом свете дня, я пойду их искать. С помощью или без нее. Я не оставляю их.

Он вошел в пещеру, его глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к полумраку. Внутри около тридцати человек ютились вокруг нескольких импровизированных костров. Атмосфера была гнетущей, наполненной дымом, который щипал глаза, и отчаянием, которое давило, как свинцовый груз. Пещера пахла влажностью, холодной землей и страхом — этот кислый запах пота, смешанный с тревогой, который нельзя замаскировать. У каждого были покрасневшие глаза, либо от едкого дыма, либо от непрекращающегося плача, вероятно, от обоих.

Ань Дэхай наблюдал за ними некоторое время, этими выжившими, которые цеплялись за жизнь чистой волей. Некоторые смотрели на огонь, не видя его на самом деле, потерянные в своих мыслях. Другие мягко качались, успокаивающее и бессознательное движение. Некоторые шептали молитвы, их губы формировали древние слова, которые утешали поколения до них.

Чжан Инхуань, старый библиотекарь, сидел в изолированном углу, все еще сжимая свои пять спасенных книг к груди, как будто это были хрупкие новорожденные,

которых он должен был защищать от мира. Он бормотал отрывки по памяти, его голос был непрерывным гипнотическим шепотом. Ань Дэхай подошел достаточно близко, чтобы услышать. Старик читал отрывок из Классика Сыновней Почтительности, затем переходил к выдержке из Аналектов Конфуция, затем к стихотворению династии Тан. Он боялся забыть, понял Ань Дэхай. Боялся, что если книги потеряны, а его память подведет, мудрость будет потеряна навсегда в пустоте.

Ван Даню, садовник, работавший с Вэй Голяном десятилетиями, смотрел на огонь пустым взглядом. Его глаза почти не мигали. Он не сказал ни слова. Ань Дэхай знал этот взгляд. Шок. Мозг, который закрывается, чтобы защитить себя от слишком болезненной реальности. Он видел тот же взгляд на лицах солдат, переживших ужасные битвы.

Сунь Яотин, молодой евнух, которого ударили в первый день, его лицо все еще было отмечено синяками, которые теперь становились желто-зелеными, сжался в другом углу, колени прижаты к груди, качаясь взад-вперед в ритмичном, успокаивающем движении. Его глаза были широко раскрыты, но не видели ничего реального мира. Он напевал колыбельную, всегда одну и ту же мелодию, снова и снова — вероятно, ту, которую его мать пела ему, когда он был ребенком и боялся темноты.

Ли Лянъин наклонился к Ань Дэхаю.

— Они в шоке. Все. Мы видели слишком много ужасов за слишком короткое время. Человеческий разум не создан для того, чтобы поглощать столько насилия, потери, разрушения за такое короткое время. Он фрагментируется, разбивается, чтобы защитить себя.

Ань Дэхай кивнул. Он сам чувствовал, как начинает устанавливаться эмоциональное онемение — эта странная диссоциация, где часть его наблюдала за всем извне, как будто эти события происходили с кем-то другим. Это была

психологическая защита от слишком болезненной реальности. Если позволить всей боли войти сразу, можно сойти с ума.

Он сел у центрального костра, чувствуя тепло на лице, как благословение после ночного холода. Он говорил достаточно громко, чтобы все могли слышать, его голос резонировал о каменные стены пещеры:

— Друзья мои, послушайте меня. Я знаю, что эти два последних дня были худшими в нашей жизни. Может быть, худшие дни, которые люди могут прожить. Я знаю, что некоторые из вас задаются вопросом, зачем продолжать, зачем выживать, когда все, что мы знали, исчезло, когда все, что придавало смысл нашей жизни, было разрушено или украдено. Когда даже наши мечты были сожжены.

Он позволил своим словам резонировать в безмолвной пещере, прежде чем продолжить. Некоторые медленно поднимали глаза на него, другие держали взгляд на земле или на танцующем пламени.

— Но я скажу вам, почему мы выживаем. Мы выживаем, потому что мы свидетели. Мы те, кто действительно знает, что произошло здесь. Не версия, которую напишут победители в своих славных журналах, чтобы оправдать свои действия. Не пропаганда, которую распространят правительства, чтобы успокоить свою совесть. Настоящая история. Наша история. История обычных людей, которые потеряли все, но сохранили свою человечность, свое достоинство, свою способность помнить и свидетельствовать.

Он встал, медленно расхаживая по пространству перед огнем, его жесты были *deliberate*, чтобы привлечь внимание.

— Мы должны оставаться едиными. Это наша сила — единственная, которая у нас еще есть. И мы должны думать практически о нашем немедленном выживании. Я

предлагаю, чтобы мы создали команды. Команда для кулинарии под руководством Ван Чангуя — ты знаешь рационы, приготовление, гигиену. Одна для безопасности и патрулей вокруг пещер под руководством Чэнь Миндэ и Чжао Хуна — вы знаете местность, у вас есть военная подготовка. Одна для поиска еды в соседних деревнях, когда это будет безопасно — но только когда солдаты уйдут, не раньше. И одна, чтобы вернуться во дворец, чтобы увидеть, что происходит, спасти то, что еще можно.

Чжао Хун немедленно запротестовал, его голос поднялся до высоких нот:

— Вернуться во дворец? Зачем? Чтобы быть убитым? Мы уже видели достаточно ужасов! Вэй Голян умер ни за что! Вы хотите, чтобы мы тоже умерли за предметы?

Ли Лянъин встал рядом с Ань Дэхаем, его молодость давала ему энергию, которой у старших больше не было.

— Чтобы свидетельствовать, Чжао Хун. Мастер Ань прав. Иначе как мы узнаем, что было потеряно? Как мы сможем рассказать нашим детям, нашим внукам, что было там до разрушения? Как история узнает правду?

Ань Дэхай кивнул с благодарностью Ли Лянъину.

— Я пойду. Каждый день, пока это возможно, я буду идти наблюдать, записывать, помнить. Это моя последняя миссия.

Ли Лянъин расправил плечи.

— Я пойду с тобой. Ты не должен идти один. Две пары глаз видят лучше, чем одна, две памяти надежнее, чем одна.

Цуй Югуй, к всеобщему удивлению, также встал. Молчаливый молодой евнух, который едва говорил, который, казалось, замкнулся в себе, теперь находил мужество вызваться добровольцем.

— И я тоже. Я должен что-то делать. Я не могу просто оставаться здесь и ждать, сгорать изнутри, сходить с ума от

сидения в темноте, думая обо всем, что мы потеряли. Если я могу помочь сохранить память... это лучше, чем ничего. Это лучше, чем позволить всему исчезнуть, как будто этого никогда не было.

— Спасибо. Спасибо вам обоим. Вы смелее, чем думаете. Мы пойдем вместе, будем защищать друг друга. Три вместе лучше, чем один.

Они провели следующий час, организуя жизнь в пещерах с удивительной эффективностью, которая контрастировала с окружающим отчаянием. Были сформированы команды, обязанности были точно назначены. Ван Чангуй взял на себя организацию питания и рационов, установив систему билетов, чтобы избежать споров. Чэнь Миндэ и Чжао Хун установили систему наблюдения с двухчасовыми сменами охраны, сигналами тревоги, точками бегства в случае чрезвычайной ситуации. Чжан Инхуань, наконец выйдя из своего транса, предложил начать обучать молодых — читать, писать, считать, читать классику — чтобы поддерживать их умы активными и давать им надежду на будущее, где эти знания будут полезны.

Это давало людям чувство цели, на что сосредоточиться помимо их немедленной боли. Организация была формой сопротивления хаосу, утверждением, что, несмотря ни на что, они оставались цивилизованными людьми.

Гао Нян, старая служанка, которая была придворной дамой и которая имела мягкий, материнский голос, предложила делиться анекдотами, счастливыми воспоминаниями о дворце до разрушения.

Идея была встречена с колебанием сначала, как будто воспоминание прошлого счастья делало настоящую боль еще более острой, более невыносимой. Но медленно, колеблясь, люди начали говорить. Это было как открыть давно закрытую дверь — трудно сначала, затем все легче и легче.

Ван Чангуй рассказал историю о том, как он случайно добавил соль вместо сахара в праздничный торт Императрицы. Его лицо оживилось впервые, рассказывая анекдот.

— Это было пятнадцать лет назад. Я был молод, может быть, слишком уверен в своих способностях. Мне говорили сто раз проверять ингредиенты, всегда пробовать перед подачей. Но я торопился в тот день — было так много блюд, которые нужно было приготовить для праздника. Я доверился своим привычкам. Когда Императрица взяла первый кусочек перед всем двором, я увидел, как изменилось ее лицо. Мое сердце остановилось. Я подумал, что меня казнят на месте. Мне рассказывали истории о поварах, обезглавленных за меньшее. Но она... она просто засмеялась. Большой откровенный смех, который удивил всех. Она сказала: «Это напоминает мне, что я человек, подвержен тем же ошибкам, что и все остальные. Даже императоры иногда едят соль вместо сахара». Она даже съела всю свою порцию, чтобы не опозорить меня перед другими.

Мягкий смех прошел по группе, странный и почти забытый звук в этом контексте. Было хорошо смеяться, даже слабо, даже если смех смешивался со слезами.

Гао Нян, воодушевленная реакцией, рассказала о дне, когда видела, как император Цяньлун сочинял стихотворение в саду, настолько поглощенный своим творением, что не заметил, что начался дождь, и был промокшим до нитки.

— Это был летний день, возможно, пятьдесят лет назад — я была новенькой во дворце. Император был известен тем, что сочинял стихи везде, в любое время. Когда приходило вдохновение, ничего другого для него не существовало. В тот день он сел под ивой у озера. Его слуги следовали за ним, конечно, но не смели прерывать его, когда он сочинял. Это было правилом. Когда начался дождь — сначала мелкая

морось, затем настоящий ливень — мы все остались там, мы тоже под дождем, терпеливо ожидая, когда он это заметит. Он, должно быть, оставался там полчаса, полностью сосредоточенный на своей кисти и бумаге, пока вода текла по его лицу, промачивала его императорские одежды. Наконец он поднял глаза и сказал, как будто это было великое открытие: «Смотри, идет дождь». Мы все были промокшими до нитки, дрожали от холода, но никто не засмеялся. Стихотворение, которое он сочинил — я его все еще помню — говорило о засухе и необходимости дождя для роста урожая. Может быть, небеса услышали его.

Последовали другие истории, сплетающиеся вместе сложный и красивый гобелен жизни, которая существовала во дворце. Ли Лянъин рассказал о дне, когда павлин сбегал из своего вольера и бегал по коридорам дворца, создавая комичный хаос, пока слуги и охранники пытались его поймать, не причиняя ему вреда, птица бегала между ног людей, ее цветные перья оставляли след за ней.

Сунь Яотин, наконец выйдя из своего кататонического молчания впервые, рассказал, как его мать дала ему нефритовый амулет перед тем, как он ушел во дворец в возрасте десяти лет, амулет, который он всегда носил и который теперь был единственной вещью, которой он обладал от нее.

— Она сказала мне, что пока я буду носить этот амулет, она будет думать обо мне каждый день. Что ее любовь будет путешествовать через нефрит, чтобы защитить меня. Я не знал, должен ли я верить ей — я был молод, напуган. Но я носил его каждый день в течение шести лет. И когда солдаты обыскиали нас в первый день, они забрали мое кольцо, они забрали мои монеты, но они не нашли амулет. Я спрятал его во рту. Он все еще здесь, у моей груди. Может быть, моя мать все еще думает обо мне. Может быть, она все еще жива.

Один за другим они делились своими воспоминаниями — моменты радости и печали, крошечные триумфы и неудачи, почти скучная повседневность и экстраординарные события. Первые снега, когда весь дворец превращался в сказочный пейзаж. Новогодние праздники с петардами, красными фонарями, пирами, длящимися дни. Свадьбы членов императорской семьи, великолепные церемонии, мобилизовавшие весь дворец на недели. Рождения, приносившие радость и надежду. Продвижения, вознаграждавшие годы преданной службы. Выговоры, которые унижали, но учили. Неожиданные дружбы между людьми разных рангов. Мелкие соперничества, которые казались важными тогда, но казались смехотворными теперь.

Жизнь во всей ее сложности, ее возвышенной банальности, ее обычной красоте, сведенная теперь к историям, прошептаным вокруг костра в холодной, влажной пещере. Ань Дэхай слушал все, время от времени кивая, иногда добавляя свои собственные воспоминания, сплетая индивидуальные нити в коллективный гобелен. Он думал о замечании, которое сделал ранее: сохранять не только предметы, но и истории, прожитые жизни, человечность места.

— Видите? Это то, что мы должны сохранить. Маленькие моменты, которые определяют, кем мы были. Дворец — это не только мраморные стены и золотые сокровища. Это люди, которые в нем жили, которые любили, которые усердно работали, которые мечтали, которые смеялись и плакали. Это повара, которые вставали до рассвета, чтобы приготовить еду. Садовники, проводившие часы на коленях в земле. Евнухи, проходившие километры каждый день по коридорам. Придворные дамы, которые часами вышивали. Вот это настоящая потеря. И это то, что мы еще можем спасти, вспоминая.

Приближался рассвет. Они слышали голоса у входа в пещеру. Все замерли, ужас мгновенно охватил каждого. Солдаты? Были ли они обнаружены?

Но это были госпожа Лю и Мэй Линь, появившиеся у входа, темные силуэты, вырисовывающиеся на фоне медленно светлеющего неба.

Все подпрыгнули. Госпожа Лю казалась истощенной, ее одежда была порвана и грязна, ее тщательно уложенный пучок теперь был распущен, седые волосы свисали, но она была цела, жива. Мэй Линь поддерживала ее, помогая идти, практически неся ее последние метры. Обе женщины двигались медленно, их лица несли отпечаток боли, которая выходила за пределы физического, боли, которая отмечала душу.

Ань Дэхай бросился к ним, его сердце бешено билось.

— Госпожа Лю! Слава богу! Мы так волновались! Мы собирались организовать поисковую команду на первом солнечном луче!

Она рухнула у ближайшего костра. Кто-то — Ван Чангуй — дал ей воды, которую она жадно выпила. Затем она подняла взгляд на Ань Дэхая, и он увидел в ее глазах боль настолько глубокую, настолько абсолютную, что она казалась бездонной, как колодезь, спускающийся до центра земли.

— Я нашла ее. Мою Мэй Фэн. Я нашла ее.

Ань Дэхай почувствовал, как болезненно сжалось его сердце. Он уже знал ответ еще до того, как задал вопрос. Это можно было прочесть на ее лице, в том, как опускались ее плечи.

— Где она?

Голос госпожи Лю был не более чем хриплым шепотом, сломанным болью и усталостью.

— Мертва. В руинах Павильона Гармоний. Она и восемь других девушек. Молодые девушки, все такие молодые. Они...

Ее голос полностью сорвался. Она сделала вдох, отчаянно пытаясь взять себя в руки, сохранить подобие достоинства, несмотря на пропасть боли, грозившую поглотить ее.

— Они пытались спрятаться в подвалах под павильоном. Они думали, что будут в безопасности под землей, что солдаты не подумают искать там. Но варвары подожгли здание. Они сожгли все, методично, комната за комнатой. Дым спустился в подвалы. Девушки умерли от удушья. Мы нашли их... их тела были... они прижимались друг к другу, пытаясь утешить друг друга в свои последние моменты.

Она не смогла продолжить, разрыдавшись душераздирающими рыданиями, которые, казалось, вырывали ее грудь.

Мэй Линь взяла слово решительным голосом, решив закончить рассказ, который госпожа Лю больше не могла продолжить.

— Мы их похоронили. Мы не могли оставить их там, открытыми стихиям, может быть, животным. Они заслуживали большего. Мы нашли место в саду пионов — это был любимый сад Мэй Фэн. Она ходила туда каждую весну, чтобы увидеть цветы, проводила там часы, рисуя в маленьком блокноте. У нас не было подходящих инструментов — солдаты забрали все инструменты садовников. Только наши руки и несколько кусков дерева, найденных в обломках. Но мы копали. Мы копали часами, пока наши руки не начали кровоточить, пока наши ногти не сломались. Мы дали им хотя бы это. Приличное захоронение. Место отдыха. Немного достоинства во всем этом варварстве.

Госпожа Лю достала что-то из рукава — серебряную шпильку для волос, тонко обработанную с мотивом цветов сливы. Она держала ее перед собой, как талисман, единственную материальную вещь, которая осталась от ее дочери.

— Это принадлежало моей Мэй Фэн. Я дала ей ее на ее шестнадцатилетие. Это была традиция в моей семье — матери давали дочерям шпильки для волос, когда они становились женщинами, символ их перехода во взрослую жизнь. Она всегда носила ее, даже для сна. Она говорила, что это ее талисман на удачу, что он защитит ее от всякого зла. Это все, что осталось от нее теперь. Серебряная шпилька для волос. Девятнадцать лет жизни, сведенные к этому предмету.

Она сжимала ее так сильно, что костяшки пальцев побелели, пальцы сжались, как когти.

Никто не знал, что сказать. Что можно было сказать перед лицом такой потери, такого горя? Слова казались жалкими, почти оскорбительными в своей неадекватности. Тишина растянулась, тяжелая от разделенной боли.

Наконец, Чжан Инхуань встал. Старый библиотекарь положил свои драгоценные книги с благоговением, тщательно разместив их на плоском камне. Он подошел к госпоже Лю и опустился перед ней на колени с трудом — его старые колени громко хрустели. Он начал читать буддийскую сутру о эфемерной природе жизни, об освобождении души от земного страдания, о колесе кармы и перерождении.

Древние слова наполнили пещеру, резонируя о каменные стены, создавая естественную гармонию. Это была мелодия, которая утешала бесчисленные поколения скорбящих людей, мост между живыми и мертвыми.

Когда он закончил первую сутру, другие спонтанно присоединились к нему. Некоторые читали другие сутры, которые знали. Другие читали стихи о потере и памяти. Те, кто не знал точных слов, просто напевали, создавая коллективную гармонию разделенной боли, которая превращала индивидуальное отчаяние во что-то большее, более выносимое, почти трансцендентное.

Звук был странно красивым, несмотря на свою грусть — коллективная ламентация, которая сплетала вместе все их индивидуальные потери в единую песню памяти и сопротивления забвению.

Когда тишина, наконец, вернулась, тяжелая и священная, госпожа Лю обратилась к собравшейся группе. Она вытерла слезы углом рукава. Ее лицо, хотя и опустошенное горем, показывало новую решимость, определенность, которой не было раньше.

— Спасибо. Спасибо всем за ваши молитвы, за ваше сострадание. Я теперь знаю. Я могу плакать, я могу горевать, нести свою боль, но я знаю. Я больше не разрываюсь неопределенностью. И в некотором смысле, несмотря на ужас, это лучше, чем неопределенность. Надежда — это попытка, когда больше нет причин надеяться. Теперь я могу начать принимать, даже если принятие займет остаток моей жизни.

Она посмотрела на Ань Дэхая своими покрасневшими глазами, новая интенсивность в ее взгляде.

— Мастер Ань прав. Мы должны свидетельствовать. Мы должны помнить. Моя Мэй Фэн и восемь других девушек — они не должны быть забыты. Они не должны быть просто статистикой в военном отчете, числами без лиц. У них были имена, мечты, семьи, которые любили их. Мэй Фэн хотела выйти замуж, иметь детей, может быть, стать поэтессой. Она писала красивые стихи о цветах. Все люди, которые умерли

за эти последние дни — они должны быть названы, вспомнены, почтены.

Ань Дэхай подошел к ней и взял ее руки в свои, чувствуя новые мозоли, порезы, засохшую кровь от могилы, которую она выкопала.

— Они будут. Я торжественно обещаю. Мы составим полный список всех тех, кого мы знаем, кто умер. Их имена будут сохранены, тщательно записаны, защищены. Их память будет жить, пока мы живем. И мы передадим эту память нашим детям, и они передадут ее своим. Цепь не будет разорвана.

Той ночью, когда большинство других, наконец, уснули, истощенные физически и эмоционально, Ань Дэхай оставался бодрствующим. При свете маленькой масляной лампы, которую он осторожно расположил, чтобы не беспокоить никого, он начал то, что должно было стать работой его жизни, его завещанием, его финальным вкладом в историю: Реестр Потерянных.

На листах бумаги, которые он спас из дворца — рисовая бумага превосходного качества, толстая и прочная, достаточно прочная, чтобы длиться века, если ее хорошо сохранить и защитить от влаги — он начал писать имена всех тех, кого он знал мертвыми. Он использовал свою лучшую кисть, ту, которую он восстановил из руин своего кабинета, и чернила, которые он сам смешал по традиционному рецепту, которому его учили: сажа сожженной сосны, клей животного происхождения, немного мускуса для аромата.

Каждый иероглиф был начертан с величайшей осторожностью, как молитва, выправленная в камне. Его рука двигалась медленно, *deliberate*, превращая каждое имя в форму каллиграфического искусства. Это был не просто реестр — это был памятник.

Первое имя, которое он написал:

«Вэй Голян, главный садовник Павильона Драгоценных Облаков, около шестидесяти пяти лет, родом из деревни Сяншань в провинции Хэбэй. Работал в Летнем дворце сорок семь лет. Специалист по сливам и пионам. Создал сливовую рощу у Павильона Гармоний в 1832 году — двадцать восемь лет терпеливой заботы. Женат на Даме Ван (умерла в 1855 году), трое взрослых детей, старший — фермер в Сяншань. Любил петь во время работы — в основном народные песни своей молодости. Имел репутацию разговаривать со своими растениями, как с детьми. Знал ботаническое название каждого цветка дворца. Часто говорил: Садовник сажает для будущего, для людей, которых он никогда не узнает. Убит без провокации британскими солдатами 19 октября 1860 года у Павильона Драгоценных Облаков. Его преступление: бегство, может быть, чтобы защитить свои семена. Свидетель: Ань Дэхай и четыре других. Пусть земля будет ему легка».

Затем второе имя:

«Мэй Фэн, служанка Павильона Гармоний, девятнадцать лет, единственная дочь Дамы Лю (императорская придворная дама). Родилась в Пекине пятнадцатого дня третьего лунного месяца 1841 года. Работала во дворце с четырнадцати лет. Мягкая, застенчивая, грациозная в движениях. Любила рисовать цветы, особенно пионы — заполнила три блокнота эскизами. Мечтала выйти замуж, иметь детей, может быть, стать поэтессой. Писала стихи о природе, которые иногда читала матери. Всегда носила серебряную шпильку для волос, которую мать подарила ей на шестнадцатилетие. Умерла от удушья в пожаре Павильона Гармоний 19 или 20 октября 1860 года вместе с восемью другими молодыми девушками в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Они прятались в подвалах,

думая, что в безопасности. Похоронена в саду пионов ее матерью и Мэй Линь. Пусть Будда дарует покой ее душе».

Третье имя:

«Ли Мэй, служанка, пятнадцать лет. Сирота, нет известной живой семьи. Длинные черные волосы, которые она тщательно заплетала каждое утро. Мягкий голос, застенчивый смех. Мечтала увидеть море, которого никогда не видела. Собирала отполированные камни из озера. Спряталась в шкафу в кварталах наложниц. Найдена солдатами. Изнасилована. Убита. Ее тело обнаружила госпожа Лю и ее группа. Нет семьи, чтобы оплакивать ее смерть, кроме нас, кто знал ее. Пусть Будда превратит ее страдание в мудрость в следующей жизни».

И так далее. Каждое имя сопровождалось всем, что Ань Дэхай знал или мог узнать об этом человеке — их точный возраст, если возможно, иначе оценка, их положение в дворцовой иерархии, их географическое происхождение, их семьи, их страсти, их ежедневные привычки, их речевые тики, их страхи, их радости, их мечты о будущем. Не только то, как они умерли — эта ужасная, но необходимая информация — но особенно, особенно, как они жили. Кем они были, когда были живы, дышащими, смеющимися, плачущими, любящими.

Ли Лянъин, который также не спал — как он мог спать после всего, что они видели? — пришел и тихо сел рядом с ним. Он наблюдал, как Ань Дэхай пишет несколько минут, прежде чем заговорить.

— Ты пишешь их полные истории. Не только их имена.

— Да. Потому что одних имен недостаточно. Имя без истории — это просто пустой звук. Но имя с историей — это был человек, Лянъин. Настоящий человек, который жил, который чувствовал, который внес вклад в мир по-своему. То, кем они были, а не только как они умерли. Это важно.

Это критично. Смерть универсальна, даже банальна. Все умирают, всегда, с начала времен. Но жизнь — то, как каждый человек жил, что он любил, кем он был в свои самые истинные моменты — это уникально. Незаменимо. Вот это заслуживает сохранения. Вот это делает нас людьми.

Другие, разбуженные их тихими голосами или сами не способные спать, постепенно присоединились к ним. Ван Чангуй рассказал о своем помощнике-поваре, молодом человеке по имени Лю Ян двадцати трех лет, который мечтал открыть свой собственный ресторан однажды и делал лучшие пельмени во всем Пекине — семейный секрет, передаваемый три поколения.

Гао Нян вспомнила коллегу-служанку по имени Сяо Цин, которая всегда пела во время работы, ее ясный голос резонировал в коридорах и приносил радость даже в самые трудные дни. Она была убита в первый день, схваченная, когда пыталась убежать с маленьким мешком одежды.

Сунь Яотин с грустью рассказал о друге-евнуче по имени Ван Мин, семнадцать лет, с которым он делил жилье два года. Ван Мин был схвачен в первый день, когда пытался защитить старую служанку, которая больше не могла бежать. Его больше не видели — вероятно, мертв, но без уверенности, что, возможно, было хуже, чем знать.

Они работали до поздней ночи, эти невольные хранители памяти, создавая памятник из бумаги и чернил для тех, кто никогда не сможет иметь надгробий, родовых храмов, потомков, чтобы жечь благовония в их память. Каждое добавленное имя было актом сопротивления забвению, заявлением, что эти жизни имели значение, что их потеря была важна, что они не будут стерты из истории, как будто их никогда не существовало.

Когда Ань Дэхай, наконец, положил свою кисть, его глаза горели от усталости, его рука устала от держания кисти часами, он заполнил тридцать полных страниц именами и

историями. Шестьдесят три человека. Шестьдесят три жизни задокументированы, сохранены, почтены. Это было только начало — в последующие дни будет гораздо больше. Но это было начало. Первый шаг против забвения.

21 октября 1860 года, Летний дворец

На следующее утро Ань Дэхай, Ли Лянъин и Цуй Югуй осторожно вернулись во дворец. Или скорее, к тому, что от него осталось.

Путь из пещер занимал около часа ходьбы через лесистые холмы. Они двигались осторожно, часто останавливаясь за деревьями или камнями, чтобы слушать, наблюдать, убеждаться, что поблизости нет патруля. Знакомый пейзаж казался странным теперь, преобразованным трагедией. Птицы все еще отсутствовали — их молчание было почти более оглушительным, чем было бы их пение. Маленькие животные, которые обычно бегали в подлеске, бежали на более безопасные территории. Только ветер грустно шептал в обнаженных деревьях, неся с собой стойкий и тошнотворный запах дыма.

Трансформация за четыре дня была ошеломляющей, почти невозможной для веры для того, кто не был свидетелем ежедневного прогресса. Ань Дэхай видел дворец в последний раз два дня назад. Он уже был серьезно поврежден, но узнаваем, все еще идентифицируемый как место, которое он знал. Теперь...

Там, где когда-то существовал Летний дворец во всем своем имперском великолении — сто пятьдесят гектаров тщательно ухоженных садов, более трех тысяч комнат, распределенных в сотнях взаимосвязанных зданий и павильонов, коллекции искусства, тщательно накопленные веками утонченными императорами — остался только

лунный пейзаж дымящихся руин, простирающихся насколько хватал глаз.

Целые здания полностью исчезли, поглощенные пламенем до фундамента, оставив только почерневшие квадраты на земле и одинокие дымоходы, поднимающиеся, как обвиняющие пальцы, указывающие на безразличное небо. Другие были не более чем пустыми оболочками, их великолепно раскрашенные крыши обрушились в груды разбитой черепицы, их обгорелые стены стояли шатко, грозя обрушиться при малейшем дуновении ветра. Дым плавал повсюду, как токсичный и стойкий туман, снижая видимость до нескольких десятков метров и делая каждое дыхание болезненным, раздражая глаза и горло.

Ань Дэхай пришлось остановиться на мгновение, подавленному масштабом разрушения. Его ноги отказывались нести его дальше. Он сел на камень, голова в руках, пытаясь контролировать рыдания, грозившие захлестнуть его. Вся его взрослая жизнь, посвященная этому месту. И теперь...

Ли Лянъин взял его за руку.

— Мастер, мы должны продолжать. Именно поэтому мы пришли. Чтобы видеть. Чтобы свидетельствовать.

Ань Дэхай кивнул, взяв себя в руки. Молодой человек был прав. Он вытер слезы и встал, заставляя ноги нести его.

Они двигались молча через этот апокалиптический пейзаж, как призраки, населяющие руины своей прежней жизни. Ань Дэхай делал мысленные заметки обо всем, что видел, создавая карту разрушения в своем уме — какое здание полностью исчезло, какое было частично нетронутым, где сокровища могли быть сохранены до кражи, какими путями грабители прошли. Время от времени он доставал бумагу и кисть, чтобы написать несколько быстрых наблюдений.

Они обнаружили, что британская и французская армии установили удивительно организованную систему для своего грабежа. Это не был хаос, который можно было бы представить, а военная операция, спланированная с точностью. Конкретные географические зоны были назначены различным полкам — французы контролировали в основном восточный сектор дворца, британцы — западный. Офицеры наблюдали за грабежом, ведя подробные записи, убеждаясь, что добыча справедливо распределяется между подразделениями согласно системе квот. Это делало вещь в некотором смысле более непристойной — это не был хаос разнузданных солдат, потерявших контроль, а операция, спланированная и выполненная с холодной эффективностью хорошо смазанной машины.

В том, что осталось от Павильона Моря Мудрости — наружные стены все еще стояли, но крыша полностью обрушилась, создавая пространство, открытое небу — они нашли группу британских солдат, тщательно упаковывающих буддийские бронзовые статуи. Бородатый офицер консультировался с толстой книгой, которая, казалось, была каталогом искусства, тщательно аннотируя каждый предмет заметками на английском языке, которые Ань Дэхай не мог прочесть.

Он осторожно подошел, его ноги хрустели на обломках, усеивающих пол. Офицер поднял голову и нахмурился, его рука инстинктивно двинулась к пистолету, висящему на поясе.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Это место под британским военным контролем. Китайским гражданским лицам не разрешается находиться здесь.

Английский офицера был точным, образованным, джентльмена, вероятно, из хорошей семьи.

Ань Дэхай слегка поклонился с почтением, которому научился.

— Я работал здесь. Во дворце. Я знаю эти здания, эти статуи. Я отвечал за инвентарь.

Офицер рассмотрел его с большим интересом теперь, его глаза оценивали, вычисляли.

— Вы один из евнухов дворца, не так ли? Я слышал о вашей системе. Увлекательно с антропологической точки зрения.

— Да, сэр. Я евнух. И я хотел бы поговорить с вами об этих статуях.

Офицер рассмотрел предложение мгновение.

— Хм. Вы действительно можете быть мне полезны. Можете ли вы сказать мне возраст этих бронз? Их... историческое и религиозное значение?

Ань Дэхай созерцал статуи, которые солдаты упаковывали в полотно и солому. Он хорошо знал эти священные изображения. Три главных бодхисаттвы буддизма Махаяны: Авалокитешвара, бодхисаттва сострадания, Манджушри, бодхисаттва мудрости, и Самантабхадра, бодхисаттва добродетельной практики.

— Эти статуи были созданы во время династии Тан, сэр. Около тысячи двухсот лет назад. Они были заказаны императором Тайцзуном для важного буддийского храма. Когда храм был разрушен во время великих антибуддийских преследований при императоре Уцзуне, они были спасены храбрыми монахами, рискующими своей жизнью. Они были спрятаны в пещерах десятилетиями. Они были вновь обнаружены и сохранены в императорских коллекциях. Они представляют...

Он искал слова на английском, пытаясь перевести сложные буддийские концепции на иностранный язык.

— Они представляют святые буддийские существа. Бодхисаттв. Это существа, достигшие полного

просветления, которые могли бы войти в нирвану и избежать цикла страдания, но которые выбирают остаться в мире, чтобы помочь всем чувствующим существам также достичь просветления. Очень священны для китайского народа. Миллионы людей молились перед этими статуями веками. Они представляют высшие духовные устремления нашей цивилизации.

Офицер тщательно записывал в свою книгу, его перо царапало бумагу.

— Династия Тан. Тысяча двести лет. Значительное религиозное значение. Увлекательно. Эти предметы будут отправлены в Британский музей в Лондоне. Они будут должным образом выставлены в климатической витрине, должным образом сохранены экспертами, должным образом изучены учеными. Их увидят миллионы посетителей, которые смогут оценить древнее китайское искусство. Гораздо лучше, чем оставлять их здесь, чтобы быть уничтоженными огнем или стихиями, или хуже, невежеством вашего собственного народа, который может не понимать их ценности.

Ань Дэхай почувствовал, как знакомый гнев поднимается в нем, как прилив. Он сжал кулаки, ногти вонзились в ладони.

— Вы сами поджигаете, сэр. Вы и ваши французские союзники. Вы разрушаете дворец с замечательной эффективностью. Вы говорите, что спасаете статуи от огня, который сами зажигаете. Это...

Он искал слово на английском, наконец найдя то, что идеально передавало моральную абсурдность.

— Это лицемерие худшего сорта. Это как человек, который поджигает дом, затем хвастается спасением детей из пламени, которое он создал.

Офицер явно напрягся, его лицо покраснело от гнева или, возможно, смущения.

— Мы следуем приказам лорда Элгина. Я не делаю политику Империи. Я просто солдат, выполняющий свой долг перед Королевой и Англией.

— Каждый солдат говорит именно это, сэр. «Я просто следую приказам. Я просто выполняю свой долг. Это не моя ответственность». Но кто-то должен быть ответственным за все это. Если все просто следуют приказам, не думая, не подвергая сомнению мораль этих приказов, кто действительно виноват? Как можно назвать это иначе, чем организованным бандитизмом в международном масштабе? Офицер не ответил немедленно. Он закрыл свою книгу резко и отвернулся, созерцая священные статуи, которые его люди упаковывали, как вульгарные товары.

— Этот разговор окончен. Вы можете идти. И считайте себя удачливым, что я цивилизованный джентльмен. Другие офицеры приказали бы расстрелять вас за дерзость.

Ань Дэхай поклонился с едва скрываемой иронией.

— Спасибо за вашу «цивилизацию», сэр. История рассудит, кто действительно был цивилизованным в этом деле.

Пока они отходили от разрушенного павильона, Ли Лянъин прошептал тихо, его голос была напряжена от беспокойства:

— Мастер Ань, ты слишком рискуешь, говоря так. Если ты рассердишь этих людей, они могут убить тебя без колебаний. Одного китайского евнуха больше или меньше, кому это будет важно? Никто не задаст вопросов.

Ань Дэхай продолжал идти, его спина была прямой от гнева и раненой гордости.

— Я знаю, что рискую, Лянъин. Но я не могу молчать полностью. Я не могу смотреть, как они крадут наше наследие, притворяясь, что оказывают нам услугу, что они «сохраняют» нашу культуру, крадя ее, что они «цивилизуют» нас, разрушая нашу цивилизацию. Лицемерие невыносимо.

По крайней мере, я хочу, чтобы они знали, что мы не обмануты. Что мы видим сквозь их оправдания.

— Но мы абсолютно бессильны против них физически. Наши слова ничего не меняют в реальности.

Ань Дэхай остановился и повернулся к молодому человеку.

— Физически, да, мы совершенно бессильны. У них есть винтовки, пушки, военная сила. Но морально? Морально мы выше, и я хочу, чтобы они это знали. Я хочу, чтобы они чувствовали тяжесть стыда за то, что они делают, даже если они никогда не признают этого публично, даже если они будут оправдывать свои действия в своих официальных отчетах. Я хочу посадить семя сомнения в их умах. Может быть, через десять лет, двадцать лет, когда они будут старыми и будут думать о том, что они сделали здесь, они почувствуют этот стыд. Это мало, но это все, что у меня есть в качестве оружия.

Они продолжили свое болезненное исследование разрушенного дворца. В каждом павильоне, который они посещали, одно и то же повторяющееся и душераздирающее зрелище: сокровища, тщательно упакованные для экспорта в Европу, обломки того, что было сочтено слишком обычным для кражи, но слишком красивым, чтобы оставить нетронутым, следы огня повсюду, как шрамы на истерзанном теле. Пол был усеян фрагментами, хрустящими под их ногами — кусками фарфора Мин, превращенными в бесполезные осколки, кусками сгоревших тканей, которые были императорскими одеждами, вышиваемыми месяцами, вырванными страницами древних книг, которые ветер медленно рассеивал.

Ань Дэхай иногда наклонялся, чтобы подобрать эти фрагменты. Даже фрагменты имели ценность как свидетельства, как доказательства того, что существовало.

В Большой Библиотеке видение было еще более дантовским, чем он представлял во время своего последнего визита. Интерьер теперь был полностью уничтожен. Тысячи книг были не более чем серым пеплом, поднимающимся до лодыжек и разлетающимся при малейшем дуновении ветра, кружась, как черный снег. Полки из драгоценного дерева — сандал, черное дерево, палисандр — сгорели, оставив только искореженные гвозди и деформированные от экстремальных температур железные части. Остались только несколько каменных стен, почерневшие от сажи, их поверхности потрескались от жары, как обгоревшая кожа.

Цуй Югуй наклонился и осторожно поднял наполовину сгоревшую страницу древней книги. Бумага была хрупкой, ломкой, готовой рассыпаться при слишком резком прикосновении. Еще можно было прочитать несколько иероглифов на стороне, которая ускользнула от пламени: «...мудрец понимает, что знание — это сокровище, которое нельзя украсть, богатство, которое нельзя сжечь, наследие, которое не может...» Остальное исчезло в пламени, унося с собой конец мысли.

— Это все, что осталось от этой мудрости. Тысячи лет философской мысли, сотни тысяч книг, переписанных вручную с бесконечной осторожностью, уникальных текстов, которые не существовали больше нигде в мире... сведенные к нескольким фрагментарным иероглифам на сгоревшей странице. Это как будто сожгли часть самой человеческой души.

Ань Дэхай взял страницу с величайшей деликатностью, обращаясь с ней, как со святым предметом, и поместил ее между двумя листами нетронутой бумаги для защиты.

— Даже фрагмент имеет огромную ценность. Это осязаемое доказательство. Однажды кто-то увидит это и действительно поймет масштаб того, что было потеряно здесь. Цифр в

официальных отчетах недостаточно. Нужны физические доказательства, предметы, которые можно потрогать, почувствовать, увидеть.

Они провели часы, исследуя, болезненно вспоминая, документируя все, что могли. Это была умственно и эмоционально истощающая работа. Каждый поворот раскрывал новое разрушение, новую потерю, которая добавлялась к уже невыносимой тяжести. Но они упорствовали, движимые чувством долга, которое выходило за рамки немедленной боли.

В полдень, полностью истощенные, они сели у озера Куньмин, чтобы отдохнуть несколько минут. Озеро, когда-то кристально-голубое, настолько чистое, что можно было видеть рыб, плавающих на несколько метров в глубину, теперь было покрыто толстым слоем плавающих обломков. Предметы, которые грабители сочли слишком тяжелыми, слишком громоздкими или недостаточно драгоценными для транспортировки, грустно плавали на мутной воде: куски резной деревянной мебели, на создание которой ушли месяцы, фрагменты фарфора, которые были великолепными вазами, разорванные одежды, которые тащились, как трупы, сломанные декоративные панели. Несколько карпов кои, тех, что чудом пережили хаос, медленно плавали между обломками, их движения были дезориентированными и вялыми, как будто они тоже были в шоке.

Ли Лянъин созерцал водное бедствие.

— Это было так роскошно раньше. Я помню летние праздники, когда я только начал работать здесь. Лодки-драконы на озере, их корпуса, раскрашенные в красное и золотое, славно блестели на солнце. Гребцы пели в ритме. Мраморные мосты, пересекавшие воду, как твердые радуги. Павильоны, отражающиеся в спокойной воде, как совершенные картины, настолько ясные, что нельзя было

отличить реальное от отражения. Фонари ночью, плавающие на воде, как звезды, упавшие с неба. Розовые лотосы летом, покрывающие поверхность ковром живых цветов. А теперь... это кладбище. Открытое кладбище для мертвой цивилизации.

Ань Дэхай мог только медленно кивнуть. Слова не хватало. Любое описание казалось неадекватным перед лицом этой полной devastation.

Вдруг Цуй Югуй напрягся, дискретно указывая пальцем.

— Смотрите. Там, в руинах. Кто-то движется.

Они увидели человеческий силуэт, осторожнодвигающийся между обломками соседнего павильона, поднимающий камни и куски дерева, ищущий что-то отчаянными жестами.

— Кто-то еще остался или вернулся. Другой выживший, может быть. Мы должны пойти посмотреть. Может быть, им нужна помощь. Может быть, они ранены.

Они осторожно приблизились, стараясь не испугать человека слишком резко. Силуэт оказался молодой женщиной, одетой в грязные и разорванные лохмотья, которые, возможно, были одеждой служанки. Ее лицо было испачкано черной сажей, волосы в беспорядке, грубо связаны. Она искала что-то среди обломков с почти маниакальной решимостью, поднимая камни, несмотря на руки, кровоточащие от многочисленных порезов.

Ань Дэхай мягко прокашлялся, чтобы сигнализировать об их присутствии, не испугав ее.

Женщина резко обернулась, испуганная, ее глаза расширились, как у загнанного зверя. Затем, увидев, что они китайцы, что их одежда указывала, что они были слугами дворца, а не солдатами, она, казалось, слегка расслабилась, хотя недоверие оставалось явно видимым в ее взгляде и в напряжении ее тела.

— Кто там? Вы не военные?

— Нет. Мы слуги дворца. Мы жили и работали здесь до... до всего этого. Кто ты?

Женщина колебалась долгое время, прежде чем ответить.

— Меня зовут Цинь Юэ. Я была служанкой в Павильоне Гармоний, как моя младшая сестра. Когда пришли солдаты четыре дня назад — или это пять теперь? Я потеряла счет времени — я спряталась в подземных кухнях. Там была секретная кладовая для аварийных запасов, о которой мало кто знал. Узкое, темное, влажное пространство. Я оставалась там два полных дня без еды и воды, слишком испуганная, чтобы выйти даже для питья. Я просто ждала, что они найдут меня и убьют.

— Подземные кухни. Конечно. Вот как ты пережила пожар в павильоне. Огонь не мог спуститься туда. Тебе повезло в твоём несчастье.

— Повезло? Я все слышала два дня. Каждый крик, каждую мольбу, каждый выстрел. Крики моих подруг, когда солдаты нашли их. Треск огня, пожирающего здание над моей головой. Балки, обрушивающиеся. Стены, рушащиеся. Два дня я была одна в абсолютной темноте, испуганная, не смея выйти, слушая, как разрушается весь мой мир над моей головой. Иногда я слышала французские или английские голоса прямо над головой, отделенные от меня несколькими сантиметрами дерева. Это было как быть в аду, погребенной заживо в могиле. Может быть, умереть быстро было бы легче, более милосердно.

Ань Дэхай немедленно понял эту боль. Иногда выживание было бесконечно труднее, чем смерть. Выжившие несли тяжесть всего, что видели, всех тех, кого не смогли спасти.

— Ты жива. Это то, что имеет значение сейчас. Что ты ищешь здесь?

Глаза Цинь Юэ наполнились слезами, которые свободно текли, прокладывая чистые борозды на ее грязных щеках.

— Мою сестру. Мою младшую сестру, Цинь Мэй. Ей было всего пятнадцать лет. Она тоже работала здесь, в садах. Она любила цветы, проводила часы, рисуя их. Мы должны были встретиться у нефритового моста в первый день, когда все началось. Это была наша точка встречи в случае чрезвычайной ситуации — мы решили это вместе, когда услышали о приближении иностранных армий. Но я так и не нашла ее в тот день. Все произошло слишком быстро. Я отчаянно надеюсь, что она сбежала, что она бежала в деревню, что она где-то в безопасности. Но если она не смогла... если она все еще где-то здесь... я должна знать. Я не могу уйти, не зная. Это моя младшая сестра. Я вырастила ее после смерти наших родителей. Она вся моя семья.

Ань Дэхай немедленно подумал о госпоже Лю и ее отчаянных поисках дочери Мэй Фэн. Он знал интимно, насколько важно было знать, даже когда новости были худшими из возможных. Неопределенность была особенно жестокой формой пытки, которая никогда не кончалась, которая разьедала душу день за днем.

— Пойдем с нами. Мы поможем тебе искать твою сестру. Вчетвером мы покроем гораздо больше территории, быстрее и эффективнее.

Они провели следующие два часа, ища в руинах сектора нефритового моста, снова и снова зовя имя Цинь Мэй, осторожно поднимая обломки, исследуя каждый уголок, где кто-то мог спрятаться или упасть раненым. Это была опасная и изнурительная работа — нестабильные структуры постоянно грозили обрушиться, обгорелые балки висели шатко, и всегда был риск встретить враждебные патрули солдат. Но они упорствовали, движимые отчаянной надеждой Цинь Юэ и своей собственной человечностью, отказывающейся сдаваться.

У того, что было нефритовым мостом — теперь просто кусками разбитого белого камня, разбросанными по земле, как остатки гигантского скелета — Цуй Югуй что-то нашел. Он немного отдалился от группы, исследуя зону, которую другие еще не покрыли.

— Здесь! Идите быстро!

Было тело. Или скорее, человеческие останки, почти неузнаваемые, обугленные огнем до такой степени, что больше нельзя было различить черты, возраст, даже пол. Огонь все поглотил, превратив человека в черную и скукоженную форму. Но рядом с останками, наполовину погребенный в сером пепле, был металлический предмет — серебряная брошь, которая сопротивлялась пламени благодаря металлу.

Цинь Юэ упала на колени, как будто ее ноги внезапно перестали держать ее. Она подняла брошь дрожащими руками, поворачивая ее во всех направлениях, рассматривая под всеми углами. Она держала ее перед собой, глядя на предмет, как будто могла прочесть в нем всю трагическую историю своей сестры.

— Это брошь Мэй. Я бы узнала ее из тысячи. Я подарила ей ее на ее четырнадцатилетие в прошлом году. Мы сэкономили месяцы, чтобы купить ее. Она представляет бабочку — Мэй так любила бабочек. Она говорила, что они символизировали трансформацию, надежду. Она никогда не снимала ее, даже для сна.

Ее голос был странно спокойным сначала, как будто шок опустошил все эмоции. Затем реальность ударила ее, как разбивающаяся волна. Она полностью рухнула в душераздирающих рыданиях, сжимая брошь к груди, качаясь взад-вперед.

— Ей было всего пятнадцать лет. Пятнадцать лет. Вся жизнь впереди. Столько вещей, которые она хотела сделать. Она

хотела выйти замуж, иметь детей, может быть, стать главным садовником. Она так любила петь — у нее был самый красивый голос, который я когда-либо слышала, ясный, как родниковая вода. Она рисовала цветы с экстраординарным талантом. Она хотела увидеть море, которого никогда не видела. А теперь... теперь остались только брошь и пепел. Это все. Целая жизнь, сведенная к этому.

Она опустилась на колени у обугленных останков и плакала, ее плечи сотрясались от глубоких рыданий. Ань Дэхай и другие позволили ей оплакивать, стоя на почтительном расстоянии, формируя защитный круг вокруг нее. Некоторые боли были слишком глубокими, чтобы делиться ими, слишком личными, чтобы прерывать их неловкими словами утешения. Иногда все, что можно было сделать, это присутствовать, свидетельствовать о чьей-то боли.

После долгого момента — может быть, пятнадцать минут, может быть, час, время, казалось, остановилось в этом месте смерти — Цинь Юэ медленно встала. Ее лицо было маской трагической решимости, несмотря на слезы, которые продолжали течь.

— Мы должны ее похоронить. Я не могу оставить ее так. Она заслуживает лучшего. Она заслуживает приличного захоронения, даже простого. Она была хорошей девочкой, трудолюбивой, доброй ко всем.

Они нашли подходящее место в том, что было садом слив, теперь опустошенном пространстве, где деревья были не более чем обугленными стволами. Цинь Юэ объяснила, вытирая слезы, что это было любимое место Цинь Мэй во всем дворце — она приходила сюда каждую весну, чтобы увидеть цветы сливы, сидя часами под цветущими деревьями, тщательно рисуя ветви и цветы в блокноте, который она всегда бережно хранила при себе.

Без подходящих инструментов им пришлось копать голыми руками и кусками дерева, найденными в обломках. Земля

была твердой, спрессованной, полной камней и корней. Их руки быстро покрылись болезненными волдырями, которые лопались, затем кровоточили, но они продолжали, движимые уважением к мертвым и состраданием к Цинь Юэ. Приличное захоронение, маленький кусочек человеческого достоинства.

Когда это было закончено — яма около метра глубиной, не идеальная, но достаточная — они осторожно поместили останки в землю со всей почтительностью полной похоронной церемонии. Цинь Юэ расположила тело с бесконечной осторожностью, шепча мягкие и успокаивающие слова по-китайски, как будто ее сестра все еще могла ее слышать. Затем она поместила серебряную брошь на то, что было грудью ее сестры, последний подарок, последнюю связь.

— Прощай, младшая сестра. Сяо Мэй. У тебя была такая короткая, такая трагически короткая жизнь. Всего пятнадцать лет на этой земле. Но ты была хорошей, доброй и мягкой, и ты заслуживала гораздо лучшего конца, чем этот ужасный. Ты заслуживала состариться, выйти замуж, как мечтала, иметь детей, которых хотела, стать великим садовником, которым могла бы быть. Ты заслуживала увидеть море, путешествовать, петь свои песни. Мне жаль. Мне так, так жаль, что я не смогла тебя защитить. Я обещала тебе всегда заботиться о тебе после смерти наших родителей, и я не справилась. Прости меня.

Они медленно покрывали могилу землей. Затем они поместили плоские камни сверху, чтобы отметить и защитить ее. Это было немного — не резное надгробие с элегантными иероглифами, не сложная буддийская церемония с монахами, поющими сутры, не родовая табличка в храме — но это было идентифицируемое место отдыха. Место, куда Цинь Юэ могла бы вернуться, чтобы почтить свою сестру, поговорить с ней, поддерживать связь.

Ань Дэхай достал свою драгоценную бумагу и кисть. Он писал с особой осторожностью: «Цинь Мэй, помощница садовника, пятнадцать лет, сестра Цинь Юэ, родом из Тяньцзиня. Работала в садах Летнего дворца с четырнадцати лет. Специализировалась на декоративных цветах. Особенно любила пионы и сливы. Великолепно пела — голос ясный и чистый. Рисовала цветы с замечательным талантом. Мечтала выйти замуж, иметь детей, увидеть море. Всегда носила серебряную брошь в форме бабочки, подаренную сестрой. Умерла у нефритового моста во время вторжения, вероятно 18 или 19 октября 1860 года, сожженная пожарами, зажженными вторгшимися войсками. Похоронена в саду слив, ее любимом месте, ее сестрой Цинь Юэ и тремя свидетелями: Ань Дэхаем, Ли Лянъином, Цуй Югуем. Пусть земля будет ей легка. Пусть ее душа найдет покой. Пусть бабочки, которых она так любила, направят ее дух к лучшему существованию».

Цинь Юэ смотрела, как он пишет, с выражением глубокой благодарности, выходящей за рамки слов.

— Что ты делаешь точно?

— Я веду подробный реестр. Всех тех, кто умер в этой резне. Чтобы их имена никогда не были забыты, чтобы через сто лет, через тысячу лет люди знали, что Цинь Мэй существовала, что она жила, что у нее были мечты и таланты, что она имела значение.

Новые слезы потекли по щекам Цинь Юэ, но на этот раз они были другими. Не только чистое горе, но и благодарность, может быть, даже крошечное облегчение.

— Спасибо. Спасибо за то, что помнишь о ней. За то, что помнишь о нас всех. Иногда мне кажется, что мы настолько незначительны, что никто не вспомнит, что мы когда-либо существовали.

— Каждая жизнь имеет значение. Каждая смерть имеет значение. Могущественные напишут официальную историю со своими великими событиями и договорами. Но маленькие истории, обычные жизни — вот что действительно раскрывает цивилизацию. Вот что показывает, кем мы действительно были. И я отказываюсь позволить этим историям исчезнуть.

— Ты пойдешь с нами теперь? Мы нашли убежище в пещерах на холмах на западе. Это немного — холодно, влажно, неудобно — но безопасно, вдали от солдат. Там другие выжившие, разделенная еда, подобие сообщества. Ты не должна оставаться здесь одна. Это небезопасно, и это больше не место для живых.

Цинь Юэ бросила последний долгий взгляд на могилу, которую они только что создали, запоминая точное местоположение, расположение камней.

— Да. Я пойду с вами. Я больше не хочу оставаться здесь. Это больше не дворец, который я знала и любила. Он стал гигантской могилой.

Они начали отходить, Цинь Юэ бросала взгляды назад, пока сад слив не исчез из виду.

Они слышали новый звук — регулярный, ритмичный грохот. Они спрятались за разрушенной стеной и осторожно наблюдали.

Колонна британских повозок въезжала в парк, тянутые усталыми лошадьми. Их должно было быть около пятидесяти. Повозки были пусты по прибытии. Но Ань Дэхай догадывался, что они будут заполнены украденными сокровищами при отъезде.

— Это окончательная эвакуация. Они уносят все, что имеет ценность. Скоро действительно ничего не останется.

Они ждали, пока повозки не прошли, затем побежали к холмам, беря Цинь Юэ с собой. Позади них сумерки падали на умирающий Летний дворец.

22 октября 1860 года, прощание с дворцом

Когда солнце садилось, они собрались в последний раз у озера Куньмин.

— Летний дворец больше не существует. Но наша работа начинается. Мы хранители его памяти.

Той последней ночью они провели церемонию. Ань Дэхай прочитал все имена мертвых — девяносто три потерянные жизни.

Когда он закончил, солнце вставало. Новый день. Первый день их новой жизни.

— Давайте пойдем. К нашему будущему. Мы несем воспоминания. Однажды наши голоса будут услышаны.

Они отправились на север, к горам. Позади них руины все еще дымилась.

Но в их сердцах дворец будет жить вечно. Безмолвные свидетели стали вечными хранителями.

ГЛАВА 4 – ПУТЕШЕСТВИЕ

Порт Таку, устье реки Бэйхэ, 4 ноября 1860 года

Ящики громоздились на причале Таку. Капитан фрегата Огюст Моран созерцал их мрачным взглядом, в то время как за его спиной покачивалась «Лавина», готовая принять свой груз. Артиллерийский офицер Анри Ру, назначенный сопровождать конвой до Франции, приблизился, поправляя кепи.

— Капитан, сколько всего?

Моран сверился со своим реестром.

— Шестьдесят семь ящиков.

— Наполненных императорскими сокровищами. Предназначенными для Её Величества Императрицы.

— Украденными, вы хотите сказать.

Ру напрягся и оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что их никто не слушает. Китайские кули суетились, загружая ящики под надзором французских матросов.

— Раздел был произведён согласно ордонансу от 3 мая 1832 года. Статья 119 очень ясна...

— Избавьте меня от военного жаргона! Я читал ордонанс. Всё это может быть законным, но морально ли? Мы разграбили императорский дворец, опустошили музеи, сожгли библиотеки. И теперь мы упаковываем плоды этого грабежа, чтобы преподнести их как вульгарный подарок.

Ру стиснул челюсти.

— Генерал де Монтобан лично руководил разделом...

— По правилам? Вы были там. Вы видели солдат, которые врывались во дворцы, срывали занавеси, ломали мебель, чтобы извлечь драгоценные камни.

Ру опустил глаза. Он не мог отрицать.

— Армия решила преподнести эти предметы Императрице...

— Решила? Это генерал решил. У людей не было другого выбора, кроме как согласиться.

Шаги прервали их. Лейтенант флота Паллю подошёл к ним в сопровождении китайского мастера, который жестикულიровал, указывая на один из ящиков.

— У нас проблема. Этот ящик слишком тяжёлый. Нужно разделить его на два.

Моран приблизился. На ящике была надпись «Бронза и нефриты – Зал аудиенций».

— Что в нём?

Ру сверился со своей описью.

— Ритуальная бронза династии Шан, перегородчатые вазы, трон-паланкин... и командирский жезл Императора из зелёного нефрита.

— Нефритовый жезл? — воскликнул Паллю. — Тот, который лорд Элгин хотел для королевы Виктории?

— Нет, тот уехал с англичанами. Генерал де Монтобан зарезервировал этот второй экземпляр для Императора.

Моран покачал головой.

— Конечно. Всё должно идти парами. Как будто мы делим пиратскую добычу...

— Капитан! — запротестовал Паллю.

— О, прекратите ваш шокированный вид! Мы пираты в мундирах.

Китайский мастер терпеливо ждал.

— Хорошо. Разделите этот ящик. Но если хоть один предмет будет повреждён, это вы будете объясняться с генералом.

Моран посмотрел на север, где всё ещё поднимались столбы дыма.

— Знаете, что возмущает меня больше всего? Лицемерие. Мы называем себя цивилизованными. Мы приходим сюда, чтобы «открыть» Китай для торговли, принести ему свет европейской цивилизации. И что мы делаем? Мы грабим, мы жжём, мы убиваем. А затем мы тщательно упаковываем нашу добычу, чтобы отправить её в Париж, где она будет выставлена как трофей нашего величия.

Ру молчал. В душе он разделял беспокойство Морана. Он видел дворец до его разрушения. Залы аудиенций с потолками, украшенными шёлком, сады с изящными павильонами, библиотеки с тысячелетними рукописями.

Матрос направился к ним и отдал честь.

— Погрузка почти завершена. Мы сможем отплыть через два часа.

— Убедитесь, что все ящики надёжно закреплены. Я не хочу, чтобы они сдвинулись хотя бы на дюйм во время перехода.

Моран повернулся к Ру.

— Вы будете сопровождать этот конвой до Франции?

— Приказ лично вручить эти ящики Её Величеству.

— Готовьтесь к долгому путешествию. И молитесь, чтобы нас не застала буря.

На борту «Лавины», 8 ноября 1860 года

Ящики были загружены и надёжно закреплены в трюме и на корме. «Лавина» покинула Таку и двигалась вдоль китайского побережья в направлении Шанхая.

Ру осматривал груз. Он составил точную опись, пометив каждый ящик номером и тщательно записав его содержимое. Это было утомительно, но необходимо.

Моран присоединился к нему на палубе.

— Всё в порядке?

— Да. Шестьдесят семь ящичков, все пронумерованы и внесены в опись. Я также составил отчёт об условиях раздела.

— Смягчённый отчёт, я полагаю.

Ру не ответил. Его отчёт не упоминал ни сцен, свидетелем которых он был, ни споров между французскими и английскими офицерами.

— Я выполнил свой долг.

— Ваш долг...

Моран облокотился на поручни и уставился на море. Небо было ясным, море спокойным.

— Интересно, будут ли наши внуки судить нас сурово.

— Мы подчинялись приказам.

— Приказы... Всегда приказы. Это удобное оправдание, не так ли?

Ру нахмурился.

— Вы кажетесь очень взволнованным этим делом. Могу я спросить, почему?

Моран колебался, затем вздохнул.

— Я изучал историю. Греки, римляне, арабы... Все эти блестящие цивилизации. И знаете, что у них всех общего? Убеждение в своём превосходстве над другими. Убеждение, что их превосходство давало им право завоёвывать, грабить, разрушать.

— Мы действительно превосходим. У нас есть наука, технологии, промышленность...

— А у них цивилизация тысячелетней давности. Философы, художники, учёные. Что мы действительно знаем о Китае? Мы судим его варварским, потому что он отказывается

подчиниться нашим торговым требованиям. Но кто мы такие, чтобы судить его?

Эти вопросы были за пределами понимания Ру.

Шанхай, 24 ноября 1860 года

Остановка в Шанхае позволила пополнить запасы и проверить состояние ящиков. Ру воспользовался возможностью встретиться с французским консулом, месье де Монтиньи.

Консул принял его в своём кабинете, просторной комнате, украшенной китайской мебелью и свитками каллиграфии.

— Итак, вы поручены конвоировать добычу... простите, «подарки», предназначенные Её Величеству?

У Монтиньи была насмешливая улыбка.

— Эти предметы были разделены в соответствии с правилами, господин консул.

— Да, да. Всё совершенно законно. Но скажите мне, что думают китайцы?

Ру напрягся.

— Китайцы проиграли войну. Победителям достаётся добыча.

— Какая элегантная формула.

Консул встал и подошёл к окну. Из его кабинета был виден порт, кипящий активностью.

— Я живу в Китае пятнадцать лет. Я выучил их язык, изучил их культуру. То, что мы сделали во дворце, непростительно.

— Лорд Элгин приказал поджог, не мы. Барон Гро и генерал де Монтобан выступали против...

— О, конечно! Мы протестовали. Какая благородная позиция! Но в то же время мы позаботились о том, чтобы забрать свою долю. Шестьдесят семь ящиков.

— Это было до поджога. Раздел произошёл 7 октября. Поджог был приказан только 18-го...

— И вы думаете, что это что-то меняет? Для китайцев мы все грабители. Французы или англичане, какая разница?

Консул вернулся сесть.

— Я не делаю вам личных упрёков. Но то, что произошло, будет иметь последствия. Китайцы не забудут. Они не простят. И однажды они потребуют возмещения.

— Возмещения? Они подписали договор.

— Вы очень наивны. Договоры подписываются, но История не стирается. То, что мы сделали, останется запечатлённым в коллективной памяти Китая. И раны в конечном итоге всегда гноятся.

Он наклонился вперёд.

— Однажды Китай восстанет. Он вернёт свою мощь. И он вспомнит. Он потребует справедливости.

— Что вы мне советуете?

— Вам? Ничего. У вас есть приказы. Но ведите подробную письменную запись всего. Полной описи, условий раздела. Потому что однажды с вас спросят отчёт. Может быть, не с вас, но с Франции.

Ру кивнул.

— Я буду вести подробный дневник.

— Делайте это. И будьте честны. Будущие поколения имеют право знать, что действительно произошло.

Консул встал, давая понять, что беседа окончена.

— Счастливого пути.

Возвращаясь в порт, Ру встретил китайских купцов, которые смотрели на него с глазами, полными ненависти. Монтиньи был прав. Китайцы никогда не забудут.

В море, между Шанхаем и Сингапуром, 2 декабря 1860 года

Переход продолжался без происшествий. «Лавина» держала курс на Сингапур. Погода была благоприятной, море спокойным.

Ру взял за привычку каждый день спускаться для осмотра. Он проверял крепления, убеждался, что ни один ящик не показывал признаков влажности или порчи.

Однажды вечером он заметил, что один ящик немного сдвинулся. Это был номер 23, помеченный «Керамика и фарфор – Павильон павлинов». Он немедленно позвал старшего матроса.

— Этот ящик сдвинулся. Немедленно закрепите его заново. Старший матрос, старый морской волк по имени Бартеlemi, осмотрел ящик.

— Должно быть, ослабло от качки. Мы вернём его на место.

— Будьте осторожны. В нём фарфор династии Мин. Чрезвычайно хрупкий.

У Бартеlemi была ироническая улыбка.

— Фарфор династии Мин! И подумать только, что мы пересекаем океан с сокровищами, которые стоят целые состояния, в то время как наши ребята довольствуются своим нищенским жалованьем.

— Они получили свою долю. Сто восемьдесят франков на человека.

— Сто восемьдесят франков! Вы знаете, сколько стоит один из этих фарфоров? Тысячи франков. Десятки тысяч, может быть. Какая щедрость!

Раздел был глубоко неравным. Старшие офицеры получили десятки тысяч франков, младшие офицеры несколько тысяч, а простые солдаты едва хватило на несколько месяцев аренды.

— Закрепите этот ящик. И проверьте все остальные.

— Есть, мой лейтенант.

Бартеlemi подозвал двух матросов. Ру наблюдал за их работой несколько мгновений, затем поднялся на палубу. Солнце садилось на горизонте.

Моран ждал его на мостике.

— Проблемы?

— Ослабший ящик. Ничего серьёзного.

Моран кивнул и созерцал море.

Наступала ночь. Ру отдал честь и спустился в свою каюту. Он достал чистую тетрадь из своего сундука, обмакнул перо в чернила и начал писать.

«2 декабря 1860 года. В море, между Шанхаем и Сингапуром. Мы перевозим шестьдесят семь ящиков предметов, разграбленных в Юаньминъюане. Разграбленных. Нужно называть вещи своими именами».

Он остановился, перечитал то, что только что написал. Это был первый раз, когда он записывал то, что действительно чувствовал.

Он продолжил.

«Капитан Моран сказал мне, что История будет судить нас. Я думаю, он прав. Мы участвовали в чём-то ужасном. Мы должны взять на себя ответственность».

Он писал так в течение часа, изливая своё сердце, освобождая свои сомнения. Когда он закончил, он закрыл тетрадь и убрал её. Затем он лёг спать, странно успокоенный. Впервые он сказал правду.

Сингапур, 12 декабря 1860 года

«Лавина» бросила якорь в порту Сингапура ранним утром. Нужно было загрузить уголь, исправить небольшую течь и,

главное, проверить состояние ящиков после двух недель навигации.

Ру сошёл на берег с Мораном. Они должны были встретиться с британским губернатором, сэром Уильямом Орфёром Кавенахом. Сингапур был британским владением, и отношения между французами и англичанами были напряжёнными.

Губернатор принял их в своей колониальной резиденции с широкими верандами. Индийский слуга подал им чай.

— Господа, я получил инструкции из Лондона касательно вашего... груза.

Моран и Ру обменялись встревоженными взглядами.

— Инструкции, Ваше Превосходительство?

— Лорд Элгин лично написал моему правительству. Похоже, что некоторые предметы были разделены... скажем так, не совсем справедливо.

Ру почувствовал, как в нём поднимается гнев.

— Раздел был произведён согласно правилам, установленным обоими командованиями...

— О, я в этом не сомневаюсь. Но лорд Элгин утверждает, что некоторые вещи большой ценности были изъяты до официального раздела.

Моран резко встал.

— Это ложь! Генерал де Монтобан даже настоял на том, чтобы Королева имела первый выбор!

— Садитесь. Я вас ни в чём не обвиняю. Я просто передаю озабоченность моего правительства.

Моран сел. Ру заговорил спокойным голосом.

— Ваше Превосходительство, у меня есть полная опись нашего груза, а также подробный отчёт. Я могу показать их вам.

Кавенах сделал жест рукой.

— Это не понадобится. Я вам верю. Но поймите, что это дело деликатное. Лорд Элгин в ярости.

— Он был там! Он участвовал в выборе!

— Я знаю. Но такова политика. Лорду Элгину нужен козёл отпущения, чтобы объяснить Королеве, почему британская доля меньше ожидаемой. А французы — отличный козёл отпущения.

Кавенах отпил глоток чая.

— Я дам вам разрешение остаться у причала для ваших ремонтных работ. Но я советую вам отплыть как можно скорее. Напряжённость растёт между нашими двумя странами, и я не могу гарантировать безопасность вашего груза.

— Вы думаете, что англичане могут попытаться захватить наши ящики?

— Я ничего не думаю. Я констатирую, что некоторые британские офицеры имеют очень... резкие мнения о разделе. И что здесь есть адвокаты, которые были бы рады рассмотреть дело о реституции в колониальных судах.

Моран встал.

— Мы понимаем. Мы отплывём максимум через три дня.

— Мудрое решение. Личный совет? Не задерживайтесь в британских портах на вашем пути. Аден, Кейптаун... проходите их быстро. У лорда Элгина есть союзники по всей Империи.

Оба француза отдали честь и покинули резиденцию. На улице Моран дал волю своему гневу.

— Эти проклятые англичане! После того как сожгли дворец, после того как заставили нас присутствовать при их вандализме, вот они обвиняют нас в воровстве!

— Успокойтесь. Мы на британской территории.

— Вы правы. Вернёмся на корабль. И удвойте охрану вокруг ящиков.

Вернувшись на борт, Ру вызвал Бартелеми.

— Я хочу четырёх человек на дежурство в трюме днём и ночью. И двух человек на палубе, рядом с внешними ящиками. Вооружённых.

Бартелеми широко раскрыл глаза.

— Вооружённых? Вы ожидаете нападения?

— Англичане недовольны нашим грузом.

— А. Они хотели оставить всё себе, не так ли?

— Довольствуйтесь выполнением приказов. И выберите надёжных людей.

Той ночью Ру не мог спать. Он оставался на палубе, наблюдая за слабо освещёнными причалами. Несколько раз ему казалось, что он видит тени, крадущиеся возле корабля.

Моран присоединился к нему около двух часов ночи.

— Вы не спите?

— Я думаю о том, что сказал губернатор. Что, если англичане попытаются захватить ящики?

— Они не посмеют. Это было бы *casus belli*.

— Официально. А неофициально?

Моран вздохнул.

— Неофициально англичане ненавидят нас. Ватерлоо не так далеко в их памяти. Этот союз держится на волоске.

— Нам следует отплыть уже завтра.

— Невозможно. Течь не исправлена. Если мы выйдем в море сейчас, мы рискуем затонуть. Мы должны остаться ещё два дня. Но будьте бдительны.

Следующие два дня были испытанием нервов. Ру осматривал ящики каждые два часа, проверял охрану, всматривался в причал. Несколько раз британские офицеры

приходили бродить возле корабля, задавая вопросы, казавшиеся невинными. Моран отталкивал их вежливо, но твёрдо.

Наконец, 15 декабря утром «Лавина» смогла отплыть. Ру вздохнул с облегчением, видя, как Сингапур удаляется.

Индийский океан, 3 января 1861 года

Буря ударила в полночь. За два часа разбушевавшееся море захлестнуло палубу «Лавины». Моран приказал убрать паруса и закрепить всё, что можно было закрепить.

В трюме Ру и Бартелеми отчаянно проверяли крепления ящиков. Вода начала просачиваться, и корабль так сильно качало, что несколько ящиков грозили оторваться.

— Тот движется! — закричал Бартелеми. — Семнадцатый!

Ру бросился вперёд. Это был один из самых больших ящиков, с бронзой династии Шан. Если он оторвётся, его вес может нарушить равновесие корабля.

— Нужно закрепить его заново! Позовите людей!

Четыре матроса спустились, борясь с качкой. Они попытались пропустить новые верёвки, но корабль так сильно кренился, что работать было почти невозможно.

— Мой лейтенант! — закричал матрос. — Двадцать третий! Он опрокинулся!

Ру почувствовал, как его сердце сжалось. Ящик двадцать три содержал фарфор династии Мин, самый хрупкий из всего груза.

Он пробрался через затопленный трюм. Ящик лежал на боку, одна из его досок треснула. Через трещину он мог видеть осколки фарфора.

— Нет...

Бартелеми присоединился к нему.

— Нужно его выпрямить. Если он останется так, всё будет разбито.

Вчетвером они смогли выпрямить ящик, но вред был нанесён.

Зловещий треск раздался. Ящик тридцать два только что оторвался и скользнул к корпусу.

— Господи! Мы не справимся!

Ру осмотрелся. Десяток ящиков были в опасности.

Моран спустился в трюм, промокнувший до нитки.

— Нужно облегчить корабль! Мы набираем слишком много воды!

— Облегчить?

— Выбросить балласт за борт. У нас нет выбора.

— Но ящики...

— Если мы затонем, ящики затонут вместе с нами!

Моран отдал быстрые приказы. Люди поднялись и начали выбрасывать за борт всё, что не было необходимым: бочки, ящики с провизией, материалы.

Буря продолжалась всю ночь и часть следующего дня. Когда она утихла, «Лавина» выжила, но все были измождены.

Ру немедленно спустился в трюм. Зрелище было удручающим. Пять ящиков были серьёзно повреждены. Двадцать третий, с фарфором династии Мин, пострадал больше всего. Он открыл его с осторожностью.

Из двадцати восьми фарфоровых изделий, которые он содержал, двенадцать были разбиты вдребезги. Остальные были с трещинами или сколами.

Бартелеми присвистнул сквозь зубы.

— Тысячи франков улетели в дым.

Ру не реагировал. Он думал о том фарфоре, которому было несколько веков, который пережил столько войн, столько

династий, чтобы в конце концов быть разбитым в трюме французского корабля.

Он осмотрел другие повреждённые ящики. Семнадцатый потерял доску, но бронза казалась невредимой. Тридцать второй содержал намокшие шёлковые свитки. Сорок пятый и пятьдесят первый получили незначительные повреждения.

Он поднялся туда, где его ждал Моран.

— Итак?

— Пять повреждённых ящиков. Двенадцать разрушенных фарфоровых изделий династии Мин. Намокшие шелка. Остальное кажется целым.

Моран провёл рукой по лицу.

— Двенадцать фарфоровых изделий... Вам придётся упомянуть это в своём отчёте.

— Да.

— Императрица будет в ярости. Как и генерал.

— Это не наша вина. Это была буря...

— Вы думаете, их это волнует? Мы несли ответственность. Мы потерпели неудачу.

Ру почувствовал, как тяжесть этой ответственности обрушилась на него.

— Что нам делать с разбитым фарфором?

— Сохраните осколки. Возможно, реставратор сможет что-то сделать. Делайте точные записи.

Той ночью, один в своей каюте, Ру писал в своём дневнике. «4 января 1861 года. Индийский океан. Буря повредила пять ящиков. Двенадцать фарфоровых изделий династии Мин уничтожены. Я видел их, разбитые на куски. Эти предметы пережили века. Они украшали залы дворца, ими

восхищались императоры. А мы уничтожили их за несколько часов.

Моран утверждает, что мы потерпели неудачу. Он прав. Но разве мы не потерпели неудачу ещё до того, как покинули Китай? Эти двенадцать фарфоровых изделий — лишь дополнительный ущерб в длинном списке разрушений.

Интересно, не проклято ли это путешествие. Не несут ли эти предметы в себе проклятие. Как будто они не хотят покидать Китай. Как будто они сопротивляются.

Но это лишь суеверные мысли. Правда проще: мы перевозим украденные предметы. А украденные предметы никогда не приносят счастья».

Марсель, 22 февраля 1861 года

После нескольких месяцев плавания «Лавина» наконец вошла в марсельский порт. Это был холодный февральский день, дул сильный мистраль, но для Ру и Морана они наконец были во Франции.

Военный отряд ждал их на причале, под командованием артиллерийского полковника. Ру сошёл на берег со своим отчётом.

— Лейтенант Ру? Я полковник Дюма. Я получил приказ принять ваш груз и доставить его в Париж.

— В Париж, мой полковник? Не в Фонтенбло?

— Императрица хочет сначала увидеть предметы во дворце Тюильри. Будет частная выставка перед их окончательной установкой.

Ру протянул свой отчёт.

— Вот полная опись. Я должен сообщить вам, что пять ящиков были повреждены во время бури в Индийском океане. Двенадцать фарфоровых изделий династии Мин были уничтожены.

Лицо полковника ожесточилось.

— Уничтожены? Как?

— Буря. Мы чуть не затонули.

— Понятно. Императрице это не понравится. Этот фарфор стоил целое состояние.

— Я сохранил все осколки. Возможно, реставратор...

— Вы думаете, что можно склеить пятивековой фарфор династии Мин как обычный фаянс? Хорошо. Что сделано, то сделано. Начнём выгрузку. Я хочу, чтобы всё было в Париже через неделю.

Выгрузка заняла весь день. Ящики были перенесены на военные повозки под надёжной охраной. Полковник Дюма настоял на том, чтобы открыть каждый ящик и проверить его содержимое.

Когда они открыли двадцать третий, с разбитым фарфором, Дюма остался молчаливым, глядя на осколки.

— Какая потеря, — пробормотал он.

Он повернулся к Ру.

— Вам придётся объясняться перед генералом. И, вероятно, перед самой Императрицей.

— Я готов взять на себя свою ответственность.

— Ваша ответственность... Речь идёт о политике. О престиже империи. Эти предметы должны были продемонстрировать величие Франции. А вы позволили уничтожить их часть.

Моран, присутствовавший при сцене, вмешался.

— Лейтенант сделал всё, что было в его силах. Буря была такой силы, что мы боялись за наши жизни. Сохранение предметов было второстепенным по сравнению с выживанием экипажа.

Дюма холодно уставился на него.

— Выживание экипажа важно. Но не ценой миссии. Эти предметы были вверены вам. Вы должны были защитить их любой ценой.

— Даже с риском затонуть?

— Даже с риском затонуть.

Ру и Моран обменялись взглядами. Они теперь понимали, насколько важен был этот груз для Империи. Важнее, чем их жизни.

На следующий день повозки отправились в Париж в сопровождении кавалерийского отряда. Ру сопровождал их. Моран должен был остаться в Марселе, чтобы контролировать ремонт «Лавины».

В момент расставания два человека пожали друг другу руки.

— Удачи в Париже. Она вам понадобится.

— Спасибо за вашу поддержку во время этого путешествия.

— Я всё время критиковал, сомневался. Я, должно быть, был не очень приятным спутником.

— Вы открыли мне глаза. Вы помогли мне понять, что мы действительно сделали в Китае. Я вам за это благодарен.

— Свидетельствуйте. Когда вас спросят, свидетельствуйте. Говорите правду. Не позволяйте этой истории быть переписанной победителями.

— Я обещаю вам.

Конвою потребовалось шесть дней, чтобы достичь Парижа. Шесть дней путешествия по заснеженным дорогам, в пронизывающем холоде зимы. Ру мало спал, мучимый мыслью о необходимости столкнуться с Императрицей.

Наконец, 28 февраля вечером они вошли в Париж. Ящики были доставлены прямо во дворец Тюильри, в специально подготовленное крыло.

Дворец Тюильри, Париж, 2 марта 1861 года

Открытие ящиков началось под надзором генерала Кузена де Монтобана, графа де Паликао, только что вернувшегося из Китая. Генерал был в очень плохом настроении.

— Двенадцать уничтоженных фарфоровых изделий! — прогремел он, осматривая ящик двадцать три. — Двенадцать! Вы отдаёте себе отчёт?

— Да, мой генерал, — ответил Ру, стоя по стойке смирно. — Буря...

— Буря! Всегда одно и то же оправдание! Вам доверили императорские сокровища! А вы позволили им разбиться как вульгарной посуде!

— Мой генерал, — вмешался полковник Дюма, — Ру сделал всё, что было в его силах. Я читал отчёт капитана Морана. Они чуть не затонули.

Генерал повернулся к нему, разъярённый.

— Затонуть или нет, эти предметы должны были прибыть целыми!

— Мой генерал, — осмелился Ру, — мы спасли шестьдесят два ящика из шестидесяти семи. Остальное цело.

Генерал уставился на него сверкающими глазами.

— Шестьдесят два из шестидесяти семи? Вы думаете, что Императрица будет этим довольна? Она ожидает полную коллекцию! Совершенную! А вы приносите ей разбитые куски!

Он повернулся спиной и сделал несколько шагов, пытаясь успокоиться.

— Где другие повреждённые ящики?

Ру показал их ему. Семнадцатый с его целой бронзой, несмотря на сломанную доску. Тридцать второй с его намокшими шелками. Сорок пятый и пятьдесят первый с их незначительными повреждениями.

Монтобан молча осмотрел каждый ящик. Наконец, он вздохнул.

— Бронзу можно очистить. Шелк тоже, возможно. Но фарфор... это невосполнимая потеря.

Он повернулся к Ру.

— Вы сохранили осколки?

— Да, мой генерал. Все.

— Хорошо. Я позову реставратора. Посмотрим, что он может сделать.

Офицер вошёл и отдал честь.

— Мой генерал, Её Величество Императрица желает увидеть предметы. Она будет здесь через час.

Монтобан немедленно выпрямился.

— Через час! Быстро! Нужно расставить самые красивые вещи! Полковник, принесите столы, витрины!

В зале началось безумие. Ящики открывались один за другим, из них осторожно извлекались предметы. Перегородчатые вазы, сверкающие многоцветными эмалями. Зелёные и белые нефриты, прозрачные как вода. Ритуальная бронза, покрытая древней патиной. Шелка, вышитые драконами и фениксами.

Ру манипулировал каждой вещью со смесью почтения и вины. Эти чудеса были вырваны из их дворца. Они должны были быть там, в Китае, а не здесь в зале дворца Тюильри.

Знаменитый фотограф Эжен Дисдери прибыл со своим оборудованием.

— Расставьте керамику здесь. Бронзу там. А нефриты в центре.

Пока он устанавливал свой аппарат, Ру наблюдал за ним. Эти фотографии запечатлеют этот момент. Они послужат доказательством.

— Вот, — сказал Дисдери довольный после того, как сделал несколько снимков. — Теперь, если бы вы могли расставить вазы иначе...

Генерал вмешался.

— У нас нет времени. Императрица прибывает. Убирайте своё оборудование.

Дисдери нехотя подчинился. Несколько минут спустя в коридоре послышались голоса. Шаги, голоса. Затем дверь открылась.

— Её Величество Императрица Евгения!

Все встали по стойке смирно. Евгения вошла в сопровождении нескольких фрейлин и камергеров. Она была в шёлковом платье цвета морской воды, которое контрастировало с её каштановыми волосами.

Она остановилась на пороге, созерцая предметы, расставленные в зале. Её лицо оставалось бесстрастным, но Ру показалось, что он увидел проблеск восхищения в её глазах.

— Генерал, подойдите.

Монтобан шагнул вперёд и низко поклонился.

— Ваше Величество, я имею честь представить вам предметы, которые Восточная армия пожелала преподнести вам в знак признательности.

Евгения двинулась вперёд, осматривая каждый предмет. Она остановилась перед перегородчатой вазой с изображением драконов.

— Они великолепны. Совершенно великолепны.

— Эта ваза датируется эпохой императора Цяньлуна, XVIII века...

— Я знаю, что это такое, генерал. Я изучала китайское искусство.

Она продолжила осмотр, останавливаясь перед каждой вещью, иногда задавая технические вопросы, на которые генерал отвечал с почтением.

Наконец, она подошла к открытому ящику, содержащему осколки разбитого фарфора.

— Что это?

Генерал бросил на Ру злобный взгляд.

— Ваше Величество, произошёл... инцидент во время транспортировки. Буря...

— Разбитый фарфор династии Мин. Сколько?

— Двенадцать, Ваше Величество.

— Кто отвечал за транспортировку?

Ру шагнул вперёд и поклонился.

— Я, Ваше Величество. Лейтенант Анри Ру, артиллерийский офицер.

Евгения уставилась на него своими зелёными глазами, пронзительными как лезвия.

— Объяснитесь.

Ру сглотнул.

— Ваше Величество, мы попали в бурю исключительной силы в Индийском океане. Корабль так качало, что несколько ящиков оторвались, несмотря на наши меры предосторожности. Мы сделали всё возможное...

— Всё ваше возможное явно было недостаточным.

— Ваше Величество, — вмешался Монтобан, — капитан корабля подтвердил, что буря...

— Мне всё равно на бурю, генерал! Этому фарфору было пять веков. Они пережили войны, революции, целые династии. А этот человек позволил им разбиться за несколько часов!

Ру почувствовал, как в нём поднимается гнев.

— Ваше Величество, этот фарфор никогда не должен был покидать Китай. Их место было во дворце. Мы вырвали их. Мы украли их.

Мёртвая тишина упала на зал. Несколько офицеров широко раскрыли глаза, в ужасе. Генерал покраснел от ярости.

— Лейтенант! Как вы смее...

Но Евгения подняла руку, заставив его замолчать. Она приблизилась к Ру, пристально глядя на него.

— Украли, говорите вы?

— Да, Ваше Величество. Украли. Разграбили. Вырвали. Эти предметы нам не принадлежат.

— Они теперь принадлежат Франции. По праву завоевания.

— Является ли право завоевания настоящим правом? Или это просто закон сильного, замаскированный под законность?

Монтобан взорвался.

— Достаточно! Вы под арестом! Стража!

— Нет. Пусть говорит. Продолжайте. Скажите мне, что вы действительно думаете.

Ру колебался. Это был решающий момент. Он мог замолчать, извиниться, спасти свою карьеру. Или он мог сказать правду.

Он подумал о капитане Моране. О его словах: «Свидетельствуйте. Говорите правду».

— Ваше Величество, я был там. Я видел дворец до его разрушения. Это было... неописуемо. Чудо. А мы его разграбили. Мы опустошили его залы как воры. Мы дрались друг с другом за самые ценные вещи. Я видел солдат, ломающих мебель, чтобы извлечь камни. Я видел китайских кули, завершающих грабёж после нашего ухода. А потом англичане всё сожгли. Всё. Библиотеки, архивы, павильоны. Тысячелетние сокровища превратились в пепел.

Он продолжил более тихим голосом.

— Эти предметы, которые здесь, — всё, что осталось. Всё, что осталось от необыкновенного дворца. А мы его уничтожили. Из гордости. Из алчности. Из варварства.

Тишина была абсолютной. Евгения продолжала смотреть на него.

— Вы думаете, что мы варвары?

— Я думаю, что мы вели себя как варвары. Да.

Евгения отвернулась и сделала несколько шагов. Когда она повернулась обратно, её лицо смягчилось.

— У вас есть смелость. Или безрассудство. Возможно, и то и другое.

Она приблизилась к столу, на котором покоился белый нефрит, вырезанный в форме дракона.

— Вы думаете, что я не знаю, откуда эти предметы? Вы думаете, что я не знаю, что произошло в Китае?

— Я... я не знаю.

— Я знаю, что сделал лорд Элгин. Я знаю, что барон Гро выступал против. Я знаю, что генерал Кузен де Монтобан отказался участвовать в поджоге.

Она погладила нефрит.

— Я также знаю, что эти предметы — плод грабежа. Вы не первый, кто мне это говорит. Виктор Гюго лично написал мне резкое письмо.

— Виктор Гюго?

— Да. Из своего изгнания на Гернси. Он называет нас бандитами. Ворами. Именно те слова, которые вы только что употребили.

Она повернулась к нему.

— Но что вы хотите, чтобы я сделала? Чтобы я вернула эти предметы в Китай? Армия преподнесла их мне. Если я

откажусь от этого подарка, я дискредитирую всю экспедицию. Я оскорблю честь наших солдат.

— Честь? Какая честь в грабеже дворца?

Евгения вздохнула.

— Вы молоды. Вы видите мир чёрно-белым. Но имперская политика состоит из оттенков серого. Из компромиссов. Из необходимостей.

Она сделала жест, охватывающий все предметы.

— Эти предметы останутся во Франции. Они будут выставлены в Фонтенбло, в музее, который я создам. Китайский музей. Где люди смогут любоваться ими, изучать их. Разве это не лучше, чем оставить их гнить в руинах сожжённого дворца?

— Англичане сожгли дворец. Не китайцы.

— Я знаю. И я сожалею об этом. Но зло сделано. Дворца больше нет. Эти предметы — всё, что от него осталось. И они останутся здесь, во Франции, где они будут сохранены.

Ру хотел запротестовать, но Евгения подняла руку.

— Я признаю ваши сомнения. Я даже уважаю их. Но поймите моё положение. Я Императрица Франции. Мой долг перед Францией, а не перед Китаем.

Она повернулась к Монтобану.

— Генерал, сколько времени потребуется, чтобы перевезти всё это в Фонтенбло?

— Неделя. Время, чтобы всё упаковать и подготовить залы.

— Сделайте это. И наймите лучшего реставратора, которого вы сможете найти, для разбитого фарфора. Я хочу, чтобы их восстановили, даже несовершенно.

Она бросила последний взгляд на Ру.

— Что касается вас, вы не под арестом. Напротив. Я хочу, чтобы вы руководили установкой предметов в Фонтенбло.

Вы сопровождали их из Китая, вы сопроводите их до их окончательного места назначения.

— Но...

— Это приказ. И, возможно, наказание. Или награда. Я не знаю. У вас будет достаточно времени подумать об этом, пока вы будете организовывать мой китайский музей.

С этими словами она покинула зал. Как только она ушла, генерал повернулся к Ру, разъярённый.

— Вы идиот! Вам повезло, что у Императрицы есть снисходительность!

— Я лишь сказал правду.

— Правда! При чём здесь правда? Мы в политике! Правда — это то, что Император решит, что она есть!

— Правда существует независимо от того, что решает Император.

Монтобан уставился на него, затем покачал головой.

— Вы невозможны. Идите. Готовьтесь к Фонтенбло. И на этот раз постарайтесь ничего не разбить.

Замок Фонтенбло, 12 марта 1861 года

Замок Фонтенбло величественно возвышался в мартовском холоде. Ру прибыл три дня назад, чтобы руководить подготовкой залов, которые примут китайский музей.

Императрица выбрала первый этаж Большого павильона. Четыре просторных зала будут преобразованы в музей: передняя, большой салон, иногда называемый «салон озера», салон-галерея и лаковый кабинет.

Ру стоял в большом салоне в компании имперского архитектора, месье Лефюэля, и декоратора, месье Руссо.

— Императрица желает декор, который подчеркнёт предметы, не подавляя их, — объяснял Лефюэль. —

Малиновые занавеси, позолоченная обшивка, но в сдержанном стиле.

— Витрины для самых хрупких вещей, — добавил Руссо. — И угловые полки для фарфора.

Ру слушал рассеяннo. Он думал о предметах, которые скоро заполнят эти залы.

— Лейтенант? Вы слушаете?

Ру вздрогнул.

— Простите. Я был... в другом месте.

— Я говорил, что большой салон представит главные вещи: перегородчатые вазы, большую тибетскую ступу, ритуальную бронзу.

— Ступа. Вы имеете в виду латунную позолоченную ступу с бирюзой?

— Именно. Это впечатляющая вещь. Она будет центральным экспонатом салона.

Ру помнил эту ступу. Он видел её во дворце, в храме. Монахи молились перед ней. Это был священный предмет. А теперь он станет декоративной вещью.

— А лаковый кабинет?

— Кабинет будет посвящён самым ценным вещам. Нефриты, горный хрусталь, драгоценности. Мы также установим там китайские лаковые панели XVIII века на стены.

— Лаковые панели? Откуда они?

— Из личной коллекции Императрицы. Они происходят из старинных ширм.

— Так что предметы, также украденные из Китая.

Лефюэль нахмурился.

— Простите?

— Ничего. Продолжайте.

В последующие дни Ру руководил установкой мебели и витрин. Ремесленники работали день и ночь, чтобы всё было готово к прибытию предметов.

Реставрационная мастерская, 15 марта 1861 года

Однажды днём, пока он осматривал работы, вошёл пожилой человек с чемоданчиком.

— Лейтенант Ру? Я мастер Дюбуа, реставратор. Императрица поручила мне осмотреть разбитый фарфор.

Ру провёл его в соседнюю комнату, где были сложены ящики. Он открыл ящик двадцать три.

Мастер Дюбуа осмотрел осколки, поворачивая их в руках, поднося к свету. Это был человек с лицом, отмеченным десятилетиями, проведёнными в наклоне над хрупкими предметами. Его пальцы, узловатые, но точные, манипулировали фрагментами с бесконечной деликатностью.

— Хм. Фарфор династии Мин, эпоха Сюаньдэ, если не ошибаюсь. XV век.

— Вы можете их восстановить?

Дюбуа медленно покачал головой.

— Восстановить, нет. Склеить, возможно. Но они никогда не вернут своё первоначальное состояние. И их ценность будет значительно снижена.

— Императрица хочет, чтобы их восстановили.

— Я сделаю всё возможное. Но это будет видно. Трещины останутся заметными. И нескольких осколков не хватает.

— Осколков не хватает?

— Да. Посмотрите на этот фарфор.

Дюбуа осторожно поднял фрагменты большой сине-белой чаши. Он разложил их на столе как неполную головоломку.

— Не хватает как минимум трёх фрагментов. Вероятно, потерянных во время бури, выброшенных из ящика.

Ру наклонился. Дюбуа был прав. Части не складывались полностью. В узоре появлялись пустоты.

— Что вы можете сделать без этих фрагментов?

— Восстановить общую форму. Но недостающие части останутся пустыми. Если только вы не хотите, чтобы я заполнил их смесью и краской. Я мог бы воссоздать узор, имитировать глазурь. Издалека никто не заметит разницы.

Ру смотрел на осколки, разложенные на столе. Мысль о фальсификации, о создании иллюзии полноты, внезапно отвратила его.

— Нет. Никакой фальши. Если они должны остаться разбитыми, пусть останутся разбитыми. По крайней мере, это будет честно.

Дюбуа поднял глаза, удивлённый.

— Это необычно. Большинство коллекционеров предпочитают красивый вид аутентичности. Они хотят, чтобы их вещи выглядели совершенными, даже если это совершенство фиктивно.

— Я не коллекционер. Я просто человек, который пытается не добавить ложь к краже.

Реставратор долго смотрел на него, затем кивнул с выражением, похожим на уважение.

— Знаете, в японской традиции практикуют кинцуги. Это техника восстановления разбитой керамики.

— Не знаю.

— Когда керамика разбивается, они склеивают части лаком, смешанным с золотой пудрой. Трещины становятся золотыми, видимыми, принятыми. Они не скрыты, но возвеличены.

Дюбуа погладил пальцем одну из трещин.

— Почему они так делают? Потому что разлом — часть истории предмета. Скрывать его означало бы отрицать его прошлое. Делая его золотым, они превращают его в нечто прекрасное. Шрам, который становится украшением.

Ру подошёл к столу, где выстраивались фрагменты двенадцати фарфоровых изделий, находящихся на рассмотрении.

— Императрица хотела, чтобы вы их восстановили. Но, возможно, она ошибается. Возможно, нам следует оставить их разбитыми.

— Чтобы показать вашу неудачу?

— Чтобы показать правду. Эти предметы были вырваны из своего дворца, перевезены на тысячи километров, брошены в бурю. Они несут на себе следы этого путешествия. Стереть их означало бы стереть историю.

Дюбуа начал сортировать фрагменты, разделяя те, которые принадлежали каждому фарфору.

— Вы ставите меня в затруднительное положение, лейтенант. Я получил приказ восстановить их в меру своих способностей. Императрица ждёт результатов.

— Восстановите их. Но, как вы сказали: примите трещины. Пусть они останутся видимыми. Пусть видят, что с ними случилось.

Реставратор улыбнулся, усталой, но соучастной улыбкой.

— Знаете, что некоторые коллекционеры заплатили бы мне целое состояние за то, чтобы я идеально скрыл эти трещины? Они хотят иллюзию совершенства. Фарфор династии Мин «восстановленный Дюбуа», где не видно, где были трещины, стоит вдвое дороже на рынке.

— Императрица не обычный коллекционер.

— Нет, действительно. Она образованна, чувствительна. Возможно, она поймёт, что вы пытаетесь сделать.

Дюбуа взял один из фрагментов и поднял его к свету, входящему через окно. Кобальтовый синий сиял, глубокий и чистый.

— Посмотрите на этот синий. Видите, как он как будто вибрирует? Это самаркандский синий, импортированный по Шёлковому пути. Мастера династии Мин смешивали этот кобальт с другими местными минералами, чтобы получить этот точный оттенок. Это синий, который мы больше не умеем делать сегодня. Формула утеряна.

Он осторожно положил фрагмент.

— Этому фарфору более четырёхсот лет. Он был изготовлен при правлении императора Сюаньдэ, одного из величайших меценатов в истории Китая. Они пережили падение династии Мин, приход Цин, века войн и потрясений. А теперь...

— А теперь они разбиты во французском замке, — горько закончил Ру.

— Да. Но, по крайней мере, они всё ещё существуют.

Дюбуа начал делать наброски, отмечая, как складываются фрагменты, где находятся пробелы.

— Мне потребуется около трёх недель. Я буду работать здесь, в этой мастерской. Вы можете приходить наблюдать, если хотите.

— Я приду. Я хотел бы увидеть, как вы работаете.

— Хорошо. Но я должен вас предупредить: это будет трудно смотреть. Склеивать разбитый фарфор — это как... это как пытаться исправить что-то принципиально сломанное. Можно улучшить внешний вид, но первоначальная целостность потеряна навсегда.

Ру кивнул. Он понимал, что Дюбуа не говорил явно: этот фарфор был метафорой. Он представлял отношения между Францией и Китаем, разбитые насилием и грабежом. Можно было склеить части, создать иллюзию

восстановления, но первоначальный разлом всегда оставался бы видимым.

— Мастер Дюбуа, могу я задать вам личный вопрос?

— Конечно.

— Что вы думаете обо всём этом? О грабеже, об этих предметах, об этом музее, который мы создаём?

Реставратор отложил свои инструменты и посмотрел Ру в глаза.

— Вы действительно хотите знать?

— Да.

— Я думаю, что это трагедия. Сложная трагедия, без настоящих виновных или невиновных. Солдаты, которые грабили дворец, подчинялись приказам. Офицеры, которые организовали раздел, следовали военным правилам. Императрица, которая принимает эти предметы, отвечает ожиданиям своей роли. И тем не менее результат тот же: незаменяемое культурное наследие было вырвано из своего первоначального контекста.

Он сделал жест к фрагментам фарфора.

— Но вот в чём дело: эти предметы теперь существуют. Они здесь, во Франции. Мы не можем переписать историю. Единственный оставшийся вопрос: что мы делаем теперь? Прячем их от стыда? Уничтожаем их от раскаяния? Или сохраняем их как можем, помня о трагедии их приобретения?

— А вы что бы сделали?

— То, что я всегда делаю: свою работу реставратора. Я восстанавливаю то, что можно, я сохраняю то, что остаётся. Но я никогда не забываю, откуда предметы. И когда могу, как сегодня, я оставляю шрамы видимыми. Чтобы никто не мог притворяться, что никогда не было раны.

В последующие дни Ру регулярно приходил наблюдать за работой Дюбуа. Реставратор работал в мастерской, залитой естественным светом, окружённый своими инструментами: животными клеями, кистями всех размеров, лупами, маленькими щипцами, наждачной бумагой исключительной тонкости.

Процесс был одновременно увлекательным и болезненным. Дюбуа начинал с очистки каждого фрагмента, удаляя пыль, грязь, остатки морской воды, которая просочилась в ящик во время бури. Затем он собирал части как головоломку, проверяя каждую комбинацию, ища, как части складываются.

— Самое трудное, — объяснял он Ру, — сопротивляться искушению заставить. Когда фрагмент не подходит идеально, инстинкт — толкнуть его, прижать. Но это может создать новые трещины. Нужно быть терпеливым, позволить частям проявить себя.

Для первого фарфора, большой сине-белой чаши, украшенной драконами и облаками, Дюбуа потратил четыре дня только на сборку всех доступных фрагментов. Когда он закончил, чаша была восстановлена, но три большие области остались пустыми. Отсутствующие части создавали дыры в узоре, как окна, открытые в пустоту.

— Вот, — сказал Дюбуа, отступая. — Это лучшее, что я могу сделать без фальсификации.

Ру созерцал восстановленный фарфор. Линии клея были видны, образуя сеть серебристых трещин. Отсутствующие зоны резко прерывали драконов, оставляя их неполными. Это было красиво и грустно одновременно.

— Похоже на карту, — пробормотал он.

— Карту его разрушения, да. Каждая линия рассказывает об ударе, падении, насилии. Это история его путешествия, вписанная в саму керамику.

— Примет ли это Императрица?

— Не знаю. Но это честно. А иногда честность дороже красоты.

Прошли недели. Дюбуа завершил восстановление двенадцати фарфоровых изделий. Некоторые были почти полными, с видимыми только несколькими трещинами. Другие, как большая чаша с драконами, оставались явно неполными, с большими пустыми зонами.

В последний день, когда все предметы были закончены, Дюбуа выстроил их на длинном столе. Ру долго созерцал их.

— Теперь они другие.

— Да. Они приобрели новую историю. Историю их разлома и восстановления. Это уже не те же предметы, которые были в императорском дворце.

— Это снижает их ценность?

— Зависит от того, что понимать под ценностью. Их рыночная ценность? Безусловно. Коллекционер заплатит гораздо меньше за разбитый и восстановленный фарфор, чем за целый. Но их историческая ценность? Их ценность как свидетельства? Возможно, она увеличилась.

Дюбуа убрал свои инструменты.

— Знаете, лейтенант, за всю мою карьеру это первый раз, когда меня просят оставить шрамы видимыми. Обычно хотят, чтобы я стёр все следы повреждения. Но я думаю, вы правы. Этот фарфор должен нести на себе след того, что с ним случилось. Они должны свидетельствовать.

— Свидетельствовать о чём?

— О хрупкости. О насилие. О трагедии грабежа. И, возможно, также о возможности восстановления, даже несовершенного.

Париж, галерея Бинг, улица Прованс, 20 марта 1861 года

Ру получил увольнительную на несколько часов. Вместо того чтобы остаться в Фонтенбло, он сел на поезд в Париж. Что-то побуждало его понять, что происходит с другими предметами, разграбленными во дворце, теми, которые не попали в ящики, предназначенные Императрице.

Он слышал о Зигфриде Бинге, торговце искусством, специализирующемся на азиатских предметах. Его галерея на улице Прованс была известна качеством своих вещей.

Когда Ру вошёл, зазвенел колокольчик. Интерьер галереи был пещерой Али-Бабы: китайский фарфор соседствовал с японскими гравюрами, тайские бронзы с бирманскими нефритами. Всё было расставлено с изысканным вкусом, освещено естественным светом, входящим через большие окна.

Зигфрид Бинг был худым, элегантным человеком в очках со стальной оправой и маленькой тщательно подстриженной бородкой. Он рассматривал через лупу маленький нефрит, который ему представлял сдержанный клиент. Мужчина был в гражданском костюме, но имел характерную военную выправку.

— Династия Цин, — подтвердил Бинг. — Исключительная работа. Происхождение?

— Летний дворец. Я был там.

— Как и многие другие.

Бинг положил нефрит и записал цифру на бумаге, которую он подвинул к своему собеседнику. Мужчина побледнел.

— Это всё?

— Рынок насыщен, мой дорогой. Весь Париж продаёт «подлинные сокровища Летнего дворца». Половина — подделки, другая половина не имеет проверяемого происхождения.

— Но это подлинное! Я был там! Я взял его сам в...

— Я не сомневаюсь в вашей истории. Но докажите это. У вас есть сертификат? Документ, подтверждающий, что вы действительно были в китайской экспедиции? Свидетельство высшего офицера?

Мужчина колебался.

— Нет, но...

— Для меня и для моих клиентов этот нефрит мог прийти откуда угодно. Может быть, из Летнего дворца, может быть, из пекинской мастерской, которая делает копии для европейских туристов. Без документированного происхождения я не могу гарантировать подлинность. А без гарантии цена падает.

Мужчина забрал свой нефрит, явно разочарованный и расстроенный.

— Это грабёж! Я рисковал там жизнью!

— Нет, сударь. Грабёж — это то, что вы сделали в Летнем дворце. То, что делаю я, — это торговля.

Мужчина вышел, хлопнув дверью. Бинг вздохнул и повернулся к Ру, которого он заметил впервые.

— Простите. День был долгим. Чем могу помочь?

— Я не уверен. Вы покупаете предметы из Летнего дворца? Бинг внимательно осмотрел его. Военная выправка, мундир под плохо застёгнутым гражданским пальто, взгляд одновременно любопытный и неловкий.

— Вы покупаете или продаёте?

— Ни то, ни другое. Я хотел увидеть.

— Увидеть что?

— Что происходит с предметами, которые не попали в Фонтенбло.

Бинг улыбнулся, одновременно забавлённой и усталой улыбкой.

— А. Вы один из тех офицеров, у которых есть угрызения совести. Их становится всё больше. Садитесь. Я вам покажу.

Ру сел. Бинг пошёл за большой кожаной книгой и открыл её на прилавке.

— Смотрите. С октября 1860 года я купил семьдесят три предмета, якобы из Летнего дворца. Семьдесят три. А я всего лишь один торговец среди десятков в Париже. Представляете общее число?

Ру просматривал книгу. Каждая запись детализировала предмет: описание, предполагаемое происхождение, имя продавца, цена покупки.

— У вас есть имена продавцов...

— Да. Большинство — солдаты или офицеры экспедиции. Некоторые — матросы, несколько — китайские кули, которые следовали за войсками. У всех одна и та же история: они «нашли» эти предметы, они «спасли» эти сокровища от разрушения.

— И вы покупаете?

— Это моя работа. Я не сужу. Я не спрашиваю, как они получили эти предметы. Меня интересует их подлинность и качество.

Бинг закрыл книгу.

— Но будем честны, лейтенант... это ведь лейтенант, не так ли?

— Лейтенант Анри Ру.

— Лейтенант Ру. Будем честны. Большинство этих предметов были украдены. Не «реквизированы согласно правилам войны» или «спасены от разрушения». Украдены. Чисто и просто. Солдаты вошли во дворец, взяли то, что им

понравилось, и теперь перепродают это за несколько сотен франков.

— Это вас не беспокоит?

— Конечно, беспокоит! Я не монстр. Но что вы хотите, чтобы я сделал? Если я их не куплю, кто-то другой купит. По крайней мере, я забочусь о том, чтобы они попали к серьёзным коллекционерам, которые их сохраняют.

Бинг встал и прошёлся по галерее.

— Идите, я вам кое-что покажу.

Он провёл Ру к витрине в глубине галереи. Внутри находились три сине-белых фарфора, явно старинные и очень высокого качества.

— Посмотрите на эти вещи. Эпоха Мин, XV век. Они происходят из Летнего дворца по словам моего продавца, сержанта пехоты. Он взял их в одном из залов дворца, завернул в своё одеяло и привёз их во Францию в своём рюкзаке.

— И вы их купили.

— Я их купил. Пятьсот франков за три. Мелочь. Сержант ничего не знал о китайском искусстве. Он думал, что они стоят пятьдесят франков, не больше. Я мог бы получить их за сто франков, но я хотел быть справедливым.

— Справедливым, — повторил Ру.

— Да, справедливым. И теперь этот фарфор здесь, в моей галерее. Я продам его коллекционеру, вероятно, за три или четыре тысячи франков. Этот коллекционер будет бережно хранить их, изучать, возможно, одолжит на выставки. Они будут сохранены, оценены, переданы будущим поколениям.

— Они должны были остаться в Китае.

— Конечно, они должны были остаться в Китае! Но их больше нет в Китае. Дворец разрушен. Этот фарфор не может туда вернуться. Что делать? Уничтожить их от

раскаяния? Спрятать в подвале? Или принять реальность и сделать так, чтобы с ними хотя бы хорошо обращались?

Ру не ответил. Он смотрел на фарфор, такой похожий на тот, который он перевозил.

— Сколько предметов из Летнего дворца, вы думаете, сейчас в Париже? — спросил он наконец.

— Тысячи. Может быть, десятки тысяч. В галереях, у частных коллекционеров, на чердаках солдат, которые не знают, что они имеют. Не говоря уже о том, что есть в Англии, России, Германии. Грабёж был не только французским актом, знаете ли.

Бинг вернулся за свой прилавок.

— Знаете, что меня действительно огорчает? Не то, что эти предметы были украдены. А то, что они были рассеяны. Императорская коллекция, которую создавали веками, которая имела связность, логику, была разбросана по всему свету. Предметы потеряли свой контекст. Ваза, которая была в определённом салоне, рядом с другими определёнными вещами, создавая гармоничный ансамбль, теперь оказывается изолированной в парижской витрине. Её смысл был утрачен.

— Музей в Фонтенбло пытается восстановить что-то...

— Подделку. Симуляцию. Это никогда не будет тем, чем был Летний дворец. Как могло бы быть?

Ру направился к выходу, затем обернулся.

— Вы сказали, что многие офицеры приходят к вам с утрызениями совести. Что вы им говорите?

— Правду. Что сделано, то сделано. Что они не могут изменить прошлое. Но что они могут хотя бы позаботиться о том, чтобы с предметами, которые они взяли, хорошо обращались. Это небольшое утешение, я знаю. Но это лучше, чем ничего.

— Этого недостаточно.

— Нет, этого недостаточно. Но это всё, что у нас есть.

Дворец Тюильри, личный кабинет Императрицы, 25 ноября 1861 года

Евгения читала и перечитывала письмо, которое её секретарь только что ей вручил. Почерк был Виктора Гюго, узнаваемый среди всех. Большой, эмоциональный, почти театральный. Письмо было написано из Отвиль-Хауса, на Гернси, где поэт жил в изгнании с момента своей оппозиции государственному перевороту Наполеона III.

Она знала Гюго. Она даже восхищалась им, до изгнания, до того, как политика разделила их. И теперь, со своей скалы на Гернси, он продолжал критиковать их, её и её мужа, с неумолимым постоянством.

Это письмо отличалось от других. Более личное. Более ранящее.

«Мадам,

Мне говорят, что вы создали «Китайский музей» в Фонтенбло, чтобы выставить предметы, привезённые из китайской экспедиции. Мне говорят, что вы считаете эти предметы подарками армии, как свидетельства величия Франции.

Позвольте мне сказать вам, с уважением, подобающим вашему рангу, но также с откровенностью, которую я должен своей совести, что я думаю об этих «подарках».

В одном уголке мира было чудо света; это чудо называлось Летний дворец. У искусства два принципа: Идея, которая производит европейское искусство, и Химера, которая производит восточное искусство. Летний дворец был для фантастического искусства тем же, чем Парфенон является для идеального искусства.

Постройте мечту из мрамора, нефрита, бронзы, фарфора, соорудите её из кедрового дерева, покройте драгоценностями, драпируйте шёлком, сделайте здесь святилище, там гарем, там цитадель, поместите туда богов, поместите туда монстров, покройте лаком, эмалью, позолотите, нарумяньте, заставьте архитекторов, которые были бы поэтами, построить тысячу и одну мечту из тысячи и одной ночи, добавьте сады, бассейны, струи воды и пены, лебедей, ибисов, павлинов, предположите одним словом своего рода ослепительную пещеру человеческой фантазии, имеющую облик храма и дворца, это был тот памятник.

Однажды два бандита вошли в Летний дворец. Один разграбил, другой поджёг. Победа может быть воровкой, как видно. Великое опустошение Летнего дворца было сделано пополам между двумя победителями. Во всём этом смешано имя Элгина, которое обладает роковым свойством напоминать о Парфеноне.

То, что сделал Парфенон, сделал Летний дворец. Всё, что может породить воображение народа почти сверхчеловеческого, было там. Это было не, как Парфенон, редкое и уникальное произведение; это был своего рода огромный образец химеры, если химера может иметь образец.

Вообразите невыразимое сооружение, что-то вроде лунного здания, и вы получите Летний дворец. И всего этого больше нет.

Мы, европейцы, мы цивилизованные, и для нас китайцы — варвары. Вот что цивилизация сделала с варварством.

История сохранит имена этих двух бандитов. Один называется Франция, другой — Англия.

Но я надеюсь, что придёт день, когда Франция, освобождённая и очищенная, вернёт эту добычу разграбленному Китаю.

Таково воровство, которое совершил один из двух победителей, а другой одобрил. Мы восхищаемся сегодня этими «сокровищами» в вашем музее. Но знаете ли вы, откуда они? Из воровства. Знаете ли вы, где они должны быть? В Китае.

Имею честь быть, мадам, вашим почтительным слугой,
Виктор Гюго»

Евгения положила письмо. Её руки слегка дрожали. Она встала и подошла к окну, смотря, не видя, на сады Тюильри, где прогуливались прохожие в угасающем свете ноября.

Её фрейлина, герцогиня де Малакофф, ждала в углу кабинета, молча вышивая. Она уловила смятение Императрицы.

— Ваше Величество расстроено?

Евгения обернулась.

— Мадам де Малакофф, прочитайте это.

Она протянула ей письмо. Герцогиня просмотрела строки, её лицо постепенно закрывалось. Когда она закончила, она резко положила письмо.

— Это... это гнусное обвинение! Этот человек смеет называть Ваше Величество воровкой! Он, который живёт в изгнании, который изливает свою желчь со своей скалы, который никогда не пошевелил пальцем ради Франции!

— Этот человек — Виктор Гюго. Один из величайших поэтов нашего времени.

— Он не перестает быть предателем! Оппозиционером! ...

— Человеком, который говорит правду.

Герцогиня широко раскрыла глаза.

— Ваше Величество не может думать так!

Евгения вернулась к своему столу. Она взяла письмо и перечитала его, останавливаясь на некоторых отрывках.

— «Один разграбил, другой поджёг». Это правда. Французы грабили, англичане поджигали. Гюго прав.

— Но это была война! Правила войны...

— Правила войны оправдывают всё? Грабёж дворца? Разрушение тысячелетней библиотеки? Поджог храмов?

— Лорд Элгин ответственен за поджог, не мы!

— А за грабёж? Кто ответственен за грабёж?

Евгения снова встала и начала ходить по комнате с письмом в руке.

— Знаете, что больше всего ранит меня в этом письме? Не обвинение. Не тон. А то, что он прав. Гюго прав. Мы пришли в Китай, называя себя цивилизованными, высшими, просвещёнными. А мы вели себя как варвары.

— Ваше Величество...

— Нет, дайте мне сказать. Вы думаете, что я не знаю, откуда эти предметы? Вы думаете, что я не знаю, что произошло во дворце? Я читала все отчёты. Я слышала свидетельства офицеров, тех, у кого хватило смелости сказать правду. Я видела рисунки Чарльза Виргмана. Я читала статьи Томаса Боулби до его смерти в плену. Я знаю.

Она остановилась перед портретом Наполеона III на стене.

— Я знаю, что мы сделали. И я несу это знание как бремя.

— Почему же вы приняли эти предметы? Почему создали этот музей?

— Потому что я Императрица Франции. Потому что отказаться от этих предметов означало бы дискредитировать экспедицию, оскорбить армию, унижить моего мужа. Потому что имперская политика не даёт мне роскоши следовать моей совести.

Она вернулась к своему столу и опустилась в кресло.

— Гюго просит меня вернуть эти предметы в Китай. Представляете? Скандал? Унижение? Император никогда мне не простит. Армия будет ненавидеть меня. Газеты будут поносить меня. И ради чего? Сами китайцы не смогли бы их вернуть. Дворец разрушен. Куда они их поместят?

— У Вашего Величества нет причин упрекать себя.

— Есть! Мне есть в чём себя упрекнуть! Я приняла эти предметы. Я создала этот музей. Я выставила их как трофеи. Я стала соучастницей.

— Соучастницей чего? Сохранения произведений искусства? Без Вашего Величества эти предметы были бы рассеяны, проданы, возможно, даже уничтожены!

Евгения покачала головой.

— Это то, что я говорю себе, чтобы спать ночью. Что я спасла эти предметы. Что я дала им достойное место. Но в глубине души я знаю, что это ложь. Утешительная ложь, но всё же ложь.

Она взяла чистый лист бумаги и обмакнула перо в чернила.

— Вы будете отвечать Виктору Гюго? — спросила герцогиня.

— Как ответить на это? Отрицать факты? Я не могу. Оправдать их? Я не хочу.

— Не отвечайте. Игнорируйте это письмо. Гюго — изгнанник, никто не слушает его стенания.

— Вы ошибаетесь. Многие слушают Гюго. Во Франции, в Европе. Он один из моральных голосов нашего времени.

Евгения начала писать, затем остановилась. Она скомкала бумагу и выбросила её.

— Нет. Я не буду отвечать. Что я могла бы сказать? Что он неправ? Он прав. Что мы действовали достойно? Мы не действовали. Что я верну предметы? Я не могу.

Она встала и подошла к маленькой витрине в своём кабинете, где она хранила несколько личных предметов. Среди них находился маленький белый нефрит, один из первых предметов, привезённых из Китая, ещё до систематического грабежа дворца.

— Посмотрите на этот нефрит. Он красив, не так ли? Чист. Совершенен. Когда я смотрю на него, я вижу искусство, я вижу красоту. Но Гюго видит воровство. И знаете что? Он прав, видя воровство. Потому что это и есть то, что это такое.

— Ваше Величество слишком строга к себе.

— Нет. Я недостаточно строга. Если бы я была действительно честна, если бы у меня действительно была смелость, я бы вернула эти предметы. Неважно, какой скандал, неважно, какие последствия. Но я не сделаю этого. Потому что я слаба. Потому что я предпочитаю жить с виной, чем столкнуться с публичным унижением.

Герцогиня не знала, что сказать. Она никогда не видела Императрицу в таком состоянии, такой уязвимой, такой мучимой.

— Что мне делать с письмом Гюго? — спросила она наконец.

— Сохраните его. С другими документами о китайском музее. Пусть он останется в архивах. Пусть будущие историки его найдут. Пусть они знают, что кто-то, по крайней мере, имел смелость сказать правду. И пусть они также знают, что я слышала эту правду и ничего не сделала.

— Это очень сурово, Ваше Величество.

— История будет ещё суровее. Гюго прав в одном: История сохранит наши имена. И это будет не с благосклонностью.

Вечер наступал над Парижем. Где-то в этом городе, в галереях, частных особняках, на чердаках, были тысячи предметов, украденных в Китае. А в Фонтенбло её китайский

музей сиял всеми огнями, памятник одновременно искусству и преступлению.

— Знаете, что мне больше всего больно? — прошептала она. — Не то, что Гюго меня осуждает. А то, что он прав, осуждая меня. И что я ничего не могу с этим поделать.

Герцогиня де Малакофф приблизилась.

— Ваше Величество делает всё, что может, в невозможной ситуации.

— Нет. Я делаю то, что политически целесообразно. То, что приемлемо для Двора. То, что сохраняет имперский престиж. Но это не то же самое, что делать то, что справедливо.

Она повернулась к герцогине.

— Знаете, что я сейчас сделаю? Я уберу это письмо. Я вернусь к своим обязанностям. Я буду улыбаться на открытии музея. Я буду принимать комплименты о моей коллекции. И я буду жить с этим противоречием.

— Многие монархи живут с гораздо худшим.

— Это не утешение. Это просто констатация того, что мы все развращены властью, так или иначе.

Ночь была теперь полной. Герцогиня зажгла лампы кабинета. В их золотистом свете Евгения казалась внезапно старше, более усталой.

— Оставьте меня теперь. Мне нужно подумать.

— Хорошо, Ваше Величество.

Герцогиня вышла, унося с собой письмо Виктора Гюго. Евгения осталась одна в своём кабинете, окружённая своей драгоценной мебелью, картинами, книгами. А где-то, в Фонтенбло, её китайский музей ждал её, наполненный украденными красотами.

Она взяла свой личный дневник и написала:

«25 ноября 1861 года. Виктор Гюго написал мне из Гернси. Он называет меня воровкой. Он прав. Я воровка. Или, по крайней мере, я соучастница воровства. Я принимаю разграбленные предметы. Я выставляю их. Я восхищаюсь ими. Что это делает из меня?

Я говорю себе, что я их сохраняю. Что без меня они были бы рассеяны, потеряны. Но действительно ли для их сохранения я создала этот музей? Или это для престижа? Чтобы показать мощь Франции? Чтобы иметь что-то красивое, что принадлежит мне?

Я не знаю ответа. Или, скорее, я его знаю, но не хочу признавать.

История нас осудит. Гюго сказал это, и он прав. История сохранит наши имена. И когда она их произнесёт, это будет с осуждением».

Она закрыла дневник и задула лампы, оставив комнату в темноте.

Париж, Латинский квартал, 10 января 1862 года

Ру гулял вдоль Сены. Это был выходной день, редкий и драгоценный. Работа в Фонтенбло продвигалась хорошо, музей был почти готов. Он решил приехать в Париж без особой причины, просто чтобы погулять, подумать.

Проходя мимо скамейки возле моста Пон-Нёф, он заметил человека, сидящего и неподвижно смотрящего на Лувр по другую сторону реки. Что-то в его позе, в его неподвижности привлекло внимание Ру.

Мужчина был одет по-европейски — тёмные брюки, шерстяной пиджак, котелок — но всё ещё носил традиционную китайскую косу, свисающую на спину. Ему должно было быть лет пятьдесят, лицо было отмечено временем и горем.

Не совсем понимая почему, Ру приблизился. Возможно, это была очевидная одиночество мужчины. Возможно, это была его собственная вина, которая толкала его искать форму искупления.

— Вы любуетесь Лувром?

Мужчина повернулся к нему. Его глаза выражали глубокую печаль, но также проблеск недоверия.

— Я восхищаюсь и презираю, — ответил он на колеблющемся, но правильном французском.

— Как так?

— Это красиво. Но это памятник воровству. Все эти греческие статуи, эти итальянские картины, эти сокровища отовсюду. Украденные. Взятые. Вывезенные.

Ру почувствовал, как его сердце сжалось. Он сел на скамейку на почтительном расстоянии.

— Вы китаец.

— Я был садовником в Юаньминъюане. В Летнем дворце. Теперь я... ничто. Изгнанник. Человек без страны, без работы, без будущего.

— Как вы попали во Францию?

— С французским миссионером. Отцом Дюраном. Он спрятал меня после... после разрушения. Он взял меня с собой, когда вернулся во Францию. Он думал, что спасает меня. Возможно, он осудил меня.

Мужчина достал платок и вытер глаза.

— Простите. Я не должен плакать перед незнакомцем. Но иногда горе слишком сильно.

— Меня зовут Анри Ру.

— Чэнь Вэй. Рад познакомиться, месье Ру.

Они молчали некоторое время, глядя на Лувр. Чайки кричали над Сеной.

— Вы говорите, что были садовником в Летнем дворце?

— Да. Я отвечал за сады Павильона павлинов. Вы знаете?

Ру покачал головой.

— Нет. Я... я был там, но я видел только небольшую часть дворца.

Чэнь Вэй внимательно посмотрел на него.

— Вы были там? Вы были солдатом?

— Артиллерийским офицером.

Мужчина напрягся, его рука сжалась на платке. Ру увидел страх и гнев на его лице.

— Вы были одним из них. Одним из грабителей.

— Да.

Он мог бы солгать, отрицать, придумать другую историю. Но что-то в нём отказывалось. Правда была всё, что он мог теперь предложить.

Чэнь Вэй встал, как будто собираясь уйти. Затем он тихо сел обратно.

— Почему вы мне это говорите? Вы не боитесь, что я вас ударю? Что я вызову полицию?

— Что бы вы сказали полиции? Что я участвовал в военной операции, разрешённой обоими правительствами? Это не преступление в глазах французского закона.

— Но это преступление в глазах человечности.

— Да. Это так.

Чэнь Вэй долго смотрел на него, пытаясь понять этого странного француза, который признавал свою вину.

— Расскажите мне о вашем дворце, — сказал вдруг Ру. — Расскажите мне о садах, которыми вы занимались.

— Зачем? Чтобы насмехаться?

— Нет. Чтобы помнить. Чтобы свидетельствовать. Потому что я был там, когда он был разрушен, и я хочу хотя бы знать, что мы разрушили.

Чэнь Вэй колебался, затем начал говорить. Сначала подбирая слова на французском, затем всё быстрее и быстрее, как будто прорвало плотину.

— Павильон павлинов был одним из самых красивых во дворце. Он был построен при правлении императора Цяньлуна, в XVIII веке. Сады вокруг павильона покрывали несколько гектаров. Вековые деревья, пруды с золотыми рыбками, дорожки из белых камней, извивающиеся между клумбами пионов.

Он говорил руками, рисуя в воздухе формы исчезнувшего сада.

— Я потратил годы на уход за этими садами. Каждое утро я вставал до рассвета. Я шёл проверять растения, обрезать ветки, чистить пруды. Это был мой мир. Моя жизнь.

— Это было красиво?

— Красиво? Это слово слишком слабое. Это было... это было как быть во сне. Знаете, китайские сады не такие, как ваши французские сады. У вас всё симметрично, геометрично, контролируемо. Наши сады стремятся имитировать природу, но идеализированную, усовершенствованную природу.

Чэнь Вэй закрыл глаза, вспоминая.

— Был маленький мостик с горбом, переброшенный через главный ручей. С верха этого моста можно было видеть весь сад. Весной цвели вишни. Розовые лепестки падали на воду как снег. Летом лотосы раскрывали свои белые и розовые цветы в прудах. Осенью клёны становились огненно-красными. Зимой снег покрывал всё белым покрывалом, и ветви сосен гнулись под тяжестью.

— Кто приходил в эти сады?

— Император, иногда. Императорские наложницы, часто. Учёные, художники, монахи. Это было место медитации, поэзии, созерцания. Я видел художников, которые проводили целые дни, пытаясь запечатлеть свет на прудах. Я слышал музыкантов, играющих на гуцине под плакучими ивами. Я подавал чай философам, которые обсуждали Конфуция и Лао Цзы.

Он снова открыл глаза, и Ру увидел, что они наполнены слезами.

— А потом вы пришли. Иностранные солдаты. Я был в саду тем утром. Я обрезал хризантемы. Я услышал крики, выстрелы. Я увидел дым.

Его голос прервался.

— Я побежал к павильону. Солдаты уже были там. Французы. Англичане. Я не знаю. Для меня они все выглядели одинаково. Они ломали всё. Они срывали шелковые занавеси. Они разбивали мебель. Они дрались друг с другом за самые ценные предметы.

— Я попытался вмешаться. Я закричал: «Остановитесь! Это дворец Императора!» Солдат ударил меня прикладом своего ружья. Я упал. Когда я поднялся, я увидел французского офицера — может быть, вас, кто знает? — который руководил грабежом. Он кричал приказы. Солдаты выносили предметы и загружали их на повозки.

Ру слушал, со сжатым сердцем. Он помнил тот день. Он действительно руководил погрузкой некоторых ящиков. Он кричал приказы. Он был тем офицером.

— Я провёл три дня, прячась в садах, — продолжил Чэнь Вэй. — Я наблюдал за грабежом. Я видел моих коллег, других садовников, слуг дворца, убегающих или прячущихся. Некоторых убили. Я видел тела.

— На третий день дым стал гуще. Англичане поджигали всё. Он повернулся к Ру.

— Вы просите меня рассказать о моём дворце? Его больше нет. Всё, что осталось, это мои воспоминания. И скоро, когда я умру, даже эти воспоминания исчезнут.

— Нет. Они не исчезнут. Я их сохраню. Я их запишу.

— Зачем? Это не вернёт дворец.

— Нет. Но хотя бы кто-то будет знать. Кто-то засвидетельствует, что Летний дворец был не просто набором зданий, наполненных ценными предметами. Это было живое место. Место, где такие люди, как вы, работали, творили, поддерживали красоту.

— Почему вы это делаете? Почему вас это заботит?

— Потому что я был там. Потому что я участвовал. И потому что я должен нести эту ответственность.

Они сидели молча, глядя на Лувр. Январский свет был бледным и холодным.

— Знаете, что самое жестокое? — сказал наконец Чэнь Вэй.

— Не то, что вы разрушили дворец. А то, что вы даже не понимаете, что вы разрушили. Для вас это был просто вражеский дворец. Для нас это было сердце нашей цивилизации. Это были века искусства, культуры, знания. Всё это исчезло.

— Теперь я понимаю.

— Нет. Вы не понимаете. Вы не можете понять. Мне нужно было бы отвезти вас туда, показать вам, каким был дворец раньше. Но это невозможно. Потому что его больше нет.

Чэнь Вэй встал.

— Вы сказали, что запишете мои воспоминания. Вы действительно это сделаете?

— Да.

— Запишите это: Юаньминъюань был больше, чем дворец. Это была ставшая реальностью мечта. Мечта о

совершенстве, красоте, гармонии. А вы её убили. Вы убили нашу мечту.

Он отошёл на несколько шагов.

— Есть одна вещь, которую я хотел бы увидеть перед смертью. Предметы. Те, что вы увезли. Мне говорят, что они в Фонтенбло. Это правда?

— Да. В музее, который создала Императрица.

— Я хотел бы их увидеть. Хотя бы раз. Чтобы вспомнить.

— Я могу вас туда отвезти. Я там работаю. Я могу получить разрешение.

Чэнь Вэй колебался, затем кивнул.

— Хорошо. Когда?

— Через несколько дней. Я пришлю вам сообщение. Где вы живёте?

— У отца Дюрана. Улица дю Бак. Церковь Святого Фомы Аквинского.

— Я пришлю вам сообщение туда.

Чэнь Вэй отошёл вдоль Сены, его китайская коса качалась на спине, одинокая фигура в зимнем Париже.

Ру остался на скамейке, потрясённый. Впервые он услышал голос с другой стороны. Не китайского офицера, не мандарина, а простого садовника. Человека, который посвятил свою жизнь созданию красоты и который видел, как эта красота была разрушена за несколько дней.

Он достал свой дневник и написал:

«10 января 1862 года. Париж. Я встретил Чэнь Вэя, бывшего садовника Летнего дворца. Он рассказал мне о своей работе, о садах, которыми он занимался. Слушая его, я понял что-то, чего я не понимал до сих пор.

Мы думали, что грабим вражеский дворец. Мы думали, что берём ценные предметы. Но мы сделали гораздо больше. Мы разрушили мир. Мир красоты, культуры, цивилизации.

Чэнь Вэй потратил двадцать лет на уход за садами Павильона павлинов. Двадцать лет терпеливой работы, ежедневной заботы, любви к своему искусству. А мы всё уничтожили за несколько часов.

Он говорит, что я не могу понять. Он прав. Как я мог бы действительно понять? Я видел дворец только как военную цель. Я никогда не видел садов весной, цветущих вишен, прудов с золотыми рыбками. Я никогда не слышал музыку, которую там играли, стихи, которые там читали.

Но теперь, по крайней мере, я знаю, что всё это существовало. И что мы это уничтожили.

Я отвезу его в Фонтенбло. Он увидит предметы. Возможно, это принесёт ему небольшое утешение. Или, возможно, это сделает боль ещё более острой. Я не знаю.

Всё, что я знаю, это то, что я ему это должен».

Замок Фонтенбло, 15 января 1862 года

Ру получил специальное разрешение. Он ждал Чэнь Вэя у входа в замок. Китаец прибыл к концу утра в сопровождении отца Дюрана, лазаристского миссионера, который провёл тридцать лет в Китае.

— Лейтенант Ру? Я отец Дюран. Чэнь Вэй рассказал мне о вашей встрече.

Они пожали друг другу руки. У священника было лицо, загорелое китайским солнцем, пронзительные голубые глаза под кустистыми бровями.

— Очень щедро с вашей стороны организовать этот визит, — продолжил отец Дюран. — Чэнь Вэй нуждается в этом. Он чахнет с тех пор, как мы приехали во Францию. Увидеть

предметы из дворца, даже в этих обстоятельствах, может ему помочь.

Чэнь Вэй ничего не говорил. Он смотрел на замок с опаской.

— Идёмте, — сказал Ру. — Музей здесь.

Они пересекли дворы замка. Чэнь Вэй шёл медленно, как будто направляясь на казнь. Когда они подошли ко входу в китайский музей, он резко остановился.

— Я не могу.

— Да, можете. Идёмте.

Отец Дюран мягко взял руку Чэнь Вэя.

— Идём, мой друг. Вы дошли до сюда.

Они вошли в переднюю. Чэнь Вэй немедленно остановился перед троном-паланкином. Его руки начали дрожать.

— Это трон вдовствующей императрицы, — пробормотал он. — Я видел его сто раз. Он был в Зале великих аудиенций.

Он приблизился и с бесконечной деликатностью коснулся кончиками пальцев лакированного дерева. Затем он отдернул руку, как будто обжёгся.

— Простите. Я не должен трогать.

— Всё в порядке, — сказал Ру. — Трогайте. Эти предметы были у вас дома, прежде чем оказаться здесь.

Они прошли в большой салон. Чэнь Вэй останавливался перед каждым предметом, иногда шепча слова по-китайски, иногда нежно касаясь витрин кончиками пальцев.

Перед большой тибетской ступой он закрыл глаза.

— Это было в Храме всеобщей ясности. Я ходил туда медитировать. Монахи...

— Не торопитесь, Чэнь.

Перед перегородчатыми вазами Чэнь Вэй присел, чтобы быть на уровне предметов.

— Эта была в Павильоне ста цветов. Я помню день, когда Император пришёл полюбоваться ею. Он сказал, что драконы казались живыми, что можно было почти увидеть, как они двигаются. Я был там. Я подавал чай.

Он встал и перешёл к другой вазе.

— Эта была из Салона древностей. Императрица любила смотреть на неё утром, когда восходящее солнце заставляло эмали сиять.

Они продолжили визит. В салоне-галерее Чэнь Вэй узнавал шелка, бронзу, нефриты. Каждый предмет вызывал воспоминание, анекдот, фрагмент повседневной жизни во дворце.

Затем они вошли в лаковый кабинет. Чэнь Вэй остановился, затаив дыхание. Пятнадцать панелей китайских ширм, украшающих стены, создавали интимную, почти священную атмосферу.

— Эти панели... — сказал он шёпотом. — Они из Павильона великой гармонии. Я видел их там.

Он приблизился и осмотрел сцены, нарисованные на панелях: горные пейзажи, реки, павильоны, расположенные на скалах, учёные, созерцающие природу.

— Это работа мастера Ляна. Он работал над этими панелями три года. Я присутствовал при их установке. Это было пятнадцать лет назад.

Перед витринами с нефритами Чэнь Вэй долго задержался. Он узнал несколько вещей, рассказывая их историю, их происхождение, как они использовались.

Затем он подошёл к витрине с восстановленным фарфором. Он сразу заметил трещины, отсутствующие зоны.

— Разбиты во время путешествия?

— Буря. В Индийском океане.

Чэнь Вэй медленно кивнул, без гнева, только с огромной грустью.

— Они пережили пять веков в Китае. Несколько месяцев с вами было достаточно.

Он осмотрел каждое восстановленное фарфоровое изделие, проводя пальцем по трещинам, видимым через стекло витрины.

— Кто сделал это восстановление?

— Мастер Дюбуа. Один из лучших реставраторов Франции.

— Он хорошо поработал. Он оставил прамы видимыми. Это честно.

Чэнь Вэй выпрямился и сделал несколько шагов по кабинету.

— Знаете, что странно? Эти предметы великолепно выставлены здесь. Витрины красивые, освещение идеально, расположение гармонично. И всё же они не дома.

Он сделал жест, охватывающий всю комнату.

— Во дворце каждый предмет имел своё точное место. Этот фарфор был рядом с этим нефритом, который был рядом с этой бронзой. Вместе они создавали смысл, равновесие. Здесь они просто... выставлены. Как в магазине. Без контекста. Без души.

Отец Дюран мягко вмешался.

— Но, по крайней мере, они сохранены. По крайней мере, люди могут их видеть, восхищаться ими.

— Люди могут видеть предметы. Но они не видят то, что они представляли. Они не видят дворец. Они не видят жизнь, которая там протекала.

Чэнь Вэй повернулся к Ру.

— Я благодарю вас за то, что привели меня сюда. Это было важно для меня. Но это также больно. Видеть эти предметы вне их контекста — это как... это как видеть члены тела, разрезанные и выставленные отдельно. Узнаёшь, что они принадлежат телу, но само тело мертво.

Они обошли весь музей второй раз. Чэнь Вэй теперь останавливался меньше, как будто боль стала слишком сильной.

Когда он собирался уходить, он обернулся в последний раз в большом салоне.

— Эти предметы вам не принадлежат. Но теперь вы их хранители. Будьте хорошими хранителями.

— Я обещаю.

— Обещания солдат...

Он не закончил своё предложение. Отец Дюран взял его за руку, и они направились к выходу. Ру проводил их до ворот замка.

— Чэнь Вэй, — сказал Ру, прежде чем они ушли, — я хотел бы записать вашу историю. То, что вы мне рассказали о садах, о вашей работе, о дворце. Чтобы люди знали. Чтобы ваше свидетельство было сохранено.

Чэнь Вэй долго смотрел на него.

— Зачем? Кто будет интересоваться историей простого китайского садовника?

— Будущие историки. Люди, которые захотят понять, что действительно произошло.

— Делайте, как хотите. Если это может послужить чему-то...

Он достал маленький предмет из кармана. Это был полированный нефритовый камешек размером с яйцо, глубокого зелёного цвета.

— Возьмите это. Это всё, что я смог спасти из дворца. Я нашёл его в садах на следующий день после пожара. Храните его. В память об исчезнувших садах.

Ру взял нефрит осторожно. Он был гладким, тёплым на ощупь, простой и чистой красоты.

— Я не могу принять...

— Да. Возьмите его. Теперь вы его хранитель. Как вы хранитель всего, что в этом музее.

Чэнь Вэй и отец Дюран удалились. Ру смотрел, как они уходят, затем посмотрел на нефрит в своей руке.

Он вернулся в замок и поднялся в комнату, служившую ему временным кабинетом. Он взял свой дневник и писал долго, всё, что Чэнь Вэй ему рассказал. Сады Павильона павлинов. Цветущие вишни. Пруды с золотыми рыбками. Маленький мостик с горбом. Учёные, которые приходили медитировать. Музыканты, которые играли под ивами. Художники, которые проводили дни, запечатлевая свет.

Он писал, пока его рука не стала малиновой, пока свечи не сгорели до конца. А когда он закончил, он положил нефрит рядом со своим дневником.

«15 января 1862 года. Фонтенбло. Чэнь Вэй пришёл увидеть предметы сегодня. Он их узнал, каждый из них. Он рассказал их историю, их расположение во дворце, как они использовались.

Слушая его, я понял нечто фундаментальное. Эти предметы — не просто произведения искусства. Они фрагменты исчезнувшего мира. Мира, который мы уничтожили.

Чэнь Вэй сказал, что они не дома здесь. Он прав. Они никогда не будут. Неважно, насколько красив музей, насколько качественна выставка, эти предметы останутся изгнанниками.

Он дал мне нефрит. Простой полированный камешек. Он говорит, что это всё, что он смог спасти из садов. Этот

маленький нефрит без рыночной ценности, возможно, самый драгоценный предмет из всех. Потому что он несёт в себе воспоминания человека, воспоминания жизни, посвящённой созданию красоты.

Я всегда буду хранить его. Чтобы помнить. Чтобы никогда не забыть то, что мы уничтожили».

18 марта 1862 года всё было закончено.

Евгения провела последнюю инспекцию в компании Ру.

Они прошли через четыре зала, восхищаясь результатом. Это было великолепно. Китайский музей был жемчужиной, ларцом, достойным сокровищ, которые он содержал.

В лаковом кабинете Евгения остановилась перед витриной с восстановленным фарфором. Трещины были видны, как шрамы. Отсутствующие части оставались пустыми.

— Вы были правы, отказавшись от подделок. Эти шрамы важны. Они напоминают нам о хрупкости. И, возможно, также о нашей ответственности.

Она повернулась к нему.

— Ваша миссия закончена. Вы сопровождали эти предметы сюда. Вы за ними присматривали, защищали то, что можно было защитить. Я вас благодарю.

— Это был только мой долг.

— Ваш долг был бы только их транспортировать. Вы сделали больше. Вы свидетельствовали. Вы сказали правду, даже когда она была неудобной. Храните свой дневник. Храните его тщательно. Однажды, возможно, через долгое время, кто-то захочет узнать, что действительно произошло.

— Я сохранил его.

— Хорошо. Теперь вы свободны. Возвращайтесь в свой полк. Возобновите свою жизнь.

Ру отдал честь и направился к выходу. На пороге он обернулся в последний раз. Евгения осталась перед

витриной с разбитым фарфором, неподвижная, созерцательная.

Он покинул замок и пошёл по садам. Это был прекрасный день конца зимы. На деревьях появлялись первые почки. Он думал о Чэнь Вэе, о садах Павильона павлинов, которые никогда больше не зазеленеют.

Он думал о путешествии, которое он совершил. От Пекина до Фонтенбло. Из Китая во Францию. Путешествие в несколько месяцев, пересекающее океаны, встречающее бури.

Он думал о капитане Моране с его сомнениями и вопросами. О консуле де Монтиньи с его пророческими предупреждениями. Об Императрице Евгении, разрывающейся между своими сомнениями и обязанностями. О Чэнь Вэе, садовнике без сада.

И он думал о китайцах. Об их унижении. Об их гневе. Об их желании справедливости, которое придёт однажды, как предсказывал Монтиньи.

Он достал свой дневник и сел на скамейку. Нефрит, который Чэнь Вэй ему дал, был в его кармане. Он вынул его, держа на ладони, чувствуя его гладкую и тёплую поверхность. Затем он написал последнюю запись.

«18 марта 1862 года. Фонтенбло. Китайский музей завершён. Предметы, разграбленные во дворце, нашли свой новый дом. Они великолепны. Но они не дома.

Императрица думает, что она их сохраняет. Но она не может стереть тот факт, что они были украдены. Что мы их вырвали.

Я не знаю, что скажет о нас История. Возможно, она осудит нас. Возможно, она поймёт нас. Или, возможно, она просто забудет нас.

Но эти предметы останутся. В этом музее. Безмолвные свидетели преступления. Безмолвные свидетели эпохи,

когда мы думали, что наше превосходство даёт нам все права».

Он закрыл свой дневник и убрал его. Затем он встал и покинул Фонтенбло.

Позади него, в замке, шестьдесят семь ящичков раскрыли свои секреты. Предметы сияли в своих витринах, восхищаемые, защищённые.

И они ждали.

Они ждали дня, когда они смогут вернуться домой.

Замок Фонтенбло, 3 января 1863 года

Первая публичная экскурсия по китайскому музею привлекла значительную толпу. Аристократы, художники, учёные, любопытные заполнили залы, восхищаясь выставленными сокровищами.

Среди них был молодой художник по имени Жюль Арман. Он бродил со своим альбомом для эскизов, останавливаясь перед каждым предметом. Его друг и наставник, знаменитый художественный критик Теофиль Готье, сопровождал его.

— Эти цвета, — бормотал Арман, набрасывая перегородчатую вазу. — Посмотрите на эти синие тона, Теофиль. Это синие, которые мы не умеем воспроизводить во Франции.

Готье наблюдал за вазой.

— Это эмаль. Тысячелетняя китайская техника.

— Удивительно. А этот дракон... точность рисунка...

Они прошли в лаковый кабинет, где были выставлены нефриты. Готье остановился перед скульптурой, изображающей дракона из зелёного нефрита.

— Вот что интересно. Этот нефрит, вероятно, из Синьцзяна. Видите эту прозрачность? Это знак нефрита лучшего качества.

Другой посетитель, мужчина среднего возраста в очках, приблизился к ним. Это был Эрнест Ренан, философ и историк.

— Господа, позвольте представиться. Эрнест Ренан. Я слышал, как вы говорили об этих предметах с большим знанием дела.

— Теофиль Готье, художественный критик. А это мой друг Жюль Арман, художник.

— Рад познакомиться. Что вы думаете об этой коллекции? Готье колебался.

— Она великолепна. Несомненно. Но я не могу не думать об обстоятельствах её приобретения.

— А. Вы тоже озадачены происхождением этих сокровищ.

— Разве вы не озадачены, сударь?

— Да, конечно. Но я историк. Я изучал завоевания, грабежи, конфискации на протяжении веков. И я могу вам сказать одно: то, что мы сделали в Китае, не отличается от того, что римляне сделали с греками, или от того, что крестоносцы сделали с византийцами.

— Делает ли это вещь более приемлемой?

— Нет. Но это реальность. Цивилизация всегда строилась на грабеже. Каждая великая нация строила свои музеи из добычи побеждённых наций.

— Это весьма циничный взгляд, господин Ренан.

— Возможно. Или, возможно, только реалистичный.

Они продолжили визит молча. В большом салоне элегантная дама восхищалась большой тибетской ступой.

— Это графиня де Монтихо, — прошептал Арман. — Мать Императрицы.

Графиня с оживлением разговаривала с сопровождавшей её молодой женщиной.

— Моя дочь создала здесь нечто замечательное. Настоящий музей, достойный величайших европейских коллекций.

— Конечно, мадам графиня. Но не правда ли, что эти предметы происходят из дворца, который был... разрушен? Лицо графини нахмурилось.

— Сожжён англичанами, моя дорогая. Не нами. Мы спасли эти предметы от разрушения. Без инициативы моей дочери они были бы потеряны навсегда.

— Понимаю, мадам.

— Эти предметы теперь в безопасности. Их будут изучать, ими будут восхищаться, их сохраняют для будущих поколений. Разве это не самое важное?

Арман и его спутники незаметно отошли. В передней они наткнулись на группу офицеров в мундирах, которые осматривали трон-паланкин.

— Я был там, — говорил один из них, артиллерийский полковник. — Я участвовал в битве при Паликао. Мы разгромили китайцев в тот день. Славная победа.

— А дворец?

— Великолепный. Но также декадентский. Богатства, накопленные в то время, как их народ умирал от голода. Мы оказали им услугу, забрав всё это.

— Услугу? — повторил женский голос.

Они обернулись. Женщина, строго одетая в чёрное, наблюдала за ними. Её лицо было суровым.

— И кто вы, мадам, чтобы ставить под сомнение моё слово?

— Я мадам Полина Жарико, основательница Общества распространения веры. Я посвятила свою жизнь миссиям на Востоке. И могу вас заверить, полковник, что грабить дворец — это не услуга.

— это не услуга.

— Мадам, мы были на войне...

— Война не оправдывает всё. Я читала отчёты наших миссионеров в Китае. Они описывают ужасные сцены.

— Англичане сожгли дворец, не мы!

— Но вы его разграбили. Вы опустошили его сокровища. Вы соучастники.

Лицо полковника побагровело.

— Мадам, прошу вас следить за своими словами.

— Я лишь констатирую факты. Эти предметы были разграблены.

Другие посетители остановились, чтобы послушать обмен репликами. Готье вмешался.

— Мадам Жарико права, поднимая эти вопросы. Они законны. И я думаю, мы все должны их задавать. Искусство драгоценно, безусловно. Но какой ценой мы его приобретаем?

— Ценой победы, сударь. Это закон войны.

— Возможно, пришло время изменить этот закон.

Полковник развернулся и покинул зал со своими офицерами. Мадам Жарико вздохнула.

— Они не хотят понимать. Они предпочитают прятаться за военной славой, чем столкнуться с моральной правдой.

— Многие поступают так же, мадам.

— Что вы предлагаете? Чтобы мы вернули всё Китаю?

— Это было бы справедливым актом, да. Но я знаю, что это невозможно. Императрица никогда не откажется от своего музея. По крайней мере, мы должны сказать, откуда эти предметы. Не приукрашивать историю.

— Таблички очень сдержанны в этом отношении, — заметил Готье.

Они вышли из музея. На ступенях замка они обменялись своими финальными впечатлениями.

— Это тревожно, — сказал Арман. — С одной стороны, эти предметы исключительны. Я хотел бы провести часы, изучая их. Но с другой стороны, я не могу забыть, что они были украдены.

— Это дилемма нашей эпохи, — ответил Ренан. — Мы хотим пользоваться плодами завоевания, не принимая моральных последствий.

— А вы, господин Готьё? Что вы напишете?

Готьё задумался.

— Я напишу, что эта коллекция грандиозна. Что предметы непревзойдённого качества. Что музей великолепно организован. Но я также упомяну их происхождение. Я напомню, что они из дворца. И я оставляю моим читателям делать собственные выводы.

— Это компромисс.

— Да. Но это лучшее, что я могу сделать.

Министерство иностранных дел, Париж, 10 февраля 1863 года

Министр иностранных дел Эдуар Тувенель принял в своём кабинете неожиданного посетителя. Пинь Чунь, китайский дипломат с секретной миссией в Европе, прибыл в Париж накануне.

Пинь Чунь был человеком с серьёзным лицом. Он носил длинное тёмное шёлковое платье и шапку мандарина. Его французский был безупречным.

— Господин министр, благодарю вас за приём.

— Господин Пинь, ваш визит меня удивляет. Китайское правительство не информировало нас о вашей миссии.

— Моя миссия неофициальна. Я здесь в личном качестве. По деликатному делу.

Тувенель нахмурился.

— Какого рода?

Пинь Чунь сделал глубокий вдох.

— Дворец. И предметы, которые были... изъяты.

— Господин Пинь, эти предметы были приобретены законно согласно законам войны. Пекинский договор...

— Пекинский договор не упоминает эти предметы. Он говорит о контрибуциях, портах, торговых правах. Но не об императорских сокровищах.

Тувенель молчал. Пинь Чунь был технически прав.

— Эти предметы были во дворце, когда наши войска его заняли. Согласно обычаям войны, они принадлежали победителям.

— Является ли обычаем войны грабить музеи? Жечь библиотеки?

— Чего вы хотите, господин Пинь?

— Возвращения предметов. Всех. Тех, что в Фонтенбло, тех, что в частных коллекциях. Всех.

— Это невозможно.

— Почему? Потому что ваша Императрица не хочет отказаться от своего музея?

— Потому что эти предметы теперь принадлежат Франции. Они часть национального наследия.

Пинь Чунь встал, дрожа от сдерживаемого гнева.

— Национальное наследие? Эти предметы — наследие Китая! Как вы смеете претендовать на них?

— Господин Пинь, я понимаю ваши эмоции...

— Нет! Вы не понимаете!

Пинь Чунь взял несколько мгновений, чтобы успокоиться.

— Представьте, что китайские армии приходят в Париж. Что они занимают Лувр. Что они забирают Венеру Милосскую, Нику Самофракийскую. Что они поджигают

дворец. А потом они выставляют эти сокровища в Пекине. Как бы вы себя чувствовали?

Аналогия была тревожной.

— Вам было бы стыдно. Вы потребовали бы возмещения. Не так ли?

— Ситуация иная...

— В чём? Потому что мы китайцы? Потому что вы считаете нас низшими?

— Нет! Это не вопрос расы...

— Это вопрос силы? Вы сильнее, поэтому можете брать то, что нам принадлежит?

Тувенель вернулся сесть.

— Будем реалистами. Французское правительство не вернёт эти предметы. Императрица никогда не откажется.

— Она останется воровкой. А Франция останется соучастницей преступления.

— Осторожнее со словами. Вы оскорбляете Императрицу.

— Я не оскорбляю её. Я констатирую факт.

Тувенель нервно барабанил пальцами.

— Даже если бы я хотел вам помочь, я не мог бы. Потребовалось бы согласие Императора. И Императрицы.

— Тогда спросите их. Во имя справедливости.

— Вы не понимаете. Политика так не работает...

— Я прекрасно понимаю. Политика важнее морали.

Он направился к двери, затем обернулся.

— Я скажу вам кое-что, господин министр. Китай никогда не забудет. Мы можем быть слабыми сейчас. Но История длинна. Однажды мы снова будем сильными. И в тот день мы потребуем возмещения.

— Это угроза?

— Нет. Это обещание. Эти предметы вернутся в Китай. Может быть, не при моей жизни. Но они вернутся. Потому что справедливость в конечном счёте всегда побеждает.

Он открыл дверь.

— Прощайте, господин министр. Надеюсь, вы поразмыслите над моими словами.

После его ухода Тувенель остался сидеть, смущённый. Пинь Чунь был прав в одном: эти предметы были украдены. Законность их приобретения не меняла эту реальность.

Замок Фонтенбло, 1 апреля 1863 года

Анри Ру не возвращался в Фонтенбло более года. Он получил письмо от Императрицы, приглашающей его прийти посмотреть новые таблички музея.

Он вошёл в залы, которые так хорошо знал. Что сразу привлекло его внимание, так это новые таблички, гораздо более подробные.

«Перегородчатая ваза, династия Цин, эпоха Цяньлуна (XVIII век). Происходит из Летнего дворца (Юаньминъюань), Пекин. Летний дворец, летняя резиденция китайских императоров, был разрушен во время Второй опиумной войны в 1860 году. Этот предмет является частью коллекций, спасённых от разрушения и преподнесённых Её Величеству Императрице Евгении Восточной армией».

Ру перечитал табличку. «Спасённые от разрушения». Ловкий способ представить вещи. Не совсем ложь, но и не совсем правда.

— Лейтенант Ру?

Он обернулся. Императрица стояла позади него, одна. Она была в простом бордовом бархатном платье.

— Ваше Величество. Я вас не видел.

— Я люблю приходить сюда иногда, одна. Что вы думаете о новых табличках?

— Они... более подробные, чем раньше.

— Но недостаточно честные, не так ли?

— Я этого не сказал.

— Нет, но вы это думаете. Я это вижу.

Евгения приблизилась к восстановленному фарфору.

— Эти шрамы. Вы попросили реставратора не скрывать их. Почему?

— Потому что они часть истории этих предметов. Скрыть их означало бы солгать.

— А таблички? Разве они не форма лжи по умолчанию?

— Я думаю, они говорят часть правды. Не всю правду, но часть. Это компромисс.

— Компромисс. Да. Это именно то, что это такое.

Она повернулась к нему.

— Вы вели свой дневник, не так ли?

— Да.

— И что вы написали обо мне?

Ру почувствовал, как его пробирает дрожь.

— Я написал, что Ваше Величество разрывалась между своими обязанностями и совестью. Что вы стремились делать то, что справедливо, даже если справедливое не всегда было ясным.

Евгения грустно улыбнулась.

— Это щедро. Боюсь, что Виктор Гюго имеет менее благосклонное мнение.

— Виктор Гюго не был там. Он судит издалека.

— Но разве он не прав? Разве это не воровство?

— Да.

— И всё же вы помогли мне создать этот музей. Почему?

— Потому что предметы существовали. Потому что они не могли вернуться в Китай. Потому что было лучше сохранить их здесь, чем дать им потеряться. Но это не делает первоначальный акт менее предосудительным.

Евгения кивнула.

— Знаете ли вы, что сказал китайский дипломат, Пинь Чунь?

— Нет.

— Что Китай никогда не забудет. Что даже если это займёт сто лет, двести лет, он потребует справедливости.

— Вы думаете, он прав?

— Да. История длинна. Длиннее, чем наши жизни. Длиннее, чем наши империи. И у неё безжалостная память.

— Храните свой дневник.

— Я буду.

— И лейтенант? Спасибо. За вашу честность. Это редкость. Она покинула зал, оставив Ру одного.

Он достал свой дневник и написал последнюю заметку.

«1 апреля 1863 года. Фонтенбло. Я вернулся в китайский музей сегодня. Новые таблички лучше, но всё ещё неполные. Они говорят часть правды, не всю.

Я говорил с Императрицей. Она знает, что эти предметы были украдены. Она знает это и несёт это бремя. Но она не может их вернуть. Политика, престиж, имперская гордость... всё мешает ей.

Так что она идёт на компромисс. Она создаёт музей. Она меняет таблички. Достаточно ли этого? Нет. Но это лучшее, что она может сделать».

Он закрыл свой дневник.

В своих витринах предметы продолжали сиять. Красивые. Драгоценные. Украденные.

ЭПИЛОГ

Тетради Ань Дэхая выжили. Сначала спрятанные в монастыре Вофо, затем рассеянные по различным библиотекам во время смут XX века, они были наконец собраны и опубликованы в 1985 году. Их историческая ценность была бесценной: они предлагали одно из редких подробных описаний Летнего дворца до его разрушения, увиденных изнутри, кем-то, кто знал intimately каждый уголок.

Дневник Анри Ру, завещанный его потомкам, был опубликован только в 1932 году. Издание вызвало национальные дебаты во Франции о колониализме и реституции произведений искусства. Некоторые хвалили Ру за его честность; другие обвиняли его в предательстве французской армии. Нефрит, который Чэнь Вэй ему дал, был завещан музею Гиме с пояснительной запиской. Он всё ещё там сегодня, в маленькой витрине с надписью: «Нефритовый камешек из Летнего дворца, данный Чэнь Вэем, садовником, Анри Ру, 1862».

Огюст Моран закончил свою карьеру как вице-адмирал. Он всегда отказывался публично говорить о Летнем дворце, но в частном письме своему сыну в 1875 году, найденном в семейных архивах, он написал: «Я подчинялся приказам всю свою жизнь. Только однажды я должен был послушаться. Это было в октябре 1860 года».

Полковник Дюма, напротив, сделал блестящую карьеру при Третьей республике. Опрошенный в 1890 году журналистом о деле Летнего дворца, он просто ответил: «Это была война».

На войне не занимаются сентиментами». Он умер в 1895 году, никогда не выразив ни малейшего сожаления.

Чэнь Вэй прожил ещё пятнадцать лет в Париже, работая садовником в разных парках города. Он умер в 1877 году, один в маленькой комнате на Монмартре. Отец Дюран, который помогал ему до конца, сообщил, что его последними словами были: «Сады... я хочу увидеть сады...»

Генерал Кузен де Монтобан, ставший графом де Паликао, всегда защищал свои действия в Китае. Назначенный военным министром в 1870 году, он был привлечён к ответственности за поражение при Седане и закончил свою жизнь в безвестности. В своих мемуарах, опубликованных посмертно, он посвятил менее трёх страниц китайской экспедиции, никогда не упоминая грабёж.

Виктор Гюго продолжал свою критику. Его открытое письмо о разграблении Летнего дворца, опубликованное в нескольких европейских газетах, стало одним из основополагающих текстов для размышлений о культурном грабеже во время войны. Оно всё ещё цитируется сегодня в дебатах о реституции.

Императрица Евгения сохранила свой китайский музей до падения Второй империи в 1870 году. Изгнанная в Англию после поражения Франции, она безуспешно пыталась перевезти предметы в свою резиденцию в Фарнборо. Они остались в Фонтенбло. В её личном дневнике, обнаруженном после её смерти в 1920 году, она навязчиво возвращается к китайскому музею, выражая всё более глубокие сомнения о законности своей коллекции.

Китайский музей Фонтенбло существует и сегодня. Таблички изменялись несколько раз. В 1920 году добавили упоминание о «трагических обстоятельствах» приобретения. В 1960 году, к столетию, была установлена мемориальная доска, признающая «грабёж» и выражающая «сожаления». С 2020 года таблички явно упоминают: «Эти предметы

происходят из разграбления Летнего дворца франко-британскими войсками в октябре 1860 года».

В 1900 году, во время восстания ихэтуаней, Юаньминъюань (или то, что было частично восстановлено) был снова разграблен и разрушен. Руины, которые мы видим сегодня в Пекине, в основном те, что оставлены пожаром 1860 года. Китайское правительство решило сохранить их в состоянии, в котором они находятся, как памятник «веку унижений».

В 1980-х годах Китай официально начал требовать реституции разграбленных предметов. В 2009 году на аукционе в Париже были выставлены две бронзовые головы китайского зодиака из Летнего дворца. Китай яростно протестовал. Китайский бизнесмен купил их за 28 миллионов евро и отказался платить, создав крупный дипломатический инцидент. Головы были наконец возвращены в 2013 году.

С тех пор несколько предметов были возвращены, учреждениями или частными коллекционерами. Но подавляющее большинство остаётся во Франции, Англии и других странах. Один только Британский музей владеет почти 23 000 китайских предметов, многие из которых происходят из Летнего дворца.

Фарфор, восстановленный мастером Дюбуа, всё ещё в Фонтенбло. Их трещины стали со временем символом этой разбитой истории. Студенты искусства из нескольких китайских университетов приезжали изучать их, очарованные этим «честным восстановлением», которое отказывается скрывать травму.

В 2015 году был запущен проект цифровой реконструкции Летнего дворца китайскими и французскими исследователями. Используя описания Ань Дэхая, записи Ру, рисунки Виргмана и фотографии Дисдери, им удалось виртуально воссоздать большую часть дворца. Результат

был представлен одновременно в Пекине и Париже в 2018 году. Эмоции были огромными с обеих сторон. Для многих китайцев это был первый раз, когда они могли «увидеть» Юаньминъюань до его разрушения.

В 2023 году делегация китайских студентов посетила музей в Фонтенбло в рамках программы культурных обменов. Один из них, глядя на восстановленный фарфор с видимыми трещинами, прошептал по-китайски (переведённое затем переводчиком): «По крайней мере, они не солгали о трещинах».

Другой добавил: «Они сохранили шрамы».

Это было, возможно, началом. Не примирением — травма была слишком глубокой для этого. Не прощением — как простить разрушение незаменимого культурного сокровища? Но взаимным признанием того, что произошло. Принятием того, что историю нельзя переписать, можно только понять.

Дебаты о реституции продолжаются. Во Франции они разделяют. Некоторые думают, что предметы должны остаться в Фонтенбло, где они сохранены и доступны публике. Другие считают, что единственный моральный акт — полная реституция Китаю. Третьи предлагают компромиссы: долгосрочные займы, совладение произведениями, общие музеи.

В Китае Летний дворец стал национальным символом. Каждое 18 октября, дата пожара 1860 года, на месте руин проходят поминовения. Школьники приходят возложить цветы. Ораторы напоминают о «ста годах унижений» и возрождении Китая.

«Никогда не забывайте», — написал Ань Дэхай в своей последней тетради.

Китай не забыл. Предметы из музея Фонтенбло, даже сохранённые, даже восхищающие, остаются символами

незажившей раны. Они задают вопросы, выходящие за рамки простого вопроса владения: Кто решает, что принадлежит «наследию человечества»? Имеют ли победители право переопределять культуру побеждённых? Может ли сохранение оправдать первоначальную кражу?

Анри Ру писал в своём дневнике: «Эти предметы нам не принадлежат. Но теперь мы их хранители».

Сто шестьдесят лет спустя эта фраза звучит иначе. Могут ли хранители стать законными владельцами просто по прошествии времени? Или ответственность хранителя включает, в конечном счёте, ответственность за реституцию?

История ещё не вынесла решение. Возможно, она никогда не вынесет его полностью. Но одно несомненно: предметы из китайского музея Фонтенбло — не просто произведения искусства. Они свидетели. Свидетели того, что произошло в октябре 1860 года. Свидетели имперского высокомерия. Свидетели культурного насилия.

И они продолжают ждать в своих позолоченных витринах, под приглушённым светом замка.

Они ждут, чтобы справедливость восторжествовала. Так или иначе. Однажды.
